

**В.Б. Конасов,
А.Л. Кузьминых**

**НЕМЕЦКИЕ
ВОЕННОПЛЕННЫЕ
В СССР**

Академия военно-исторических наук
Северное отделение Центра военной истории
Института российской истории Российской академии наук
Вологодский институт развития образования
Вологодский государственный педагогический университет

В.Б. КОНАСОВ, А.Л. КУЗЬМИНЫХ

НЕМЕЦКИЕ
ВОЕННОПЛЕННЫЕ
В СССР:
историография,
библиография,
справочно-понятийный
аппарат

Вологда
2002

ББК 63.3(2)622
63.3(2)Россия
К 64

63.3(2)622.9-68
КР+КЛН

1. Введение.

Рецензенты: доктор исторических наук, профессор С.С. Букин, доктор исторических наук, профессор М.Е. Ерин.

Конасов В.Б., Кузьминых А.Л.

К 63 Немецкие военнопленные в СССР: историография, библиография, справочно-понятийный аппарат.— Вологда: Вологодский институт развития образования, 2002.— 232 с.

В книге впервыедается подробный анализ отечественной и зарубежной литературы по истории немецких военнопленных в Советском Союзе в период 1941—1956 годов. Библиография насчитывает более 830 наименований, начиная от небольших по объему журнальных статей и заканчивая фундаментальными трудами в области военного плена. Книгу завершает справочный аппарат, в котором дается развернутое толкование основных понятий и терминов, связанных с историей пребывания бывших солдат и офицеров вермахта в лагерях и тюрьмах СССР.

Раздел «Историография проблемы» написан профессором, доктором исторических наук В.Б. Конасовым; раздел «Библиография» подготовлен аспирантом ВГПУ А.Л. Кузьминых; раздел справочно-понятийный аппарат — результат совместной работы авторов-составителей.

© Вологодский институт развития образования, 2002 г.
© Конасов В.Б., 2002 г.
© Кузьминых А.Л., 2002 г.

ISBN N 5-87590-068-7

ИСТОРИОГРАФИЯ ПРОБЛЕМЫ НЕМЕЦКИХ ВОЕННОПЛЕННЫХ В СССР

Мировая история убедительно свидетельствует о том, что лица, облеченные властью, как правило, предпринимали слишком мало усилий для облегчения печальной участи солдат и офицеров, оказавшихся в плену. Хотя попытки оградить их от произвола и насилия, разумеется, осуществлялись, доказательством чему служат Женевские конвенции об обращении с военнопленными 1929 и 1949 гг., а также Дополнительные протоколы к ним, принятые в 1977 году. Однако навсегда покончить с трагедией плена позволит только одно — устранение войны из жизни человечества, достижение прочного мира и взаимопонимания между народами. Пока же приходится говорить об обратном. Как это ни прискорбно, но нарушение прав военнопленных ныне стало явлением массового порядка, обыденной и жестокой реальностью. Похоже, мир так и не извлек уроков из прошлого, трагический опыт которого заслуживает самого пристального внимания.

В годы Великой Отечественной войны командование вермахта и министерство пропаганды нацистской Германии пустили в оборот версию об ужасах русского пленца. В эпоху идеологического противостояния двух общественных систем эта версия использовалась для нагнетания антикоммунистических настроений, обрастила все новыми и новыми подробностями. В условиях дефицита правдивой информации о событиях полувековой давности некоторые политические и общественные деятели до сих пор подпитывают миф о бесчеловечном обращении с пленными солдатами и офицерами вермахта в Советском Союзе своими публичными заявлениями. В этой связи реконструк-

ция объективной картины прошлого по проблеме, имеющей ярко выраженные политический, юридический и нравственный аспекты, должна рассматриваться как важный шаг на пути укрепления доверия, дружбы и сотрудничества между народами Германии и России.

Отсутствие достоверного и всеобъемлющего полотна по истории военного плена затрудняет понимание сложных и противоречивых процессов Второй мировой войны, выхолащаивает и обедняет ее содержание. Негласный запрет на изучение этой проблемы в бывшем СССР привел к тому, что из отечественной истории были вычеркнуты или интерпретированы в угоду господствующей идеологии очень многие факты и события. Так, только сегодня воссоздана глава, характеризующая контакты правительства СССР с Международным комитетом Красного Креста. По той простой причине, что позиция МККК в вопросе военнопленных не устраивала советское руководство ни в сороковые, ни в пятидесятые годы. В свою очередь, в Западной Германии десятилетиями культивировался негативный подход к такой антифашистской организации, как Национальный комитет «Свободная Германия». Поэтому нет ничего удивительного в том, что политические, идеологические, различного рода конъюнктурные соображения наложили свой отпечаток и на научные труды по проблеме немецких военнопленных в СССР.

Знание истории пребывания солдат и офицеров вермахта в русском плену имеет принципиальное значение для понимания сущности и особенностей советского тоталитарного режима. Наконец, наряду с научно-исследовательской стороной, глубочайший морально-этический смысл приобретает «прикладной» аспект: реабилитация незаконно осужденных немцев, розыск воинских захоронений и благоустройство кладбищ военнопленных, составление и передача германской стороне по возможности наиболее полного и достоверного списка лиц, скончавшихся в плену и т. д.

В исследовании проблемы пребывания военнослужащих некогда грозного противника на советской земле исторически и методологически оправданно выделить три периода. Хронологические рамки первого (1941 – 1956 гг.) вобрали в себя время от момента нападения фашистской Германии на Советский Союз до возвращения на родину из русского плена последних немецких солдат и офицеров. В этот период идет накопление источниковой базы: появляются статьи о правомерности уголов-

ловного наказания военнопленных, советская пресса публикует материалы о гуманном отношении властей к поверженному врачу, западная печать поднимает пропагандистскую волну по поводу затянувшейся депатриации германских подданных, в ФРГ и ГДР выходят первые мемуары о жизни в советском плену. Второй период (1957 – 1989 гг.) связан с дальнейшим углублением политического и идеологического противостояния двух общественных систем, заложниками которого в большей или меньшей степени становятся и зарубежные, и отечественные ученые. Вместе с тем, это период становления официальной историографии, появления научных трудов о различных сторонах жизни немецких военнопленных в Советском Союзе. Наконец, третий период (с 1990 г. и по настоящее время) связан с объединением Германии, крахом коммунистического режима в СССР и странах Восточной Европы, потеплением международного климата. Глобальные перемены в общественном сознании, инициированные политикой перестройки и гласности, позволяют историкам выйти в изучении проблемы на качественно новый уровень.

Дискуссия о положении немецких военнопленных в СССР в период 1941—1956 гг.

Историографию рассматриваемого периода характеризуют три важнейшие особенности, каждая из которых заслуживает подробного анализа.

Обращение политиков, публицистов и ученых к проблеме судебного преследования военнопленных — первая особенность периода 1941–1956 гг. Летопись фашистских преступлений на территории СССР писалась, как известно, еще в годы Великой Отечественной войны. Разоблачившие зверства оккупантов в отношении пленных красноармейцев и мирных жителей документы и фотоснимки, противоречившие международному праву приказы и распоряжения печатали «Правда», «Известия», «Красная звезда», фронтовые и армейские газеты. Обвиняя противника в преступных средствах и методах ведения войны, автор одной из передовых статей писал: «Пусть знает весь мир, в том числе обманутые Гитлером немецкие солдаты, что фашистские стервятники попирают, как и все свои договоры, и Женевскую конвенцию 1929 г. об улучшении участия раненых и больных в

действующих армиях. Пусть знают все немецкие солдаты, что вместе с ранеными бойцами Красной Армии фашистские летчики расстреляли в госпиталях и раненых немецких военнопленных, находившихся на излечении в госпиталях СССР»¹.

Одновременно в прессе появлялись публицистические очерки обвинительного характера. Набор журналистских приемов, изобразительных средств и пропагандистских штампов, которые использовали авторы, преследовал одну цель – возбудить ненависть к врагу, желание отомстить «кровожадным бандитам», «гнусным двуногим зверям». Такие метафоры и эпитеты сопровождали материалы А.Н. Толстого, Н.С. Тихонова, И.Г. Эренбурга, других писателей и журналистов военного времени².

На официальном уровне вопрос об ответственности за нарушения международного права на театре военных действий впервые прозвучал в ноте наркома иностранных дел В.М. Молотова от 25 ноября 1941 года. В этом документе вся вина за игнорирование правил ведения войны возлагалась на «преступное гитлеровское правительство»³. В очередной ноте от 27 апреля 1942 г. уже говорилось о том, что за чудовищные злодеяния на советской земле ответ должны держать «гитлеровские правительства и их пособники»⁴.

14 октября 1942 г. Кремль высказал положительное отношение к так называемой Сент-Джемской Декларации. Этот документ, подписанный главами девяти эмигрантских правительств, впервые провозглашал судебную ответственность за преступления на территориях оккупированных стран⁵. Наконец, 30 октября 1943 г. СССР, США и Великобритания приняли в Москве свою Декларацию, согласно которой после окончания войны немецкие солдаты и офицеры — организаторы и добровольные «участники зверств, убийств и казней» — будут привлекаться к суду в тех странах, где они совершили свои «отвратительные действия»⁶.

Нетрудно заметить, что круг потенциальных преступников постепенно расширялся. Однако международная общественность не видела в этом ничего предосудительного. Каждый новый документ, декларировавший необходимость суда над нацистскими преступниками, встречался гражданами стран антигитлеровской коалиции с одобрением. Ситуация изменилась после того, как в освобожденном от оккупантов Харькове прошел показательный судебный процесс над тремя немецкими военнослужащими и одним гражданином СССР. 18 декабря 1943 г.

всех четверо за убийства мирных жителей и пленных красноармейцев были приговорены к смертной казни через повешение*. Мировое сообщество отреагировало на проявленную инициативу СССР неоднозначно. С одной стороны, всеми советскими (что естественно) и многими зарубежными деятелями состоявшийся суд и вынесенный приговор были квалифицированы как триумф международного права. С другой стороны — в иностранной прессе, в частности британской, прозвучала мысль о том, что во избежание необъективности подобные суды следует проводить только после окончания войны. Ведь именно таким образом ставился вопрос в Московской декларации, принятой 30 октября 1943 года. Обстановка обострилась, когда Международный комитет Красного Креста в своем «Обращении к правительствам воюющих стран» напомнил, что практика привлечения военнопленных к уголовной ответственности противоречит таким международным соглашениям, как Гаагская и Женевская конвенции⁷.

От лица советской науки в полемику вступил профессор А.Н. Трайнин, который привел в защиту позиции правительства СССР три основных довода. Во-первых, отсрочка в совершении правосудия над «насильниками и убийцами» не отвечает «интересам борьбы с гитлеровской Германией». Во-вторых, исполнение преступного приказа не может служить оправданием противоправных действий. Наконец, статья 29-я Женевской конвенции о военнопленных дает возможность Советскому правительству употребить в отношении нарушителей законов и обычаях войны меры карательного характера. Одной из таких мер, по заключению автора, является применение к военным преступникам Указа Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 г. «О мерах наказания немецко-фашистских злодеев». Что же касается обращения МККК, то этому документу, защищающему военных преступников, только одно место — «мусорный ящик истории»⁸.

Автор определил две категории лиц, которые, по его мнению, должны быть привлечены к уголовной ответственности:

* По приговору военного трибунала 4-го Украинского фронта были казнены капитан военной контрразведки В. Лангхельд,unter-штурмбан-фюрер СС Г. Риц, чиновник тайной полевой полиции Р. Рецлав и водитель комендатуры гестапо М.С. Буланов.

соучастники и исполнители. Группу соучастников ученый разделил на несколько подгрупп: члены правительства Германии, руководство фашистской партии, армейское командование и гитлеровские эмиссары на оккупированной советской территории. К исполнителям были отнесены рядовые гитлеровцы, творившие беззакония по собственной или чужой воле. Беспрекословное выполнение любого приказа, по словам А.Н. Трайнина, является «трусливой попыткой грязной бумажкой прикрыть горы истерзанных жертв»⁹.

Советского ученого поддержали его коллеги. Так, Д.Б. Левин заявил, что, хотя в Гаагской конвенции и отсутствует отдельная статья об уголовном преследовании военнопленных, все ее содержание проникнуто идеей положительного решения этого вопроса¹⁰. Теоретически обосновал необходимость наказания немецких солдат и офицеров, выполнивших преступные приказы, Н.Н. Полянский¹¹.

По мнению Б.В. Глебова, писавшего о первых судебных процессах над военнопленными в СССР, единственным оправданием для обвиняемого, выполнявшего преступный приказ, могло служить «нежелание совершать преступление, отвращение к нему»¹².

После окончания Великой Отечественной войны дискуссия вокруг вопроса об уголовном преследовании военнопленных с новой силой развернулась во Дворце юстиции в Нюрнберге. За день до начала процесса, 19 ноября 1945 г., генерал-фельдмаршал Вальтер фон Браухич, генерал-фельдмаршал Эрих фон Манштейн, генерал-полковник Франц Гальдер и генерал-полковник Вальтер Варлимонт направили Международному военному трибуналу меморандум, положивший начало легенде о «незапятнанном», в отличие от «грязных СС», вермахте¹³.

Идеи меморандума были взяты на вооружение защитой, которая апеллировала к таким понятиям, как военная необходимость, приказ командира, воинская дисциплина, принцип индивидуальной ответственности, недопустимость партизанской войны в оккупированной стране и т. д.

Одновременно подвергалась критике позиция советского обвинения¹⁴, сводившаяся к тому, что не требуют какой-либо переверки и обязательно должны приниматься без доказательств

факты, установленные и обнародованные Чрезвычайной государственной комиссией по установлению и расследованию злодействий фашистских захватчиков*.

Разумеется, далеко не все, о чем тогда говорили адвокаты, ныне следует безоговорочно отвергать. В целом ряде случаев их аргументы звучали весомо и убедительно**. Так, в статье бывшего участника Нюрнбергского процесса юриста Г. Латернера, написанной в начале пятидесятых годов, уже можно найти повод для размышлений. В частности, автор обращает внимание на двусмысленное положение немецкого солдата: «Согласно законам своего собственного государства, он не смел отказываться от выполнения приказов, поступавших сверху, а согласно международному уголовному праву, должен был теперь подвергнуться наказанию потому, что совершил нечто такое, от чего не мог отказаться»¹⁵.

20 декабря 1945 г. в оккупированной Германии союзники приняли Закон № 10 «О наказании лиц, виновных в военных преступлениях, преступлениях против мира и человечности». Критики этого документа прежде всего обращали внимание на его избирательность, нацеленность исключительно против побежденных. Волновало их и то, что статья 2-я (пункт 4-б)*** полностью исключала оправдание подчиненного, выполнявшего

* Полное наименование этого органа — Чрезвычайная государственная комиссия по установлению и расследованию злодействий немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба гражданам, колхозам и общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР. Образована Указом Президиума Верховного Совета СССР от 2 ноября 1942 года. В состав ЧГК входили: секретарь ВЦСПС Н.М. Шверник (председатель), академики Н.Н. Бурденко и Б.Е. Веденеев, летчица Герой Советского Союза В.С. Гризодубова, секретарь ЦК ВКП(б) А.А. Жданов, митрополит Киевский и Галицкий Николай, академики Т.Д. Лысенко, Е.В. Тарле, писатель А.Н. Толстой, академик И.П. Трайнин.

** В этом одна из причин издания в бывшем СССР материалов Нюрнбергского процесса с купюрами, в сокращенном виде. Ответственным редактором нового (тоже далеко не полного) 8-томного собрания материалов «Нюрнбергский процесс» является А.Я. Сухарев. С 1987 по 1991 гг. ежегодно выходило по одному тому, за последние годы — не издано ни одного.

*** Пункт 4-б статьи второй «Закона № 10» гласит: «Тот факт, что какое-либо лицо действовало во исполнение приказов своего правительства или вышестоящего над ним начальника, не освобождает его от ответственности за преступления, но может служить смягчающим обстоятельством при определении наказания».

го преступный приказ своего правительства или командира (осознавал или нет подчиненный пагубный характер приказа, роли не играло). Разработчики же «Закона № 10», наоборот, видели во второй статье хорошую возможность по всей строгости наказать виновников.

Репрессивный механизм этого документа подробно проанализировал профессор Б.С. Маньковский¹⁶. Особенно горячо поддержал автор широкую трактовку понятия «соучастник». Последний — это и организатор, отдавший приказ, и так называемый «подстрекатель», и лицо, хотя и не участвовавшее в совершении преступления, но давшее на это согласие. При этом советский ученый опирался на так называемое «Учение о соучастии», у истоков которого стоял А.Я. Вышинский¹⁷.

После капитуляции фашистской Германии в СССР в два этапа (декабрь 1945 – январь 1946 и октябрь 1947 – декабрь 1947) прошли открытые судебные процессы над немецкими военнопленными. Сначала они были организованы в Смоленске, Брянске, Ленинграде, Николаеве, Минске, Киеве, Риге и Великих Луках, затем – в Сталино, Бобруйске, Севастополе, Чернигове, Полтаве, Кишиневе, Новгороде, Гомеле и Витебске. Краткая информация о состоявшихся заседаниях военных трибуналов давалась в прессе. В обязательном порядке сообщалось о вынесенном приговоре и реакции присутствующих в зале на это событие. Позднее на основе газетных материалов было написано несколько брошюр. Так, Б.С. Утевский подвел итоги первого этапа послевоенных процессов: 66 немецких солдат, офицеров и генералов закончили свою жизнь на виселице, еще 19 были приговорены к ссылке на каторжные работы на срок от 12 до 20 лет¹⁸. Судебное разбирательство по делу о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков на территории Латвии, Литвы и Эстонии нашло отражение на страницах еще двух изданий¹⁹. Показательный процесс в Минске увидел свет в виде стенографического отчета²⁰.

В ноябре 1947 г. по инициативе советской делегации Генеральная Ассамблея ООН приняла резолюцию, осуждающую пропаганду агрессии. Вскоре профессор А.Н. Трайнин, только что избранный вице-президентом Международной ассоциации юристов-демократов, издал брошюру, в которой говорилось: «В СССР в настоящее время идет деятельная работа над под-

готовкой союзного Уголовного кодекса. Будущий УК РСФСР в ряду других преступлений против мира и человечности, надо полагать, предусмотрит и преступную пропаганду агрессии»²¹.

Бесспорно, такая точка зрения автора была продиктована политическим курсом советского руководства. Последнее высказывало серьезную тревогу по поводу угрозы нового мирового вооруженного конфликта. Ощущение опасности, вызванное холодной войной, которая развивалась по примитивной схеме «вызов — ответ», в конце 40-х гг. достигло кульминации. Хотя, как справедливо заметил известный историк Д. Проектор, «трудно измерить, чего здесь было больше: амбиций или страха, блефа или реальных опасений, дальновидности или узости мышления»²².

Так или иначе, но в 1947 г. в отчетах и документах ГУПВИ МВД появилась формулировка «реваншистски настроенные генералы и офицеры». Теоретическую базу под процедуру привлечения названных лиц к уголовной ответственности подвел П.С. Ромашкин, опубликовавший работу под названием «Документы и материалы по вопросам борьбы с военными преступниками и поджигателями войны»²³. Однако соответствующий законодательный акт, содержащий юридическое основание для суда над любителями публичных призывов к агрессии, был принят лишь два года спустя*. Впрочем, последнее обстоятельство не мешало МВД передавать в суды дела на «реваншистски настроенных военнопленных». Скорее всего потому, что в период массового привлечения пленных немцев к уголовной ответственности собрать компрометирующий материал на данную категорию лиц было гораздо легче, нежели доказать вину настоящих преступников — участников зверств и злодеяний на советской земле. На закрытых процессах 1949—1950 гг. многих «поджигателей войны» подводили под Указ от 19 апреля 1943 г. «О мерах наказания для немецко-фашистских злодеев», что с правовой точки зрения не выдерживает серьезной критики.

Закрытые судебные процессы, о которых мы только что упомянули, проходили в обстановке массированного полити-

* Так называемый «Закон о защите мира» был принят Верховным Советом СССР 12 марта 1951 года. В пункте втором этого документа говорится: «Лиц, виновных в пропаганде войны, предавать суду и судить как тяжких уголовных преступников».

ческого давления на СССР со стороны западных стран. Беззастенчиво эксплуатировалась версия о миллионах немецких военнопленных, все еще томящихся за «железным занавесом». Уголовное преследование солдат и офицеров германской армии объявлялось политической акцией Москвы, а их задержание в СССР — ярким примером бесчеловечного отношения к родным и близким. В ФРГ к тому времени все дела на военных преступников были прекращены. На волне антисоветской кампании канцлер Конрад Аденауэр 5 апреля 1951 г. заявил в бундестаге: «Среди военнослужащих число тех, кто действительно виновен, столь невелико, что это не наносит какого-либо ущерба чести бывшего вермахта»²⁴.

Более конструктивная критика в адрес Советского Союза по поводу судебных процессов над немецкими военнопленными произвучала со страниц книги Р. Маураха²⁵. Исследование проведено «по горячим следам», а потому не может претендовать на абсолютную точность цифр и фактов. Общую тенденцию в практике сталинской юстиции автор, однако, подметил верно. Не обременяя себя доказательствами, военный трибунал выносил суровый приговор только на том основании, что обвиняемый некогда принадлежал к войскам, принимавшим участие в преступлениях на оккупированной территории²⁶. Практически каждый приговор сопровождала ссылка на статью 17 УК РСФСР, воспользовавшись которой так называемых «пособников» и «подстрекателей» можно было осудить на смертную казнь²⁷.

Точку в исследовании проблемы судебного преследования немецких военнопленных в рассматриваемый период поставил Г. Фрэй. Этот западно-германский ученый проанализировал основные положения УПК РСФСР (Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации), которые, с его точки зрения, либо нарушались, либо соблюдались чисто формально. Так, в нарушение статьи 19-й заседания военных трибуналов проходили при закрытых дверях. В большинстве случаев военнопленный, которому инкриминировалось то или иное преступление, был лишен возможности «задавать вопросы свидетелям, экспертам и другим подсудимым», как того требовала статья 277-я. При отсутствии переводчика в зале суда не могло быть и речи о соблюдении статьи 280-й, предусматривающей объяснение обвиняемому «в понятных для него выражениях сущности предъявленного обвинения». Что касается статьи 412-й, обязывающей

суд при подаче кассационной жалобы осуществлять «производство по делу в ревизионном порядке», то подобной практики сталинская юстиция никогда не придерживалась²⁸.

Освещение проблемы военнопленных в периодической печати — вторая особенность периода 1941—1956 гг. Печатавшиеся в прессе материалы дают представление о пропагандистском аспекте политики СССР в отношении немецких военнопленных. Уже летом 1941 г. в газетах появились высказывания обезоруженного противника о своей жизни в советском плену. Причем большая часть таких высказываний попала на страницы изданий Главного политического управления Красной Армии «Друг солдата», «За Родину», «Солдатская правда». Так, некто Эрнст Ланге сообщаёт о себе: «Дорогие товарищи! Я в России, в плену, и могу вам только сказать, что мне живется хорошо. Дорогие товарищи! Русское население не относится к нам враждебно. Нас очень хорошо принимают. Товарищи, нам дают много колбасы и сигарет...»²⁹. Трудно не согласиться с мнением германского историка Кислиха-Кёхера, что подобного рода материалы с иронией воспринимались по другую сторону фронта. А формулировка «Дорогие товарищи!» напоминала «скорее телеграмму партийному съезду, чем форму обращения, принятую среди немецких солдат»³⁰.

В центральной печати материалов о положении немецких военнопленных стало заметно больше после опубликования приказа Верховного Главнокомандующего за № 55 от 23 февраля 1942 года. В этом праздничном приказе И.В. Сталин подчеркнул, что «Красная Армия берет в плен вражеских солдат и офицеров, если те готовы добровольно сложить оружие»³¹. В подтверждение слов вождя газета «Красная звезда» поместила на своих страницах групповое заявление личного состава 9-й роты 427-го пехотного полка. Отметив радушный прием, солдаты и офицеры этого подразделения, якобы дружно перешедшие на советскую сторону, констатировали следующее: слухи о расстрелах немецких военнопленных не имеют под собой никаких оснований³².

Картину идеализированного быта в лагерях НКВД содержат также обращения военнопленных в Международный комитет Красного Креста. Так, 4 июня 1942 г. «Правда» опубликовала заявление 115 немецких солдат из лагеря № 74, осуждающее преступную политику германских властей на оккупированной территории СССР. Этот справедливый протест, направленный в адрес МККК, завершала пропагандистская фраза о том, что в

стране социализма даже тогда, когда пленные отказываются давать показания, комиссары обращаются с ними «вежливо и приветливо». Насколько хорошо чувствуют себя пленные за колючей проволокой, должны были подтвердить подробности, характеризующие быт и отдых обезоруженных вражеских солдат: «хорошее питание», «чистые простыни», «русская баня», «читальня и клуб», «кино и концерты», «собственные оркестр и хор».

Впоследствии такого рода агитационные документы перекочевали с газетных полос в научные труды, претендующие на объективное изложение событий прошлого. Так, в книге «Правда и ложь о второй мировой войне» приводится заявление группы немецких генералов и офицеров об условиях труда военнопленных СССР: строго регламентированный рабочий день, запрет на вредные работы, значительные продовольственные пайки и, как следствие, хорошее состояние рабочей силы³³. От комментариев по поводу приукрашенной картины событий авторы воздержались. Между тем осенью 1944 г., в те дни, когда было опубликовано это заявление, кривая смертности в лагерях резко пошла в гору³⁴.

Хорошо известно, что в годы Великой Отечественной войны в советской прессе регулярно печатались сводки Совинформбюро. Анализируя эти документы, исследователь способен решить две взаимосвязанные задачи: сравнить цифры о количестве военнопленных, фигурировавшие в упомянутых сводках, с цифрами аналогичного порядка из отчетов такого ведомства, как УПВИ НКВД СССР, а кроме того, оценить масштаб пропагандистского значения данной проблемы. В подтверждение сказанного обратимся к конкретным фактам. Уже 30 июня 1941 г. газета «Правда» сообщила, что за неделю боев противник потерял пленными более 30 000 человек (по данным УПВИ НКВД — менее 1 000 чел.)³⁵. А к моменту капитуляции Германии, согласно регулярно печатавшимся сводкам Совинформбюро, в руках СССР оказались 3 155 000 немецких солдат и офицеров (по данным УПВИ НКВД — 2 068 986 чел.)³⁶. Пропагандистский подход к цифрам в конечном итоге возымел обратный эффект. Когда 15 марта 1947 г. было опубликовано сообщение ТАСС о том, что на родину депатриированы 1 003 974, а в лагерях СССР остаются 890 532 немца, то бывшие союзники сразу же подсчитали: умерли к указанной дате 1 260 494 немецких военнопленных (3 155 000 — 1 003 974 — 890 532), в то время как

их фактическая смертность, по подсчетам ГУПВИ МВД, составила 294 724 человека³⁷.

Результат неосторожной игры с цифрами неоднократно использовался западными державами как доказательство вероломства и неискренности Кремля в вопросе депатриации немцев на родину. Об ответной реакции СССР на претензии США, Великобритании и Франции свидетельствуют дипломатические ноты, опубликованные в газетах «Правда» и «Известия» 30 января 1949 г., 3 октября 1949 г., 25 января 1952 г. А ответ на обвинения в скрытии правдивой информации о немецких военнопленных, прозвучавшие из уст канцлера ФРГ К. Аденауэра, был дан в статьях «Провал одной клеветы»³⁸ и «Тщетные усилия»³⁹.

В начале 50-х гг. политическое давление на СССР по вопросу о судьбе германских подданных исходило также от Организации Объединенных Наций. Советская печать квалифицировала созданную при ООН комиссию по военнопленным как незаконное формирование, действующее по указке США. Только осенью 1953 г. ее работа подверглась критике в четырех обширных статьях⁴⁰. Под мнимой заботой комиссии о судьбе бывших солдат вермахта, по мнению обозревателя газеты «Правда», кроется попытка «обелить главных виновников второй мировой войны», посеять «атмосферу недоверия и вражды между народами»⁴¹.

Орудием американских агрессоров в Корее и пособником фашистов был назван в печати Международный комитет Красного Креста. Проводя исторические параллели, критики на страницах прессы пытались доказать, что МККК точно так же закрывает глаза на преступное отношение американцев к военнопленным, как ранее не хотел замечать ужасающее положение красноармейцев в лагерях нацистской Германии. Разумеется, позиция СССР в вопросе об узниках войны рисовалась авторами в самых радужных тонах⁴².

Появление мемуаров о судьбе военнопленных в СССР. Такова третья особенность историографии рассматриваемого периода. Первые мемуары о жизни немцев в советском плену увидели свет в конце 40-х — начале 50-х гг.⁴³ Авторы этих воспоминаний, как правило, не скучились на трагические подробности о голоде, изнурительной работе и жестоком произволе властей. Впрочем, от только что вернувшихся на родину людей трудно было ожидать беспристрастного и объективного подхода к освещению событий. На сознание депатриантов еще продолжал

оказывать воздействие так называемый «синдром колючей проволоки». Кроме того, оценку собственного положения в пленах вольно или невольно усугубляла антикоммунистическая пропаганда в печати, одним из мотивов которой было бесправное положение немцев за «железным занавесом». Ярким примером использования мемуаров для обработки общественного мнения может служить предисловие к книге «Колючая проволока, голод, ностальгия», написанное Оттмаром Колером. В нем говорится: «Тот, кто прочтет эту книгу с чистым сердцем и непредвзятым чувством, должен испытать потрясение и сказать вместе со мной: “Задержка освобождения военнопленных является воистину поозором 20-го века”. Эта книга должна помочь убедить мир в том, что эти беднейшие из бедных, эти рабы нашего века должны вернуться домой к своим близким. И только тогда можно начать строить действительно всеобщий мир»⁴⁴. Нельзя сказать, что мемуарная литература была насквозь проникнута ненавистью к СССР. Критикуя сталинскую тоталитарную систему, А. Эндерс и В. Шварц, к примеру, находят теплые слова в адрес жителей сурового сибирского края, в котором им довелось побывать за время своего нахождения в плену⁴⁵.

Вполне объективно оценивает советских людей в своем документальном повествовании Г. Гольвитцер⁴⁶. Служитель церкви и одновременно убежденный противник национал-социализма описывает обстоятельства плена, путь в тыловой лагерь, различные стороны жизни за колючей проволокой. В основе сюжета книги лежат, однако, не эти подробности, а критический анализ теории и практики марксизма-ленинизма. Осуждая коммунистический режим, автор в то же время напоминает читателю о вине немцев перед русским народом⁴⁷.

Особого внимания заслуживает произведение Х. Конзалика «Врач из Сталинграда»⁴⁸. Роман вышел в середине пятидесятых годов и имел огромный успех (по книге Конзалика позднее был снят художественный фильм). Общественность приняла на веру заявление автора о том, что он описывает реальные события. Главным действующим лицом романа является врач-хирург, мужественный образ которого противопоставлен недалеким русским, склонным к диким выходкам. Германская общественность должна была увидеть в герое книги тот идеал, на который должен равняться немец в трудное для страны время.

Советская сторона противопоставила выходившей в ФРГ литературе книгу, подготовленную сотрудниками центрального аппарата МВД и изданную в Берлине в 1949 году⁴⁹. В нее вошли благоприятные отзывы пленных о своей жизни за колючей проволокой. В книге много рисунков и фотографий, которые характеризуют труд, быт и отдых немецких военнопленных. Несмотря на документальный характер повествования, пропагандистское назначение книги видно невооруженным глазом. Более правдиво выглядит описание событий в мемуарах Г. Дибольда, которые были изданы в Австрии⁵⁰. Запоздалая капитуляция 6-й армии фельдмаршала Ф. Паулюса, по мнению автора книги «Врач в Сталинграде», явилась причиной преждевременной гибели многих немецких солдат. В этой связи особо подчеркнута роль советских медиков в спасении тяжелораненых, больных и истощенных людей.

Резюме. Первый период историографии немецких военнопленных в СССР имеет нетрадиционное содержание. Авторы статей и публицистических очерков не имели возможности оценить тот или иной факт в исторической ретроспективе. Тем не менее, уже в этот период развернулись дискуссии о правовом статусе военнопленных, законности их уголовного преследования, проварианности длительного пребывания в советском плену с точки зрения международного права. Именно это время стало мостиком к исследованиям, которые возьмет на себя официальная историческая наука.

Изучение проблемы немецких военнопленных в условиях сформировавшегося идеологического противостояния двух общественных систем (1957—1989 гг.)

Зарубежная историография, в первую очередь западно-германская, в период 1957—1989 гг. значительно превосходит отечественную по количеству и разнообразию тематики изданных работ, что объясняется тремя обстоятельствами:

1. В ФРГ научной общественности предлагалось рассматривать сам факт пребывания солдат и офицеров вермахта в русском плену как трагическую главу германской и только германской истории.

2. В 1957 г. в Западной Германии проблема немецких военнопленных была объявлена приоритетным исследованием, получившим поддержку на правительственном уровне. В результате к середине 70-х гг. увидел свет многотомный труд о судьбе немецких военнопленных Второй мировой войны. Семь томов этого издания были посвящены жизни немцев в лагерях и тюрьмах Советского Союза.

3. В бывшем СССР изучение проблемы военного плена было негласно запрещено. Официальное признание получила лишь тема антифашистского движения, создания и деятельности Национального комитета «Свободная Германия». Все остальные подробности жизни немецких солдат в пленау, как-то: лагерный быт, судебное преследование военнопленных, депатриация на родину — старательно замалчивались.

Многотомная «История немецких военнопленных» и ее критика в бывшем СССР. Еще в середине 50-х гг. в ФРГ было принято решение о подготовке документальной коллекции по истории немецких военнопленных. Председателем научной комиссии по изучению жизни соотечественников в СССР, Югославии, Польше, Чехословакии, Великобритании, США, Бельгии, Франции, Голландии, Италии, Люксембурге, Греции, Норвегии, Австрии, Дании в течение двух лет был профессор из Мюнхена Ганс Кох. После его смерти научный коллектив возглавил профессор Эрих Машке — бывший узник советских лагерей. Он же стал редактором 15-томного труда (22 книги) «К истории немецких военнопленных во второй мировой войне». В 1974 г. публикация этого сериала, занявшая в общей сложности двенадцать лет, была завершена⁵¹.

Книги, однако, не сразу попали в руки читателям. По мере выхода каждый из томов получал гриф «Для служебного пользования» и направлялся в учебные заведения бундесвера в качестве учебного пособия по истории Второй мировой войны. Такое решение министр иностранных дел Вилли Брандт мотивировал следующим образом: «Этим самым мы с самого начала избежим недоразумений, будто при помощи массированной публикации преследуются политические цели и провоцируется общественная дискуссия внутри и даже вне страны. Последняя разбередила бы у всех или у многих старые раны и была бы вредна для внешней политики федерального правительства»⁵². Лишь в 1976 г. депу-

таты бундестага пришли к выводу о том, что материалы о судьбе немецких военнопленных можно предать гласности.

Как показала жизнь, к подобному повороту событий советская историческая наука была не готова. Сотрудник Института военной истории Г.М. Иваницкий получил в свое распоряжение семь томов (со 2-го по 8-й), посвященных пребыванию немецких военнопленных в Советском Союзе, на предмет их критического обзора. Однако профессионально выполнить поставленную перед ним задачу историк смог только частично. Краткий обзор каждого тома был дан. Весьма проблематичной выглядела попытка опровергнуть то или иное положение монографического труда, не располагая соответствующими архивными документами. Тем не менее, отдавая дань времени, историк был вынужден сделать следующий вывод: «Публикация так называемых документов “К истории немецких военнопленных во второй мировой войне” представляет собой крупную идеологическую диверсию реакционных кругов ФРГ, цель которой заключается в попытке подорвать процесс нормализации отношений между СССР и ФРГ, а также наметившееся ослабление международной напряженности»⁵³.

Год спустя в печати появляется еще одна критическая статья⁵⁴. Многообещающее название «Правда и ложь о жизни немецких военнопленных в СССР», однако, мало соответствовало содержанию. Повторив прежние обвинения в адрес «фальсификаторов истории», авторы к разбору работы ученых из ФРГ так и не приступили, а завели речь о гуманном отношении советских властей к поверженному противнику. В качестве доказательства использовались отзывы, полученные от пленных в период 1945—1948 гг⁵⁵. Не оспаривая правдивости процитированных свидетельств из-за колючей проволоки, заметим, что к документам подобного рода следует относиться с большой осторожностью. Некоторые из них написаны под наjjимом, из-за боязни ухудшить собственное положение за колючей проволокой, отсрочить необдуманным отказом возвращение на родину. Специальная инструкция МВД СССР за № 389 от 16 июня 1949 г., к примеру, предписывала получать от всех депатрируемых «положительные отзывы о своей жизни в плену», ибо в дальнейшем каждый такой отзыв, резолюция собрания, митинга, групповое письмо «будут иметь большое значение для опровержения клеветнических и провокационных выступлений за границей»⁵⁶.

Взыскательным критиком многотомного труда стал профессор А.С. Бланк, книга которого о судьбе немцев в СССР вышла в Кёльне⁵⁷. Бывший офицер НКВД, переводчик лагеря для высшего командного состава в Суздале профессионально описал быт и нравы своих подопечных за стенами Спасо-Евфимиевского монастыря. Много внимания уделено в монографии эволюции взглядов генералов и офицеров, в конечном счете порвавших с Гитлером и его режимом. Критический анализ многотомного труда западно-германских историков построен на выявлении тенденциозно подобранных свидетельств. К таковым ученым прежде всего относит заявления вернувшихся из плена о «голодном психозе», «невыносимых условиях работы», «попавшей смертности». Справедливо заметив, что подобные документы не могут служить основанием для выводов обобщающего характера, А.С. Бланк напоминает своим коллегам из ФРГ о зверствах и издевательствах фашистов над советскими военнопленными. В высшей степени убедительно звучит эта тема в «Открытом письме профессору Эриху Машке», которое опубликовано в конце книги⁵⁸.

Вместе с тем тезис автора монографии о неукоснительном соблюдении советской стороной норм международного права находится в противоречии с фактами. Попытка западно-германских историков осудить репрессивную политику Кремля, жертвами которой становились практически все красноармейцы, побывавшие в фашистском плену, названа вмешательством во внутренние дела СССР. А критика закрытых судебных процессов, нередко выносивших солдатам вермахта сомнительные приговоры, объявлена «жалобной песней по военным преступникам»⁵⁹. Как и его предшественники, А.С. Бланк делает вывод, что многотомная «История» не имеет под собой научной основы и преследует явно неблаговидные цели – активизировать реваншистские настроения и реабилитировать фашизм⁶⁰.

Исключительно негативная оценка труда западно-германских исследователей, на которой, вне всякого сомнения, оказались императивы режима и идеологические штампы времен «холодной войны», прочно утвердились в советской науке. В 1989 г. специалист в области зарубежной историографии А.Н. Мерцалов по-прежнему усматривал в «Истории немецких военнопленных» одну из наиболее опасных антикоммунистических концепций⁶¹. Потребовалось еще два года, прежде чем в монографии М.И. Семиряги

впервые прозвучала иная оценка: авторы документации «объективно изложили положение немецких военнопленных», лишь иногда нарушив этот принцип «драматизацией реальных тягот» и «обелением фашистской клики»⁶².

Основные положения многотомного труда. В работе над созданием «Истории немецких военнопленных в СССР» принимали участие Д. Картельери⁶³, В. Шварц⁶⁴, Г. Робель⁶⁵, Х. Флейшхаккер⁶⁶, В. Ратца⁶⁷, К. Беренс⁶⁸, К. Бёме⁶⁹. Первые трое из названных авторов анализируют соответственно такие проблемы, как бытовые условия жизни в лагерях, культурно-массовая работа за ключей проволокой, политическое перевоспитание немецких солдат и офицеров. Авторы остальных томов рассматривают вопросы наиболее принципиального и дискуссионного характера: продовольственное обеспечение и уровень смертности; вклад военнопленных в восстановление советской экономики; правомерность привлечения пленных солдат и офицеров к судебной ответственности; репатриация германских подданных на родину. Эти злободневные сюжеты в большей или меньшей степени затрагивают все члены авторского коллектива.

В третьем томе под названием «Фактор-голод» Х. Флейшхаккер пишет о том, что проблемы с питанием начинались еще по дороге в тыл. Каждый день из вагонов выбрасывались трупы. Сами пленные не спешили оповещать русских конвоиров о смерти своего товарища, чтобы заполучить лишнюю пайку хлеба⁷⁰. В лагерях начальство обкрадывало военнопленных, сбывало продукты на сторону. В июле 1946 г. комендант одного из лагерей за хищения в особо крупных размерах был приговорен к расстрелу, его сообщники осуждены на 20 лет лишения свободы⁷¹. Факты, приведенные западно-германским историком, как свидетельствуют архивные документы, отнюдь не вымысел⁷². Смущает другое — драматизирующая тональность, в которую окрашено все повествование. На ее фоне попытки советских властей сохранить здоровье и жизнь немецких солдат выглядят абсолютно беспомощными, что, безусловно, не соответствовало реальному положению вещей.

Автор четвертого тома В. Ратца назвал свое исследование «Фактор-работа». Исследователь рисует подробную картину экономического положения СССР до и после войны. Анализируются организация труда, производственные нормы, режим рабочего дня военнопленных. Подвергается критике официаль-

но принятая в бывшем СССР система ценностей. Лишь очень немногие военнопленные, по замечанию историка, верили в эффективность «плановой экономики» и «коллективного сельского хозяйства», а «социалистическое соревнование» воспринимали с плохо скрываемой иронией. Для повышения производительности труда лагерная администрация прибегала к следующей угрозе: «Кто не умеет хорошо работать, тот показывает, что он еще фашист и не созрел для возвращения на родину»⁷³. По данным В. Ратца, его соотечественники отработали в различных отраслях советской экономики в общей сложности 1 млрд. 250 млн. человекодней⁷⁴. Как свидетельствуют архивные документы, ученый явно завысил этот показатель⁷⁵. Напоминать об этом нелишне потому, что авторы документации готовы говорить чуть ли не о решающей роли немецких военнопленных в восстановлении народного хозяйства СССР⁷⁶.

Автор пятого тома (в двух книгах) К. Беренс ставит под сомнение законность привлечения военнопленных к уголовной ответственности. Историк отмечает, что две трети всех судебных процессов над солдатами и офицерами немецкой армии прошли в конце 40-х – начале 50-х гг. Динамика роста количества осужденных выглядит следующим образом: с 8,5 % в 1947 г. их число увеличилось до 20,4 % в 1948 г. и до 60,2 % в 1949 году. Подавляющее большинство военнопленных не понимало сути предъявленных им обвинений. Ученый полагает, что из 1 000 приговоров лишь один можно считать справедливым⁷⁷.

К приведенным выше статистическим данным, опубликованным в пятом томе многотомной «Истории» под редакцией профессора Э. Машке, следует, конечно, отнести критически. Они базируются главным образом на показаниях немцев, имевших печальный опыт знакомства с советской пенитенциарной системой. Однако в любом случае надо отдать должное историку, который первым попытался воссоздать целостную картину пребывания военнопленных в режимных лагерях и тюрьмах СССР. Свидетельства очевидцев подобраны таким образом, что перед глазами читателя проходят почти все большие и малые «острова» архипелага ГУПВИ. Картотека, составленная автором, содержит перечень осужденных лиц и места дислокации лагерей. Подробно описывается характер выполняемых работ, бытовое устройство заключенных. Автор констатирует, что смертность среди осужденных немцев была

незначительной (8,92 на 1 000 человек в год). Крайне любопытны сведения о восстаниях, которые выпало наблюдать пленным вскоре после смерти И.В. Сталина. Трагически закончилось восстание в Норильске в 1953 году. Вслед за ним акции неповиновения прошли еще в шести местах, в том числе в Воркуте и Кунгуре. Результатом такой крайней формы протеста, по мнению Беренса, стало улучшение условий лагерного быта⁷⁸.

Статистический аспект проблемы немецких военнопленных исследует автор седьмого тома К. Бёме. При этом он использует три источника, позволяющие оценить общее количество плененных, – сводки Совинформбюро, данные «военного дневника» начальника германского генштаба генерала Ф. Гальдера, показания вернувшихся на родину. В результате анализа упомянутых источников ученый делает вывод о том, что в плену СССР находились, по меньшей мере, 3 155 000 его соотечественников⁷⁹. Касаясь вопроса депатриации, Бёме тщательно подсчитал количество военнопленных, прибывших в Западную и Восточную Германию в период 1945—1949 гг. Поставив под сомнение достоверность сообщений ТАСС от 14 марта 1947 г. и от 4 мая 1950 г., историк тем не менее воспользовался названными в них цифрами. И в результате пришел к следующему выводу: в Германию вернулись в общей сложности 1 млн. 959 тыс. немецких военнопленных⁸⁰. Данные о смертности немцев в советском плену (приблизительно 1 млн. 110 тыс. человек) автор седьмого тома, судя по документам, неоправданно завышает.

По мнению западно-германских историков, судьбы немецких и советских военнопленных были схожи. Тем и другим пришлось пережить голод, болезни, смерть, униженное рабское существование. Однако же в положении узников советских и немецких лагерей, по признанию авторов из ФРГ, имелись принципиальные различия. Немецкие военнопленные получали тот же набор продуктов, что и гражданское население СССР, а офицеры – даже больше, поскольку имели повышенную норму питания⁸¹. Что касается фактов расстрела пленных солдат и офицеров вермахта, то они были либо следствием перегибов на местах, либо ответной реакцией красноармейцев на жестокость противника. Ни Верховное Командование Красной Армии, ни НКВД не давали приказов на уничтожение обезоруженного врага⁸².

Зарубежная историография 60—80-х гг. Внимание историков в данный период по-прежнему приковано к вопросу о су-

дебном преследовании немецких военнопленных в СССР. Профессор А. Леманн посвящает этой проблеме одну из глав своей монографии. Касаясь методов ведения следствия, автор подчеркивает противоречивый характер свидетельств бывших осужденных. Одни отмечают давление, угрозы и даже пытки в ходе дознания. Другие говорят, что допросы велись вполне лояльно. В чем солидарны вернувшиеся из плена, так это в том, что ни следователи, ни судьи не признавали такого понятия, как «военная необходимость». Немецкие солдаты, взрывавшие мосты и промышленные объекты, обстреливавшие населенные пункты, разумеется, причинили ущерб советскому обществу и его экономике. Но разве можно утверждать, что они совершили эти действия в каких-то контрреволюционных целях, подпадающих под статью 58-9 УК РСФСР⁸³. И хотя западно-германский историк не до конца искренен в своих рассуждениях (военнослужащие вермахта, помимо всего прочего, расстреливали мирных жителей, издевались над пленными красноармейцами, жгли крестьянские дома), суть явления им схвачена точно. Ни одно государство мира не смогло бы обвинить немецкого солдата в том или ином противозаконном деянии по политическим мотивам. Термин «контрреволюционные преступления» был присущ исключительно советскому уголовному праву.

По мнению А. Леманна, к июлю 1950 г. в Советском Союзе оставалось от 50 до 60 тысяч немецких военнопленных⁸⁴. Этим людям суждено было стать заложниками Сталина в политической игре с крепнущим западно-германским государством. В пользу этой версии говорят два обстоятельства. Во-первых, количество осужденных было не столь велико, чтобы их труд мог сыграть существенную роль в восстановлении народного хозяйства СССР. Кроме того, подозрительно поздно, через пять лет после окончания войны, во всех лагерях неожиданно начался лихорадочный поиск «военных преступников». Свои выводы историк подкрепляет воспоминаниями очевидцев. Так, Гельмут Гольвитцер ничуть не сомневается в том, что следователи и судьи в те дни выполняли политическую директиву Кремля. Непонятно, зачем офицеры МВД вообще искали повод для возвращения обреченных на скамью подсудимых. «Если бы нас заставили пересчитаться и потом убили каждого пятого, — иронизирует Гольвитцер, — был бы достигнут тот же самый эффект “справедливости”»⁸⁵.

Высокую оценку получила книга М. Ланга «Сталинская юстиция против немецких солдат», вышедшая в 1981 году. Автор объясняет судебные процессы конца 40-х – начала 50-х гг. политическими мотивами. Несколько десятков тысяч немцев, помещенных за колючую проволоку, должны были стать в руках Сталина «действенным механизмом воздействия на германскую проблему». Одновременно советский вождь демонстрировал былую силу и власть, в которых западные державы могли усомниться после неудавшейся экономической блокады Западного Берлина в 1948 году⁸⁶.

Мартин Ланг не ограничивается констатацией уже известных фактов. По замечанию профессора Э. Машке, в книге нашла отражение малоизученная проблема привлечения к суду военных трибуналов пленных, отстраненных от массовой repatriации. Многое говорит о том, что исследование западно-германского ученого не потеряло актуальности и в наши дни. Историк тщательно проанализировал доступные ему источники советского права, в том числе Уголовный кодекс Российской Федерации, и дал им критическую оценку. Не менее скрупулезному анализу подвергнуты приговоры, вынесенные бывшим солдатам и офицерам вермахта. Все это позволило исследователю нарисовать близкую к реальности картину. К уголовной ответственности были привлечены более 37 тысяч немцев. На процессах 1945—1947 гг. осудили 10 748 человек, на процессах 1949—1950 гг. — 26 833 человека. В ходе последних почти 86 % обвиняемых получили по 25 лет исправительно-трудовых лагерей. Некоторое представление о законности вынесенных приговоров дают следующие цифры: к концу 1949 г. было выявлено приблизительно 25 тысяч «военных преступников», но при этом в ходе дознания в 62,8 % случаев применялись угрозы и пытки, еще в 26,8 % случаев протоколы допросов остались неподписанными⁸⁷.

На рубеже сороковых — пятидесятых годов, как считает М. Ланг, большинство немецких военнопленных были осуждены по статьям 58-й и 59-й УК РСФСР. Между тем инкриминировать иностранным подданным, к примеру, ст. 58-10 (антисоветская пропаганда и агитация) с международно-правовой точки зрения было нонсенсом. Подозрительно много, почти 42 % обвиняемых, были привлечены к уголовной ответственности по статье 58-6 (шпионаж). Практически все осужденные считали

несправедливыми вынесенные им наказания. Однако никакого шанса на положительное рассмотрение кассационной жалобы в высшей судебной инстанции у них не было⁸⁸.

В литературе о судьбе немецких военнопленных в СССР довольно часто делаются ссылки на исследование, которое провел американский историк А.М. де Цаяз⁸⁹. Анализируя ситуацию с нарушением законов и обычаев войны со стороны СССР, этот ученый приводит такие данные: до 95% солдат и офицеров вермахта, попавших в плен в 1941—1942 гг., были убиты красноармейцами или погибли от произвола советских властей несколько позже⁹⁰. Более осторожен в выводах относительно причин высокой смертности военнопленных Г.-Г. Нольте, который считает, что летальный исход могли повлечь объективные причины, например, трудности в снабжении продовольствием⁹¹.

Вопросу депатриации немецких военнопленных на родину посвящена монография американского историка А. Смита⁹². Вывод автора сводится к тому, что именно СССР несет ответственность за срыв плана по депатриации, принятого Московской сессией СМИД. При этом он замечает, что представители Советского Союза, по меньшей мере, шесть раз обещали американцам вернуть германским семьям их близких до 31 декабря 1948 года⁹³.

Другая книга этого же ученого под названием «Пропавший миллион» включает в себя очерки и документы⁹⁴. Автор пишет о том, что советские, американские и британские военные власти не сумели организовать персональный учет немецких солдат в период их массового плена. Союзники, однако же, вскоре овладели ситуацией. Что касается Москвы, то она по политическим, экономическим и иным мотивам вообще была не заинтересована в оглашении достоверной информации о поверженном противнике. Историк ставит под сомнение данные о количестве депатриированных (1 003 974 чел.) и остающихся в СССР немецких военнопленных (890 532 чел.), названные в сообщении ТАСС от 15 марта 1947 года⁹⁵. Об авторской позиции по поводу этих цифр красноречиво свидетельствует само название книги. Отношение СССР к проблеме военнопленных характеризуют два документа. Один из них — это нота правительства США от 3 января 1949 г., не попавшая, как и большинство других нот западных держав, содержащих требование назвать количество остающихся в плену и умерших в СССР нем-

цев, на страницы советской печати⁹⁶. Второй документ содержит информацию о количестве немецких военнопленных, которые, по мнению правительства ФРГ, без вести пропали в СССР⁹⁷.

В уже упоминавшейся монографии А. Леманна процесс депатриации военнопленных на родину показан на фоне общественно-политических событий, происходивших в ФРГ в первой половине пятидесятых годов⁹⁸. Политики поднимали на щит проблему военнопленных в ходе предвыборных кампаний, прессы реагировала на возвращение узников советских лагерей пропагандистскими статьями и очерками о страданиях невинно осужденных. Правительство поощряло создание литературных произведений и экранизацию фильмов об ужасах русских лагерей. Прибывавших на родину встречали как героев, ораторы произносили патетические речи, раздавались требования даже учредить специальную награду за длительное пребывание в советском плену. В ходе развернутой политиками пропагандистской кампании чувствовалась некоторая односторонность – все словно забыли «об ужасной судьбе русских военнопленных в Германии»⁹⁹.

В свою очередь М. Ланг пытается проследить различные стороны процесса депатриации пленных в 50-е гг.¹⁰⁰. По замечанию автора, в условиях информационной блокады немцы, находившиеся за колючей проволокой, мало верили в то, что смерть Сталина может каким-то образом изменить их положение. Гораздо больше оптимизма вызвало у них известие о визите в СССР западногерманского канцлера. Не располагая документами из российских архивов, историк в целом ряде случаев вынужден прибегать к гипотетическим заключениям. Не лишено оснований его предположение о том, что восстание в Берлине 17 июня 1953 г., приостановило уже запланированную депатриацию. А вот ситуацию на переговорах в Москве в августе того же года он истолковывает неверно. Расекреченные документы из Архива внешней политики Российской Федерации доказывают, что для Советского правительства предложение делегации ГДР освободить от отбытия наказания большую группу «военных преступников» отнюдь не было неожиданностью¹⁰¹.

В обстановке острой дискуссии проходило в ФРГ изучение вопроса об образовании и деятельности Национального комитета «Свободная Германия» и Союза немецких офицеров¹⁰². У немцев, вернувшихся из советского плена, особый успех имела монография западно-германского ученого К.-Х. Фризера,

изданная в 1981 году. Во «Введении» автор знакомит читателя с содержанием политической пропаганды среди пленных в больших и малых войнах XIX—XX столетий. Вторая глава дает общее представление о проблеме немецких военнопленных в СССР. Большая часть книги посвящена главному вопросу — истории создания и деятельности НКСГ и СНО. Антифашистское движение за колючей проволокой, по мнению К.-Х. Фризера, было санкционировано И.В. Сталиным. Созданием Национального комитета советский вождь преследовал четыре главные цели: подтолкнуть западные державы к открытию второго фронта; просигнализировать немецкому Сопротивлению; улучшить качество пропаганды на фронте и в лагерях; создать базу для подготовки кадров, которые займутся в недалеком будущем коммунистическим переустройством Германии¹⁰³. Активистов НКСГ и СНО историк оценивает весьма сурово, объясняя их переход на антифашистские позиции повышенной нормой питания, более комфортными условиями проживания и прочими привилегиями. При таком гипертрофированном толковании роли материального фактора духовное начало в поступках антифашистов предстает в явно искаженном виде. Кроме того, как справедливо замечают П. Штайнбах и Г. Юбершер, их коллега выдает образ НКСГ, созданный вождями ГДР, за реальное историческое содержание¹⁰⁴.

Исследование проблемы советскими историками. Как уже отмечалось, в бывшем СССР официальное признание получила лишь тема антифашистского движения немецких солдат и офицеров в лагерях НКВД. Целям и задачам этого движения, участию пленных в работе по разложению войск противника посвятили свои диссертации, монографии, статьи Н.Г. Погребной, Д.К. Зебров, Л.И. Гинцберг, К.Л. Селезнев и другие советские историки¹⁰⁵. Благодаря коллективным усилиям к середине 80-х гг. в исследовании проблемы был накоплен солидный методологический фундамент, сбрасывать который со счетов на волне каких-либо конъюнктурных соображений было бы неразумно. Вместе с тем, в опубликованных работах присутствуют, по меньшей мере, два заслуживающих критики момента. Во-первых, возникновение и вся последующая деятельность таких антифашистских организаций, как Национальный комитет «Свободная Германия» и Союз немецких офицеров, никоим образом не связываются с планами советского руководства и объясняются исключительно инициативой самих

немцев. Во-вторых, роль германских коммунистов-эмигрантов в политическом перевоспитании военнопленных чрезмерно преувеличивается. Характерна в этом отношении статья А.М. Шевченко, который отводит Национальному комитету роль исполнителя решений ЦК КПГ¹⁰⁶.

Традиционные, политизированные взгляды советских историков на деятельность НКСГ и СНО обобщены в кандидатской диссертации Г.В. Ежовой, посвященной историографии данной проблемы¹⁰⁷. Предложенную автором стройную концепцию несколько нарушили работы А.С. Бланка, научное наследие которого заслуживает особого внимания. Кстати, именно А.С. Бланк был автором первой монографии о движении «Свободная Германия»¹⁰⁸. В книге в неразрывной связи с событиями Второй мировой войны анализируются основные направления этого движения,дается его периодизация. Вопреки официально признанной в СССР и ГДР версии, ученый не был склонен трактовать «Свободную Германию» как «узкокоммунистическое движение». Это движение, по замечанию Бланка, «не было ни коммунистическим, ни социал-демократическим», а являло собой «блок весьма разнородных сил», которые «преследовали патриотические, антивоенные и антифашистские цели»¹⁰⁹. К сожалению, историку не удалось избежать идеологических стереотипов, в силу чего некоторые выводы вступают в противоречие с фактами. Ошибочен, к примеру, тезис о превращении движения «Свободная Германия» в «мощную антигитлеровскую силу»¹¹⁰. Не соответствует истине заключение о том, что инициатива в создании НКСГ принадлежала исключительно ЦК КПГ во главе с В. Пиком, В. Ульбрихтом и Г. Матерном¹¹¹. По-видимому, известный историк и сам понимал искусственный характер некоторых своих обобщений. В его личном архиве (Александр Соломонович Бланк скончался в 1985 г.) сохранилась запись, которая в то время не могла попасть на страницы печати: «Движение “Свободная Германия”, специально созданное, организованное сверху, не представляло собой результат спонтанно родившегося протеста против деспотизма и тирании. Оно было картой в политической игре противных сторон и, поскольку помогало борьбе против Гитлера, было полезным делом, но... Не случайно движение это захирело уже в конце 1944 г. и окончательно самоликвидировалось в 1945 г., когда Сталин утратил к нему всякий интерес»¹¹².

Помимо проблемы антифашистского движения, в рассматриваемый период изучался, к сожалению, весьма поверхностно, вопрос о медицинском обеспечении немецких военнопленных. Авторы статей Р.А. Марасанов и А.Н. Мельничук, в одном случае¹¹³, М.Ф. Войтенко и Г.А. Грибовская — в другом¹¹⁴, приводят сведения о количестве вражеских солдат, принятых на обслуживание фронтовыми медиками в ходе Сталинградской битвы и на завершающем этапе войны, а также о нормах госпитального пайка и характере лечебных процедур. Статистика умерших от ран отсутствует, ее «компенсируют» примеры гуманного обращения врачей со своими пациентами. Тенденциозный характер подборки источников подтверждает тот факт, что документы Военно-медицинского музея исследователи проблемы использовали избирательно. Мимо их внимания прошли отчеты и акты проверок, содержащие информацию об остаточном принципе обеспечения пленных продовольствием и медикаментами, неудовлетворительной эвакуации в тыл, безобразных условиях содержания раненых и больных в отдельных госпиталях¹¹⁵.

Время от времени право на публикацию в СССР получали мемуары бывших немецких военнопленных (Р. Петерсхаген, В. Мюллер, Г. Вельц, В. Адам, О. Рюле, Л. Штейдле)¹¹⁶ и бывших сотрудников РККА и аппарата НКВД (К.В. Крайнюков, М.И. Бурцев, Н.И. Пузырев, А.С. Бланк)¹¹⁷. Главное место в этих книгах отводится анализу эволюции мировоззрения немецких солдат, оказавшихся в советском плену, формам и методам антифашистской пропаганды. В правдивом освещении этой страницы истории военного плена особых сомнений не возникает. А вот сцены из лагерной жизни, быт и нравы военнопленных авторы явно идеализируют. Объяснение этому, помимо всего прочего, следует искать в сфере пропаганды на идеологическом фронте. Как уже говорилось, вернувшись на родину западные немцы не сккупились в своих воспоминаниях на трагические подробности о жизни в советском плену.

Резюме. Изучение истории пребывания немецких военнопленных в СССР в период 1957—1989 гг. следует считать периодом становления официальной историографии. Исследователи в Западной Германии, где тема военного плена в России была объявлена приоритетным научным направлением, добились значительных успехов в анализе и интерпретации доступных им источников, в полной мере использовали возможности «устной

истории». В результате была воссоздана пусты и излишне драматизированная, но достаточно полная и всесторонняя картина жизни немецких военнопленных в Советском Союзе. В то же время советские ученые сконцентрировали свои усилия на изучении истории НКСГ и СНО. Принципиальную разницу в подходе к проблеме пребывания пленных немцев в России обусловили реалии «холодной войны», политическое и идеологическое противостояние. Вот почему из-под пера тех и других историков выходят произведения, тенденциозный характер которых был запрограммирован.

Выход проблемы немецких военнопленных на качественно новый уровень исторического исследования (1990—2002 гг.)

Третий период историографии следует датировать началом 90-х гг. Выходу проблемы на качественно новый уровень исследования способствовала политика гласности и переосмысления советской истории. После долгих перипетий появляется на свет сообщение ТАСС от 13 апреля 1990 г., объявившее гибель польских офицеров тяжким преступлением сталинизма (до этого официально считалось, что пленных поляков в Катынском лесу расстреляли немцы). Продвижению вперед в изучении проблемы немецких военнопленных способствовал конструктивный российско-германский диалог на высшем уровне. В частности, немалую роль сыграло совместное заявление президента России Б.Н. Ельцина и канцлера ФРГ Г. Коля от 16 декабря 1992 г. о реабилитации германских подданных, осужденных по политическим мотивам¹¹⁸.

Впрочем, путь к исторической справедливости оказался далеко не безоблачным, что подтвердила острые дискуссии вокруг Катынской трагедии. От традиционной версии — пленные польские офицеры расстреляны немцами — некоторые советские политики, журналисты, ученые не желали отказываться даже после публикации упомянутого заявления ТАСС. «Военно-исторический журнал» во главе с его главным редактором генералом В.И. Филатовым неожиданно взялся за реабилитацию И.В. Сталина и органов НКВД в Катынском деле¹¹⁹. И лишь публикация протокола политбюро ЦК ВКП(б), на котором бо-

лее 20 тыс. полякам был вынесен смертный приговор, поставила точку в затянувшейся истории¹²⁰.

В условиях более свободного доступа к архивным фондам работы по изучению проблемы военного плена пошла более продуктивно. Вслед за статьями о трагедии в Катыни, авторами которых были историки Н.С. Лебедева, А.С. Прокопенко, В.С. Парсаданова, Ю.Н. Зоря, журналист В.К. Абаринов¹²¹, несколько очерков об иностранных военнопленных подготовил исследователь В.П. Галицкий¹²². Почти одновременно в печати появились статьи о пребывании в лагерях Советского Союза японских, венгерских, американских и испанских солдат¹²³. Автору, настоящей статьи принадлежат первые публикации о судьбах немецких военнопленных¹²⁴.

Новые подходы к изучению и освещению деятельности НКСГ и СНО. Отход от традиционного прочтения деятельности Национального комитета «Свободная Германия» и Союза немецких офицеров ярко продемонстрировала российско-германская научная конференция, проходившая осенью 1993 г. в Красногорске. В ходе этой конференции, посвященной 50-летию создания НКСГ, развернулась дискуссия вокруг проблемы антифашистского движения в лагерях военнопленных в СССР. В центре спора оказались вопросы: «Кому принадлежала инициатива создания НКСГ и СНО? Добились ли члены этих организаций тех целей, которые они перед собой поставили? Можно ли причислить активистов Комитета и Союза к движению Сопротивления?» При всем многообразии подходов российским и зарубежным ученым впервые удалось сблизить свои позиции¹²⁵. В этом же году сотрудниками Мемориального музея немецких антифашистов был подготовлен и издан сборник документов по истории создания и деятельности НКСГ и СНО. Публикуемые в нем источники были извлечены из музейных фондов. Это протоколы Учредительных конференций Национального комитета и Союза немецких офицеров, антифашистские листовки, воззвания офицеров и генералов к войскам вермахта, обращение фельдмаршала Паулюса к немецкой армии и немецкому народу, а также отчет президента НКСГ Эриха Вайнера о работе НКСГ за 1943—1945 гг.¹²⁶.

Утвердившийся в ФРГ тезис о «пособничестве» НКСГ и СНО советскому руководству как несостоятельный решительно отвергается в последних работах А. Фишера, Б. Шойрига,

П. Штайнбаха, Г. Юбершера. Концептуально новое прочтение истории той и другой организации представлено в сборнике трудов германских и российских ученых, вышедшем в 1996 г. в Красногорске¹²⁷. В статье П. Штайнбаха и Г. Юбершера дается подробный критический анализ западно-германской историографии данной проблемы¹²⁸. Ученые доказывают, что на оценку НКСГ и СНО на протяжении почти полувека накладывали отпечаток идеологические штампы и стереотипы времен «холодной войны». Официальная наука специализировалась на политизированной критике движения «Свободная Германия», на обвинении лидеров Национального комитета и Союза немецких офицеров в государственной измене и предательстве товарищей по оружию. Лишь сегодня, по замечанию авторов, историками «предпринимаются попытки специальной научной обработки данных и взвешенной классификации, призванной вытеснить предвзятость»¹²⁹.

В Восточной Германии, как справедливо пишет П. Хайдер, никогда не возникало сомнений в принадлежности Национального комитета и Союза немецких офицеров к немецкому Сопротивлению. Вместе с тем насилием навязанный науке тезис об НКСГ как предшественнике Национального фронта ГДР «воздвиг препятствия на пути исследования необычной специфики и уникальности этого движения»¹³⁰. Особенно преуспел в данном случае «Комитет бывших офицеров», учрежденный по инициативе СЕПГ Германии в январе 1958 года. Выполняя волю партии, члены Комитета пытались дискредитировать генералов и офицеров — участников заговора против Гитлера. Мемуары членов этой организации о жизни в советском плену выдержаны в «позитивно-розовых тонах» и требуют к себе критического отношения.

Анализ отечественной литературы по истории НКСГ прошел профессор А.И. Борозняк. Отдавая должное первопроходцу на этом поприще А.С. Бланку, он отмечает не только сильные, но и слабые стороны его работ: Ученый обращает внимание на тот факт, что исследователи антифашистского движения не могли пройти мимо такой фигуры, как президент СНО генерал Вальтер Зайдлиц. Однако никто из советских историков не рискнул упомянуть о том, что в СССР глава Союза немецких офицеров был объявлен военным преступником¹³¹. В настоящее время, как считает А.И. Борозняк, созданы предпосылки для сотрудничества российских и германских историков, базирую-

шиеся «на общих исследовательских интересах, на непреходящем уважении к памяти об известных лидерах и безымянных рядовых участниках антифашистской борьбы»¹³².

Истории возникновения НКСГ и СНО посвятили свои статьи Г. Юбершер, А.А. Крупенников, Г. Мюллер-Энбергс. Первый из упомянутых авторов считает, что главная роль в создании НКСГ принадлежит вовсе не КПГ, а И.В. Сталину¹³³. Решение вождя не было спонтанным. После поражения немцев под Сталинградом идея создания антифашистской организации буквально витала в воздухе, и игнорировать этот факт советское руководство просто не могло. Автор констатирует, что НКСГ и СНО не удалось достигнуть главного — свержения гитлеровского режима. Однако это вовсе не основание для того, чтобы отказывать антифашистам в статусе патриотов Германии и участников немецкого Сопротивления. Находясь за ключей проволокой, они начали борьбу против Гитлера, исходя из соображений порядочности, гуманизма и любви к родине¹³⁴.

Историк А.А. Крупенников подчеркивает, что складывавшаяся к середине 1943 г. военно-политическая обстановка стимулировала рост антифашистских настроений среди обитателей лагерных бараков. Поэтому инициатива сталинского правительства по созданию НКСГ — разумный и закономерный шаг. Справедливо и другое замечание историка: в ряды антифашистов немецкие военнопленные вступали не только под влиянием советской пропаганды и желания «получить лишнюю порцию каши», многие хотели «внести свой вклад в окончание войны»¹³⁵.

Историк Г. Мюллер-Энбергс, обращаясь к Манифесту НКСГ от 13 июня 1943 г., уточняет некоторые дискуссионные моменты в процессе возникновения НКСГ. Тезис о том, что появление манифеста было хорошо продуманной акцией, автор подкрепляет ссылкой на высказывание секретаря Коминтерна Д.З. Мануильского. К сожалению, главная цель программного документа утвердить за Национальным комитетом статус правительства в эмиграции не была достигнута. Уже в сентябре 1943 г. эта идея, по замечанию ученого, не без участия советских властей была похоронена¹³⁶.

Появление НКСГ и СНО в Советском Союзе серьезно обеспокоило руководство США и Великобритании, о чем свидетельствует статья Х. Бунгерт «Сломить волю немцев к сопротивлению». Выдвигалось несколько версий о возможных причинах образования Национального комитета. В своих подозрениях союзники

заходили так далеко, что рассматривали создание НКСГ как стремление Кремля «подписать сепаратный мир с Германией». А потому в противовес далеко идущим замыслам СССР Вашингтон и Лондон строили планы создания подобного комитета в собственных странах¹³⁷.

Судьбе президента СНО генерала Вальтера Зайдлица посвятил свою книгу Л.Е. Решин¹³⁸. Этот исследователь, в частности, обращает внимание на тот факт, что идея Зайдлица об организации «Немецкой освободительной армии» не была чем-то новым для Советского правительства. К лету 1943 г. на стороне Красной Армии уже сражались польские и чехословацкие воинские части. Автор, однако, не дает четкого ответа на вопрос, почему высшее советское руководство так и не приняло предложения президента Союза немецких офицеров. В книге подробно описан судебный процесс над генералом Зайдлицем. Отсутствие свидетелей, защитника, формальное рассмотрение материалов дела дали основание обвиняемому назвать скорый суд «комедией юстиции». Приговор, как свидетельствуют публикуемые автором документы, предопределили политические мотивы. Нежелание генерала репатриироваться в Восточную Германию, отказ подписать хвалебное письмо по случаю юбилея И.В. Сталина, критика СССР в вопросах послевоенной германской политики — все это предрешило его судьбу и репатриацию на родину в качестве амнистированного военного преступника только осенью 1955 года¹³⁹.

Вопрос о деятельности Национального комитета «Свободная Германия» затронут в кандидатской диссертации Д.А. Смирнова, посвященной научной и общественной деятельности Берлинского Мемориального центра «Германское сопротивление».¹⁴⁰ В девяностых годах руководитель этого центра П. Штайнбах и его единомышленники сделали попытку поставить активистов НКСГ в один ряд с остальными участниками борьбы с фашистской диктатурой. Их многочисленные оппоненты продолжали настаивать на том, что морально-политический аспект не позволяет считать Национальный комитет организацией, боровшейся с гитлеровским режимом. Однако, как показало время, германская общественность сумела по достоинству оценить вклад НКСГ и СНО в победу над фашизмом. Очень многие немцы приняли новую концепцию, предлагавшую выйти за рамки мифологизированного образа движения Сопротивления, «обеднявшего историческое сознание

немцев и создававшего барьеры для свободного и непредвзято-го анализа прошлого»¹⁴¹. Прошлого, в котором главное и единственное место отводилось участникам заговора против Гитлера 20 июля 1944 года.

Проблема уголовного наказания военнопленных в работах российских историков. В России о репрессивной политике Советского государства по отношению к военнопленным стали писать только в середине 90-х гг. Одним из первых обратился к названной теме В.П. Галицкий¹⁴². Юридическим основанием для привлечения иностранных подданных к уголовной ответственности, по замечанию автора, служили документы национального законодательства и международного права. Однако же последние, такие, как Гаагская конвенция 1907 г., Женевская конвенция 1929 г., проходили мимо внимания юристов и в обвинительных заключениях не упоминаются. Немцев да и других иностранных подданных в подавляющем большинстве случаев судили либо по Указу от 19 апреля 1943 г., либо по ст. 58 УК РСФСР. В подтверждение исследователь приводит цифры из доклада министра внутренних дел С.Н. Круглова на имя Председателя Президиума Верховного Совета СССР К.Е. Ворошилова¹⁴³. Эти цифры опровергают точку зрения западно-германских историков, которые считают, что по Указу от 19 апреля 1943 г. было осуждено только 3,7 % немцев от общего количества привлеченных к уголовной ответственности германских граждан¹⁴⁴.

Несколько работ, посвященных судебному преследованию немецких военнопленных, принадлежат перу историка А.А. Крупенникова¹⁴⁵. В публикациях этого автора заметно стремление подчеркнуть нравственный аспект проблемы. Конечно, не все солдаты, офицеры и генералы германской армии прошагали через войну с «чистыми руками». Однако нельзя игнорировать и другое: имели место вынужденные признания, сомнительные приговоры, нарушения процессуальных норм. Знакомство с уголовными делами, с судьбами конкретных людей говорит о том, что через жернова сталинской юстиции прошло немало невинных немцев. Причину «сталинско-бериевского судилища» над военнопленными в конце сороковых — начале пятидесятых годов историк видит в разыгравшейся «холодной войне», на очередном витке которой советское руководство опасалось отпускать на родину «враждебных, нелояльных к советскому строю немцев»¹⁴⁶.

Исследователь затрагивает еще один ракурс проблемы. Согласно Указу Президиума Верховного Совета СССР от 28 сен-

тября 1955 г., амнистии подлежали 8 877 германских граждан и еще 749 германских граждан передавались правительствам ФРГ и ГДР для дальнейшего отбытия наказания. В этой связи А.А. Крупенников выражает сомнение в том, что список, насчитывающий 749 человек, включал только военных преступников. В нем есть имена и фамилии людей, осужденных за противозаконные деяния уже после войны¹⁴⁷. Уместно заметить, что подобные опасения канцлер ФРГ К. Аденауэр высказал на переговорах в Москве еще в сентябре 1955 г.: «Господа, я хотел бы еще сказать вам пару слов со всей откровенностью. Мы думаем, что нам известны случаи – немалое число случаев, когда немцы, которые как солдаты попали в плен, были осуждены за преступления, совершенные ими после прекращения военных действий»¹⁴⁸.

О незаконном осуждении немцев на рубеже 40—50-х гг. пишет в одной из своих статей А.Е. Епифанов. При этом он характеризует работу советских карательных органов по уголовному преследованию немецких военнопленных в период их массовой депатриации¹⁴⁹. Автор использовал любопытные архивные документы, демонстрирующие реакцию военнопленных на несправедливо вынесенные приговоры. Свои выводы и наблюдения о работе «компетентных органов» по выявлению военных преступников А.Е. Епифанов подкрепляет свидетельствами очевидцев: о событиях прошлого рассказывают бывшие сотрудник оперативно-чекистского отдела, переводчик, надзиратель тюрьмы.

Более подробно анализируется данная проблема в монографии этого же ученого «Ответственность гитлеровских военных преступников и их пособников в СССР»¹⁵⁰. Большое внимание уделяется возникновению и деятельности Чрезвычайной государственной комиссии. Эта комиссия сыграла огромную роль в расследовании преступлений, совершенных захватчиками на оккупированной территории. Собранные ею материалы фигурировали в процессе дознания и в суде. Работа комиссии находилась под контролем ЦК ВКП(б). Использовали ее в своих интересах органы НКВД-МВД, другие властные структуры, занимавшиеся вопросами пропаганды, учета рабочей силы и т. д. Итоговый отчет Чрезвычайной государственной комиссии, направленный 30 декабря 1945 г. И.В. Сталину и Г.М. Маленкову, не был обнародован¹⁵¹.

Несмотря на высокую степень объективности заключений ЧГК, некоторые документы (автор книги об этом пишет) не

отличались точностью фактов и достоверностью свидетельских показаний. Наиболее ярким примером, подтверждающим данный тезис, служит попытка советской стороны использовать на процессе в Нюрнберге сфальсифицированный акт комиссии академика Н.Н. Бурденко в доказательство виновности немцев в расстреле польских офицеров в Катынском лесу¹⁵².

Функции ЧГК на местах выполняли комиссии содействия. Работе такой комиссии в Стalingрадской области А.Е. Епифанов посвящает отдельную статью¹⁵³. В публикации приведены данные о количестве убитых советских военнопленных и мирных жителей, сведения о материальном ущербе, нанесенном городу и области. Называются главные виновники этих злодеяний — 77 солдат и офицеров 6-й армии во главе с фельдмаршалом Ф. Паулюсом¹⁵⁴.

Далеко неоднозначно, но в любом случае небезразлично, была встречена научной общественностью книга А.Е. Епифанова «Сталинградский плен»¹⁵⁵. Само ее содержание, новизна подходов и неординарность суждений заставляют читателя несколько иными глазами взглянуть на трагедию 6-й немецкой армии на берегах Волги. Автор обращается к таким дискуссионным проблемам, как количество плененных под Стalingрадом немецких солдат и офицеров, причины заболеваемости и уровень смертности в лагерях Стalingрадской области, соблюдение законности при вынесении приговоров военным преступникам и т. д. При этом А.Е. Епифанов не пытается драматизировать события, связанные с пленением вражеской армии, и утверждает, что военнопленные вовсе не были безвинными жертвами сталинского режима. Несмотря на это, советские ведомства и конкретные лица, ответственные за их содержание, руководствовались в своей работе чувством профессионального долга, а отнюдь не соображениями отмщения¹⁵⁶.

Исследователь Н.В. Петров опубликовал статью «Немецкие военнопленные в руках сталинской юстиции»¹⁵⁷. Автор приводит нормативные акты, которые, по его мнению, позволяли осуществлять судебное преследование военных преступников. К такого рода документам он относит прежде всего Указ от 19 апреля 1943 г., 58 ст. УК РСФСР и Закон № 10 Контрольного Совета в Германии. Историк, безусловно, прав, когда пишет о том, что иные преступления, совершенные пленными немцами, такие, как кража личного и общественного имущества, хулиганство и т. п., предусмотренные соответствующими указами и

статьями УК РСФСР, расценивались советским правосудием не столь сурово, как «контрреволюционные преступления» и «преступления против порядка управления»¹⁵⁸. Однако его вывод о том, что почти все лица, осужденные за бытовые преступления, вернулись в Германию до 1950 г., неверен. Несколько сотен немцев попали под соответствующую амнистию только после смерти И.В. Сталина.

Исследователь выделяет три этапа репрессивной политики Советского государства по отношению к немецким военнопленным: открытые судебные процессы 1943—1947 гг. и практика первых закрытых процессов; промежуточный этап (с начала 1948 по октябрь 1949 г.) — время подготовки публичного осуждения немецких военнопленных; завершающий этап — массовые закрытые процессы над военными преступниками (ноябрь 1949 — март 1953 г.)¹⁵⁹. Периодизация, на наш взгляд, достаточно спорная. Так, совершенно выпадает из исторической канвы период с 22 июня 1941 г. по 19 апреля 1943 г. — время, когда обезоруженных солдат и офицеров вермахта привлекали к уголовной ответственности за то или иное преступление, ориентируясь на статью 26 «Положения о военнопленных»¹⁶⁰. Последнее, как известно, было утверждено СНК СССР еще в самом начале войны¹⁶¹.

Проблема репрессивной политики советского государства в отношении военнопленных немцев многогранна и изобилует самыми неожиданными нюансами. Поэтому освоение каждого нового ракурса обозначенной темы и связанных с ней сюжетов можно только приветствовать. В своей статье и монографии А.С. Смыкалин предпринял попытку рассмотреть вопрос создания агентурной сети среди военнопленных¹⁶². Нельзя сказать, что ранее эта проблема вообще не обсуждалась в открытой печати. Еще в 1992 г. проблема оперативно-чекистской работы среди пленных солдат и офицеров вражеских армий попала в поле зрения авторского коллектива брошюры «Неизвестные страницы истории: немецкие военнопленные в СССР»¹⁶³. И, конечно же, об агентах и осведомителях, которых именовали то «шпирами», то «стукачами», не забывали упомянуть авторы мемуаров, побывавшие за колючей проволокой. Все сказанное, однако, не умаляет заслуги исследователя, решившего обратиться к малоизученной и дискуссионной теме. На архивных материалах ему удалось раскрыть содержание, основные цели и задачи оперативной работы с военнопленными. Авто-

ром поднимаются вопросы розыска и предания суду военных преступников, вербовки закордонной и лагерной агентуры, предупреждения диверсий и саботажа на производстве, контроля за политическими настроениями генералов и офицеров.

Одновременно в своей монографии А.С. Смыкалин пишет о существовании на территории Германии так называемых спецлагерей МВД для военных преступников. В разделе «Документы» публикуются справки о функционировании этих лагерей, акты и спецсообщения компетентных органов. Несомненный интерес представляет статистика осужденных и данные об их смертности за период с 1945 по 1955 гг. Любопытно, что эти сведения отличаются от данных официального меморандума МИД СССР, опубликованного в июле 1990 г. в германской прессе¹⁶⁴.

О репрессивной советской политике в восточной зоне оккупации Германии пишет также в своей монографии М.И. Семиряга¹⁶⁵. При этом автор приводит архивные документы, характеризующие работу органов советской военной юстиции в восточной зоне оккупации. По убеждению ученого — очевидца событий тех дней, органы НКВД являлись в побежденной стране «наиболее ярким олицетворением сталинского тоталитарного режима»¹⁶⁶.

На региональном уровне проблеме военных преступников уделил внимание В.А. Иванов¹⁶⁷. Автор приводит данные о составе осужденных по Указу от 19 апреля 1943 г., анализирует особенности оперативно-агентурной работы в лагерях военнопленных Ленинградской области. В свою очередь историк Н.В. Суржикова опубликовала статью о военных преступниках, отбывавших наказание в особом режимном лагере № 476¹⁶⁸. Отделения этого лагеря располагались на Среднем Урале, в таких населенных пунктах, как Асбест, Ревда, Дегтярск, Талица, Ключи. За колючей проволокой находилось одновременно до 7 000 человек самых различных национальностей. Приблизительно четверть осужденных составляли офицеры, в том числе 96 генералов. Автор пишет об организации труда осужденных военнопленных, останавливается на вопросе их депатриации. Заметим, что выводы и оценки, сделанные на основе анализа документов даже одного «островка» архипелага ГУПВИ, способствуют воссозданию целостной и объективной картины прошлого.

Зарубежные историки о судебной ответственности немецких военнопленных в СССР. Серию новейших зарубежных пуб-

ликаций по интересующей нас теме открывает документальный сборник под редакцией Г. Вагенленера¹⁶⁹. Бывший военнопленный, ныне директор Института по изучению архивов ФРГ, знакомит читателя с содержанием Указа от 19 апреля 1943 г. и 58-й статьи Уголовного кодекса, которые, в первую очередь, инкриминировались оказавшимся на скамье подсудимых немцам. В книгу органично вписались воспоминания очевидцев, обзоры ранее недоступных фондов российских архивов. Предыстории процесса реабилитации осужденных военнопленных посвящена отдельная подборка материалов.

В 1995 г. под редакцией директора Института по изучению последствий войны С. Карнера (Австрия, г. Грац) вышла книга «Пленены в России», в которую вошли доклады австрийских, американских, германских и российских исследователей на симпозиуме в Шаллабурге¹⁷⁰. В этом же году была опубликована книга С. Карнера «В архипелаге ГУПВИ»¹⁷¹. Отдельная ее глава посвящена проблеме уголовного преследования немецких военнопленных в СССР. Автор, в частности, рассматривает следующие вопросы: особое совещание как внесудебная инстанция и его роль в судьбе военнопленных и интернированных граждан Австрии и Германии; организация и проведение судебных процессов над узниками войны; военные преступники в лагерях и тюрьмах ГУЛАГа¹⁷².

Об уголовном преследовании пленных немцев и негативном влиянии этого процесса на отношение общественности к такой организации, как Национальный комитет «Свободная Германия», пишет Г. Юбершер¹⁷³. В расчете на объективное восприятие событий минувшей войны осуществил публикацию протоколов суда над немецкими военными преступниками в Минске Х. Геер. А историк М. Мессершмидт посвятил упомянутому процессу свою статью¹⁷⁴. Соглашаясь в целом с позицией автора о том, что версия о «чистом вермахте» явно несостоятельна, заметим, однако, что к протоколам подобных процессов следует подходить с большой осторожностью. В одном случае, эти документы свидетельствуют о неопровергимых фактах зверств немецких армейских частей в отношении пленных красноармейцев и мирных жителей, в другом — содержат в себе сфальсифицированные сведения. Поэтому окончательный ответ на вопрос о вине всех без исключения подсудимых, осужденных на процессе в Минске, может быть дан лишь после того,

как из архивов будут извлечены переписка членов военного трибунала и органов дознания с Москвой, допросы осужденных и т. п.

Советским спецлагерям на территории Германии посвятили свою статью Э. Петер и П. Лутц¹⁷⁵. Работа основана на расекреченных материалах Института истории рабочего движения и Центрального партийного архива бывшей ГДР, что выгодно отличает ее от тенденциозных публикаций на эту тему периода 50—60-х гг.¹⁷⁶. По мнению авторов, поднятая проблема должна рассматриваться в тесной связи с исторической ситуацией послевоенного времени. Требуется ответить на целый ряд вопросов: чем отличались советские спецлагеря от лагерей союзников; уместно ли ставить знак равенства между спецлагерями в Германии и лагерями ГУЛАГа в СССР; наконец, какую роль играла СЕПГ в существовании, а позднее — в ликвидации этих мест заключения в ГДР¹⁷⁷.

Литературу, свидетельствующую о репрессивной политике Советского государства в отношении немецких военнопленных, проанализировал историк М. Цайдлер¹⁷⁸. Его брошюра — первая попытка дать историографический обзор по данной теме с позиций сегодняшнего дня. Два вывода автора следует признать исключительно важными для понимания сути проблемы в ее историческом контексте. Во-первых, процессы над немецкими военнопленными не были для советской юстиции каким-то особым, чрезвычайным явлением. Они полностью соответствовали духу сталинской эпохи с ее судилищами над сотнями тысяч «врагов народа». Во-вторых, практику коллективной ответственности за военные преступления, совершенные военнослужащими войск СС и вермахта, сотрудниками полиции и гестапо, ошибочно считать «чисто русским явлением». Подобных методов придерживались американские военные трибуналы в период 1945—1948 гг., в частности, трибунал, рассматривавший уголовные дела военных преступников из лагеря смерти Даухау¹⁷⁹. Другое дело, что уже с конца 1948 г. США неизменно следовали курсу на помилование преступников и пересмотр приговоров на осужденных рядовых членов нацистской партии, прекращение уголовного преследования бывших офицеров вермахта.

Дискуссия вокруг Указа от 19 апреля 1943 года. Особого разговора при рассмотрении темы об уголовной ответственности военнопленных требует вопрос о неоднократно упоминавшем-

ся Указе Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 г. «О мерах наказания для немецко-фашистских злодеев, виновных в убийствах и истязаниях советского гражданского населения и пленных красноармейцев, для шпионов, изменников родины из числа советских граждан и для их пособников». Попытку реконструировать текст этого Указа предпринял западно-германский историк Е. Беккер¹⁸⁰. Первым его публикатором и интерпретатором стал директор Института по изучению архивов ФРГ Г. Вагенленер¹⁸¹. Ксерокопию Указа воспроизвел другой германский исследователь М. Цайдлер¹⁸². Из российских ученых текст этого документа первым опубликовал начальник Института военной истории профессор В.А. Золотарев¹⁸³.

По поводу причин появления Указа от 19 апреля 1943 г. существует несколько версий. Так, уже упомянутый историк Г. Вагенленер считает, что его появление связано с реакцией И.В. Сталина на Катынское дело. Напомним читателю, что 16 апреля 1943 г. средства массовой информации нацистской Германии по распоряжению Геббельса обнародовали результаты вскрытия могил в Катынском лесу. Ответственность за расстрел нескольких тысяч польских офицеров возлагалась на СССР, и Сталин, по мнению Вагенленера, ответил на это разоблачение Указом от 19 апреля 1943 года¹⁸⁴. Исследователь Н.В. Петров выдвигает иную версию. Он уверен в том, что Указ был направлен не только и не столько против преступников из числа вражеских армий, сколько против советских граждан, уличенных в сотрудничестве с оккупантами. Не случайно в этот же день, как замечает Н.В. Петров, было принято решение об организации контрразведки «СМЕРШ», которая могла «широко использовать Указ для наказания “изменников Родины”, “немецко-фашистских пособников”»¹⁸⁵.

Историк А.Е. Епифанов связывает появление Указа с отсутствием в СССР соответствующего нормативного правового акта, который бы позволил на законных основаниях привлекать к уголовной ответственности «немецких, итальянских, венгерских, румынских и финских фашистских извергов». Однако, как справедливо замечает исследователь, практика его применения противоречила действовавшему законодательству. Во-первых, Указ имел обратную силу, т. е. его действие распространялось на преступления, совершенные до 19 апреля 1943 года. Во-вторых, военные трибуналы получили разрешение применять данный Указ по отношению к обвиняемым только с 24 мая 1944 года. До этого времени данная

процедура являлась прерогативой военно-полевых судов. Наконец, под действие Указа попадал не только круг лиц оговоренной национальности, но, к примеру, японские и испанские солдаты, что, разумеется, являлось юридическим казусом¹⁸⁶.

Проблема репатриации немецких военнопленных. К разряду малоизученных по-прежнему относится вопрос о возвращении на родину бывших солдат и офицеров вермахта. Международный и внутриполитический аспекты репатриации советских и иностранных граждан рассматривает в своей докторской диссертации А.Ф. Бичехвост¹⁸⁷. Исследователь, однако, не ставил перед собой задачу проанализировать характер и особенности политики Советского государства по возвращению на родину немецких военнопленных. Небольшие по объему статьи В.П. Галицкого и Г.М. Иваницкого по данной проблеме лишь отчасти восполняют указанный пробел¹⁸⁸.

Позиции руководства ГДР по вопросу репатриации германских подданных в период 1949—1955 гг. посвятила свою статью Б. Ильме-Тухель¹⁸⁹. В ней, в частности, помещены материалы переговоров между руководителями ВКП(б)-КПСС и СЕПГ по данной проблеме. Следует заметить, что партийные функционеры считали своим долгом проявлять заботу о судьбе гражданских немцев, в том числе подростков, содержащихся в лагерях для интернированных лиц на территории советской зоны оккупации. Накануне образования Германской Демократической Республики, 19 сентября 1949 г., ее будущий президент В. Пик писал И.В. Сталину: «Мы считаем целесообразным распустить существующие в восточной зоне штрафные лагеря»¹⁹⁰. Однако в вопросе освобождения от наказания немцев, находившихся в Советском Союзе, лидеры ГДР не проявляли особой активности. Скорее наоборот, средства массовой информации Восточной Германии целиком разделяли позицию Москвы о необходимости оставить в Советском Союзе осужденных на рубеже 40—50-х гг. военных преступников. Любое иное мнение на этот счет объявлялось «антисоветской истерией»¹⁹¹.

Сравнительно недавно в германской прессе были опубликованы некогда секретные записи О. Гротеволя о его беседе в декабре 1954 г. с министром иностранных дел СССР В.М. Молотовым. Текст этих записок вовсе не убеждает, как считают некоторые историки, в том, что руководители Восточной Германии настаивали на возвращении домой последних немецких

военнопленных. В своей беседе с Молотовым премьер-министр ГДР вел речь о необходимости освобождения прежде всего коммунистов, социал-демократов и прочих антифашистов, противопоставляя эту категорию пленных «настоящим военным преступникам»¹⁹².

Подробно, но отнюдь не достаточно глубоко и всесторонне, освещен в литературе вопрос освобождения военнопленных осенью 1955 года. Тогда в ходе остройшей дискуссии между советской и западно-германской делегациями было заключено соглашение о депатриации на родину последних находившихся в лагерях и тюрьмах СССР германских подданных. В сознании немецкой общественности упомянутое событие традиционно связывается с именем канцлера Конрада Аденауэра. В своих мемуарах Вилли Брандт пишет, что в эти незабываемые дни канцлера «чествовала вся Федеративная Республика»¹⁹³.

Вклад канцлера ФРГ и его единомышленников в разрешение гуманитарной проблемы и ныне отмечают политики, журналисты, ученые. Известный германский историк Г.-А. Якобсен квалифицирует переговоры в Москве как состоявшиеся уже хотя бы потому, что Аденауэру «удалось пробить освобождение последних немецких военнопленных»¹⁹⁴. Аналогичной точки зрения придерживается его коллега Г.-П. Шварц¹⁹⁵.

Вместе с тем, в последние пять лет в ФРГ предпринимаются попытки опровергнуть распространенное мнение о долговременной стратегии Аденауэра в деле освобождения узников войны. О конкретных шагах в этом направлении со стороны негосударственных организаций, по замечанию исследователя Г. Кампхаузен, широкой общественности неизвестно¹⁹⁶. Между тем еще в 1952 г. о необходимости облегчить участь осужденных немцев говорил в Москве пастор Мартин Нимеллер. С этой же целью планировал посетить Советский Союз председатель западно-германского Красного Креста Генрих Вайц. Документы, характеризующие негативную реакцию канцлера на проявленные инициативы, недавно опубликованы¹⁹⁷. В свете этих документов Аденауэра крайне трудно представить в роли государственного деятеля, бескорыстно пекущегося о судьбе своих сограждан в коммунистической России.

С германскими коллегами, сомневающимися в искренности намерений канцлера во что бы то ни стало добиться облегчения участия военнопленных, солидаризируется российский

историк А.М. Филитов. Его вполне обоснованно волнует вопрос о том, почему в феврале 1955 г. этот известный политик приложил максимум усилий к тому, чтобы не дать социал-демократической фракции войти в контакт с советскими эмиссарами на предмет освобождения осужденных германских подданных. «Выходит тогда,— делает вывод ученый, — судьба соотечественников заботила канцлера не так уж сильно, во всяком случае, меньше, чем перипетии борьбы с оппозицией»¹⁹⁸.

Еще во второй половине 50-х гг. получила распространение версия о том, что подлинным освободителем осужденных германских подданных было правительство Отто Гротеволя. В ФРГ эту версию взяли на вооружение политические противники Аденауэра, в частности, Вильгельм Герст. Бывший главный редактор «Франкфуртер Рундшау» подверг канцлера уничтожающей критике и объявил освободителями последних немецких военнопленных руководителей социалистической Германии¹⁹⁹. Трудно сказать, были ли согласны с такой трактовкой событий в Москве, но уже в 1958 г. книга Герста была переведена на русский язык и издана в СССР.

В настоящее время все больше и больше наших зарубежных коллег приходят к выводу о том, что власти ГДР, наоборот, пытались торпедировать советскую инициативу по репатриации германских граждан²⁰⁰. Многое в этой истории проясняют документы, опубликованные Б. Ильме-Тухель в работе под названием «Освобождение немецких военнопленных осенью 1955 года в свете дискуссии между СЕПГ и КПСС»²⁰¹. Два документа из этой подборки, воздержавшись от их анализа, в сокращенном варианте процитировал в своей книге о судьбе генерала Вальтера фон Зайдлица исследователь Л.Е. Решин²⁰².

Пытаясь разобраться в том, кому же все-таки принадлежит решающая роль в возвращении десяти тысяч немцев на родину, приведем мнение еще одного российского ученого — военного историка Г.М. Иваницкого. Не отрицая заслуги канцлера ФРГ, он считает, что великодушную акцию правительства объясняют другие причины: во-первых, подписание в 1949 г. Женевской конвенции о военнопленных; во-вторых, желание «продемонстрировать миру гуманный характер советского государства»²⁰³. Последний аргумент историка вряд ли может вызвать возражения. А вот тезис о том, что признание Москвой этого международного соглашения «помогло» осужденным вернуть-

ся домой, похоже, ошибочен. При подписании конвенции советской делегацией была сделана оговорка по статье 85-й, лишавшая военных преступников правовых гарантий, распространяемых на военнопленных²⁰⁴.

Возможность воспользоваться некогда секретными документами позволила российским ученым воссоздать более полную и объективную картину событий почти полувековой давности. О переговорах в Москве осенью 1955 г. писали ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН Ф.И. Новик и автор этих строк. Последний сконцентрировал свое внимание на проблеме освобождения германских подданных, одновременно опубликовав на эту же тему подборку архивных материалов²⁰⁵. Что касается Ф.И. Новик, то она посвятила визиту Аденауэра в Москву две близкие по содержанию статьи²⁰⁶. В той и другой раскрываются побудительные мотивы тогдашнего руководства к нормализации отношений с ФРГ, подробно описываются подготовка и ход переговоров,дается оценка этого события в контексте международных отношений. Автор вводит в научный оборот некоторые неизвестные архивные документы, вносит корректиды в традиционное видение ряда аспектов проблемы.

Завершая тему советско-германских переговоров, обратимся к вышедшей в 2000 г. в Лондоне книге Чарльза Уильямса «Аденауэр — творец новой Германии»²⁰⁷. Согласно версии этого автора, в октябре 1955 г. депатриация амнистированных немецких военнопленных была приостановлена. Причина — очередной политический демарш СССР. Кремль заявил, что в ФРГ насильственно удерживаются советские граждане. Для Конрада Аденауэра, по замечанию автора, это были «дни нелегких размышлений». В конечном итоге канцлер добился того, чтобы бундестаг принял решение выпустить из тюрем 30 русских, отбывавших назначенный им срок, и передать их советской стороне. Относительно других русских, фамилии и имена которых фигурировали в списке, Аденауэр заявил, что эти люди находятся под покровительством ООН и не могут быть лишены права проживать в Западной Германии. Дело грозило зайти в тупик, но СССР не стал накалять обстановку. В середине декабря 1955 г. эшелоны с депатриируемыми немцами вновь двинулись в сторону государственной границы ФРГ, а к середине января 1956 г. процесс возвращения бывших немецких военнопленных в СССР на родину был завершен²⁰⁸.

Что касается других зарубежных историков, то Мартин Ланг, к примеру, склонен объяснить приостановку депатриации опасениями советской стороны, связанными с задержкой обмена послами и посольствами²⁰⁹. Действительно, документы Архива внешней политики Российской Федерации свидетельствуют, что лишь 24 ноября 1955 г. (через полтора месяца после официального запроса) посол ФРГ в Париже фон Мальцан вручил представителю СССР ноту, в которой выражалось согласие предоставить агреман кандидату на пост советского посла в Бонне В.А. Зорину. В этой же ноте выражалась солидарность с Москвой по поводу того, что не стоит затягивать обмен посольствами по причинам технического характера (соответствующее помещение, транспорт для сотрудников и т. д.)²¹⁰.

Проблема трудового использования немецких военнопленных. Первое исследование о работе немецких военнопленных в СССР, в котором содержится оценка их трудового вклада в советскую экономику, принадлежит автору четвертого тома «К истории немецких военнопленных» В. Ратца²¹¹. Как уже говорилось, германский ученый явно завысил роль своих соотечественников в восстановлении народного хозяйства СССР..

Работа с архивными документами позволила российскому историку М.Ф. Колерову воссоздать более достоверную картину событий. Его статьи по вопросу использования труда военнопленных и интернированных опираются на доклады наркомов-министров внутренних дел Л.П. Берии и С.Н. Круглова на имя И.В. Сталина²¹². Анализируя эти доклады, автор делает вывод о том, что советская экономика во второй половине 40-х гг. испытывала острую потребность в дешевой рабочей силе, которой и стали бывшие солдаты вражеских армий. Их распределение по отраслям и регионам нередко всецело зависело лично от Берии, курировавшего данный вопрос.

Историк В.П. Галицкий выделяет три периода, характеризующие участие пленных в восстановительных работах²¹³. В 1941—1942 гг. принудительный труд обезоруженных солдат вражеских армий не применяется в народном хозяйстве. По той причине, что их количество в тыловых лагерях не превышало нескольких тысяч человек. Период 1943—1949 гг.— это время массового привлечения пленных к труду. Наконец, в период с 1950 по 1955 гг. в восстановительных работах участвуют несколько тысяч осужденных германских подданных. В монографии

фии, посвященной пребыванию в плену СССР финских солдат, В.П. Галицкий пишет о том, что вклад иностранных военнопленных в советскую экономику был «достаточно существенным»²¹⁴. По мнению ученого, приучение пленных к труду нисколько не противоречило международному праву. Наоборот, работа помогала им выжить в экстремальных условиях («время летело незаметно и быстро, а усталость способствовала крепкому сну»)²¹⁵. С этим тезисом трудно согласиться хотя бы потому, что сама неопределенность и длительность плены уже противоречили требованиям Гаагской и Женевской конвенций.

В монографии профессора С. Карнера заслуживают внимания данные о рентабельности лагерей²¹⁶. Несмотря на все усилия НКВД-МВД, содержание военнопленных было убыточным для государства. Причину такого положения дел историк видит в низкой организации труда, приписках и крайне плохом физическом состоянии рабочей силы. Вклад немцев и австрийцев в развитие различных отраслей народного хозяйства СССР, по подсчетам ученого, составил в денежном выражении 38 млрд. рублей. «Практически не было ни одного промышленного объекта, ни одной стройки,— говорится в книге, — на которых бы не использовался труд немецких и австрийских граждан»²¹⁷.

Германский историк А. Хильгер, неплохо изучивший документы российских архивов, критически оценивает высказывания вернувшихся на родину о своей роли в возрождении народного хозяйства коммунистической России. Например, подвергается критике следующее заявление: «Сталинград с помощью немецких военнопленных стал в 20—30 раз красивее, чем был раньше»²¹⁸. Анализируя работу своих соотечественников, историк отмечает повышающуюся с каждым годом концентрацию пленных в строительстве промышленных предприятий и автомобильных дорог. На второе место, по его наблюдению, постепенно выходит энергетический сектор, в то время как привлечение немцев к труду на объектах оборонной отрасли сокращается. При этом стalinское правительство не уделяло внимания самим насущным потребностям своих граждан — на возведении жилья, к примеру, постоянно работало не более 5 % военнопленных. Весьма любопытным, хотя и дискуссионным, представляется следующий вывод: распределение пленных по регионам показывает, что в их труде больше нуждались Урал и Сибирь, нежели районы, пострадавшие от оккупации²¹⁹.

На региональном уровне вопросу участия немецких военнопленных в восстановительных работах посвящены статьи Н.В. Барановой и Е.К. Рожковой, опубликованные в 1997 году²²⁰. Авторы этих статей приводят данные о высококачественной и производительной работе подневольных германских подданных. Интересна постановка вопроса о психологическом и культурном сотрудничестве немцев и русских в условиях трудных послевоенных лет. Вместе с тем вывод Е.К. Рожковой об эффективности труда лагерного контингента является достаточно спорным. Позднее к его отрицанию пришла и сама исследователь, указав, что эффективность использования труда военнопленных уступала производственным показателям вольнонаемных рабочих²²¹. Дальнейшая работа двух этих историков над проблемой иностранных военнопленных нашла воплощение в диссертационных исследованиях. В первом случае — на материалах Верхнего Поволжья, во втором — на материалах Южного Урала²²².

Проблема иностранных воинских захоронений. Судьбе иностранных воинских кладбищ в России посвятили свои статьи и очерки М.Е. Ерин, Т.Г. Ибатуллин, В.Г. Лебедев, В.П. Мотревич, другие историки и публицисты²²³. Общечеловеческую значимость данной проблемы, по убеждению авторов, определяет многообразие правовых и этических нюансов. Благородное дело увековечения памяти жертв Второй мировой войны, будь они солдатами собственного или же иностранного государства, нельзя отдавать на откуп организациям, преследующим корыстные цели. О том, какую опасность таит в себе забвение этой простой истины, рассказывает в очерке Л.И. Булычевой²²⁴. Напротив, статья А.С. Шильникова и В.А. Горобченко проникнута верой в торжество милосердия и справедливости. Ее авторы пишут о работе школьников и студентов по розыску затерянных могил немецких военнопленных в Ярославской области²²⁵. Несмотря на разницу в оценках и подходах к проблеме, имеющей ярко выраженный нравственный аспект, историков и публицистов объединяет стремление привлечь внимание общественности отнюдь не к риторическому вопросу: «Встанет ли обелиск Примирения на меже между прошлым и будущим?»²²⁶.

О неизбежных трудностях, которые ожидают людей, стремящихся сохранить историческую память народов, пишет в своей статье В. Бем²²⁷. Главную причину плачевного состояния кладбищ немецких военнопленных он видит в девальвирован-

ной ценности человеческой жизни. Приведенные автором документы свидетельствуют о том, что отношение Советского государства к судьбам своих и чужих солдат находилось в вопиющем противоречии с нормами международного права. Процедура похоронения скончавшихся не отвечала требованиям выработанных УПВИ-ГУПВИ инструкций. А в начале пятидесятых годов на места была отправлена директива МВД, призванная вытравить из памяти поколений сам факт существования на советской земле кладбищ бывших вражеских солдат²²⁸.

Вопросу розыска могил погибших пленных солдат и офицеров Красной Армии посвящена статья В.В. Мухина²²⁹. Историк подчеркивает тот факт, что Германия добровольно взяла на себя финансирование и уход за захоронениями российских солдат. Ныне на ее территории покоится прах 779 008 наших соотечественников, из которых 81 713 известны поименно. Очевидно, гуманная инициатива боннского правительства требует ответных шагов. К сожалению, большинство захоронений иностранных граждан в бывшем СССР либо не сохранились, либо являются собой довольно неприглядный вид.

Попытку привлечь внимание властей к проблеме кладбищ военнопленных предприняли авторы книги «...Пока не похоронен последний солдат»²³⁰. Исследователи обращаются к истории данного вопроса, публикуют на страницах издания постановления правительства и международные соглашения об обеспечении сохранности воинских захоронений за рубежом и в Российской Федерации. По мнению историка А.В. Терещука, с книгой, проповедующей идеалы милосердия и гуманизма, полезно ознакомиться не только историкам, представителям властных структур, но и широким слоям общественности. Ведь известное наставление русского полководца А.В. Суворова о том, что никакая война не может считаться законченной, пока не похоронен последний солдат, не только не утратило актуальности, но, наоборот, «приобрело сегодня новые, главным образом, этические нюансы»²³¹.

В 2000 г. вышла из печати книга С.С. Букина «В чужой земле», посвященная судьбам военнопленных, умерших в Новосибирской области в 1944—1948 гг.²³². Своеобразие подхода к проблеме состоит в том, что в нем сочетаются теоретический и практический аспекты. Автор не ограничивается изучением причин и динамики смертности бывших вражеских солдат.

Им выявлены имена и фамилии погибших в плену, установлены места массовых захоронений, а службам поиска Красного Креста передана соответствующая информация.²³³

Роль Международного комитета Красного Креста в облегчении участия военнопленных и отношение СССР к этой проблеме. Одним из наименее исследованных до последнего времени считался вопрос о попытках мирового сообщества облегчить положение военнопленных путем переговоров на дипломатическом уровне. Впервые об этих попытках стало известно из воспоминаний делегатов МККК²³⁴. В частности, вице-президент Красного Креста Швеции Ф. Бернадот критикует позицию руководства нацистской Германии и СССР. Особенно поражает автора мемуаров отношение И.В. Сталина к судьбе соотечественников: осенью 1943 г. Бернадоту дали понять, что посещение делегатом Красного Креста одного из лагерей для немецких военнопленных возможно, но лишь в том случае, если он сумеет убедить свое правительство в необходимости принудительной депатриации в Советский Союз граждан бывших прибалтийских государств²³⁵.

В 1948 г. был опубликован отчет МККК за 1939—1945 гг., который, помимо всего прочего, содержит сведения о переписке Международного комитета с Берлином и Москвой²³⁶. Позднее эту информацию выборочно процитировал и прокомментировал западно-германский историк К. Бёме²³⁷. Еще через несколько лет перечисленные источники, а также документы германского МИДа использовал в своей работе К. Штрайт²³⁸. А вот авторы книги о правозащитной миссии советского Красного Креста О.Н. Хлестов и И.П. Блищенко события военного времени вообще «забыли» включить в свое повествование²³⁹.

В начале 90-х гг. в Москве возобновило свою работу представительство МККК. Российская общественность получила возможность познакомиться с историей возникновения этой организации, ее целями и задачами по книге П. Буасье и программным документам общества²⁴⁰. Однако о том, как складывались отношения Международного комитета с СССР в годы Второй мировой войны, в этой литературе опять же ничего не говорится. Единственный документ, в общих чертах характеризующий связи между МККК и Москвой в военный период, был опубликован в сборнике «Россия — Швейцария 1813—1955 гг.»²⁴¹.

Всестороннее изучение работы МККК в годы Великой Отечественной войны приобрело особую актуальность, когда в 1996 г. в архивах ЦРУ были обнаружены документы, позволившие средствам массовой информации выдвинуть обвинения в адрес Международного комитета. Прозвучали обвинения в шпионаже в пользу нацистской Германии, в тайных поставках оружия вермахту. В этой связи американский сенатор Альфонс Д'Амато обратился за разъяснениями к сегодняшнему президенту Красного Креста Корнелио Самаруги. С некоторыми подробностями этой истории российских читателей в 1996 г. ознакомил журнал «Эхо планеты»²⁴².

Было бы несправедливо перечеркнуть огромный вклад Красного Креста в дело облегчения участия жертв вооруженных конфликтов. Достаточно сказать, что в период Второй мировой войны за рубежом работали более 180 уполномоченных МККК и 3 000 их добровольных помощников. Только в Германии среди пленных и интернированных было распределено 470 тысяч санитарных грузов. Представители Красного Креста провели 11 170 инспекционных проверок лагерей, подготовили ответы на письма и запросы, общее число которых составило 59 млн. единиц²⁴³. Всесторонний анализ взаимоотношений МККК с Советским Союзом можно найти в монографии автора настоящего историографического обзора²⁴⁴.

Работы германских историков, посвященные комплексному исследованию проблемы. В 2002 г. при содействии ученых Российского государственного гуманитарного университета вышла на русском языке уже упоминавшаяся книга австрийского историка С. Карнера «Архипелаг ГУПВИ»²⁴⁵. Читатель, несомненно, обратит внимание на дискуссионный характер некоторых положений. В частности, автор делает попытку увязать принятие СНК СССР 1 июля 1941 г. «Положения о военнопленных» с планами якобы готовящегося нападения Советского Союза на фашистскую Германию²⁴⁶. Однако на версию о «превентивной» войне данное обстоятельство вряд ли будет «работать». Во-первых, Советское правительство, принявшее 19 марта 1931 г. «Положение о военнопленных», имело несколько его рабочих вариантов, близких по своему содержанию к документу от 1 июля 1941 года. Так что особого дефицита времени для подготовки нового «Положения о военнопленных», вопреки утверждению австрийского историка, заинтересованные советские ведомства не испытывали. Кроме того, надо знать нравы и обычай ста-

линской эпохи. Сотрудники наркоматов внутренних и иностранных дел никогда бы не посмели в назначенный день и час не положить на стол своему руководству требуемую бумагу. Наконец, в «Положении о военнопленных» от 1 июля 1941 г. трудно найти даже малейший намек на то, что со стороны СССР военные действия будут носить наступательный характер. А вот в документе, утвержденном 19 марта 1931 г., пункты 9-й и 10-й²⁴⁷ полностью соответствуют сталинскому тезису о том, что если империалисты развязнут войну против первой в мире страны социализма, то пролетариат напавшей стороны неминуемо повернет оружие против своих же буржуазных правительств²⁴⁸.

Завышен, как уже отмечалось выше, вклад австрийских и немецких военнопленных в восстановление и развитие народного хозяйства СССР, ярко выраженный обвинительный уклон сопровождает описание судебных процессов над военнопленными. Тем не менее, работа С. Карнера по праву претендует на всестороннее освещение проблемы. Им рассматриваются такие вопросы, как правовой статус «узников войны»; политическое перевоспитание и лагерная культура; трудовое использование и депатриация и т. д. При этом судьбам оказавшихся в руках Красной Армии солдат и офицеров вермахта в книге отведена большая часть повествования. И еще одно существенное замечание. Именно С. Карнеру удалось ряд гипотетических предположений авторов более ранних работ по проблемам военного плена в СССР подтвердить материалами российских архивов.

В 2000 г. свои научные изыскания, посвященные пребыванию военнопленных вермахта в СССР, обобщил в своем комплексном труде А. Хильгер²⁴⁹. Книга ученого из ФРГ написана в рамках правительственного проекта. Во вступлении к книге, подготовленном известным историком-пацифистом Йостом Дюльфером, дается краткий обзор положения военнопленных в XX столетии. При этом отмечается, что ни Гаагская (1907), ни Женевская (1929) конвенции об обращении с военнопленными, увы, не смогли оградить миллионы обезоруженных солдат ни от кровавого насилия, ни от бесчеловечного обращения, ни от голода и мучений за колючей проволокой.

Документы, на которые опирается А. Хильгер, в большей степени принадлежат к жанру устной истории. Одновременно историк привлек и архивные материалы. Таким образом, источниковая база исследования выглядит весьма солидно. Заме-

тим, однако, что претендующая на всестороннее освещение проблемы книга основана на фактических данных, характеризующих жизнь пленных в основном в лагерях Сталинградской области.

В монографии рассматриваются правовой статус²⁵⁰, условия бытового и медицинского обслуживания²⁵¹, привлечение к труду, контакты с русскими людьми²⁵², попытки политического перевоспитания немецких военнопленных²⁵³, другие аспекты проблемы²⁵⁴. Автор подчеркивает, что сознание немцев, прошедших нацистскую обработку, было запрограммировано на борьбу со «славянями-недочеловеками» и «жидобольшевистским масонством». Стереотипы эти оказались живучи. Многие пленные продолжали воспринимать Россию и ее народ сквозь призму пропагандистских клише Геббельса. Все это наложило определенный отпечаток на воспоминания вернувшихся на родину.

Немецкий историк справедливо замечает, что СССР не преследовал такие низменные цели, как месть недавнему врагу, физическое уничтожение пленных. Весьма ценным, на наш взгляд, является замечание о том, что в послевоенный период верховной инстанцией, определявшей судьбу военнопленных, было скорее ведомство В.М. Молотова, чем Л.П. Берии²⁵⁵. В небольшой главе «Голод и тоска по родине» А. Хильгер признает, что нормы питания в лагерях снижались по объективным причинам. Так, например, после засухи и последовавшего за ней неурожая 1946 года голодали и победители, и побежденные.

Негативных факторов, «отравлявших существование пленных» за колючей проволокой, по мнению автора, было два. Первый заключался в том, что разрушенная страна не могла себе позволить разместить пленных в теплых и уютных помещениях, обеспечить им регулярное, полноценное питание, поскольку ее собственные граждане нередко сами жили в землянках, влача полугоудное существование. Второй фактор выражался в том, что директивы НКВД-МВД в реальной обстановке становились пустой формальностью. Руководство лагеря зачастую само устанавливало нормы питания, режимные требования и прочие атрибуты жизни своих подопечных. В результате злоупотреблений лагерной администрации дело доходило до открытого неповиновения, но убийства пленных на этой почве, по замечанию А. Хильгера, были редким исключением²⁵⁶.

К достоинствам монографии следует отнести также ее информативность: исследование сопровождают схемы, таблицы,

графики, иллюстрирующие уровень смертности, питания, вещественного обеспечения. При этом дается сравнительный анализ жизнеобеспечения военнопленных в СССР и в лагерях бывших союзников Советского Союза. И все-таки книга немецкого историка, несмотря на ее солидный объем (более 500 страниц), не раскрывает проблему немецких военнопленных во всей ее полноте. Слабо прописан внешнеполитический аспект проблемы, не проанализированы особенности положения немецких военнопленных в различных регионах СССР, чувствуется недостаток в архивных материалах, которые бы сделали выводы автора более аргументированными. Тем не менее, на сегодняшний день это, пожалуй, одно из наиболее объективных изданий, рассказывающих о жизни пленных немцев в СССР с принципиально новых, деидеологизированных позиций.

Публикация документов — характерная особенность историографии третьего периода. С начала 90-х гг. на страницах зарубежной и отечественной литературы начинают появляться документы по истории иностранных военнопленных в СССР. Первой содержательную подборку материалов о трагической судьбе польских офицеров опубликовала Н.С. Лебедева²⁵⁷. Затем В.П. Галицкий поместил в «Военно-историческом журнале» несколько документов по вопросу продовольственного и материально-бытового обеспечения обезоруженных солдат, офицеров и генералов неприятельских армий²⁵⁸. Чуть позже публикацию материалов о создании и деятельности Национального комитета «Свободная Германия» и Союза немецких офицеров осуществили исследователи Л.Е. Решин и Л.Н. Бабиченко²⁵⁹. Одновременно читатели смогли ознакомиться с донесениями спецслужб о первых днях нахождения в плена фельдмаршала Ф. Паулюса и конвоирования немцев по Москве в июле 1944 года²⁶⁰.

В ФРГ в рассматриваемый период увидели свет неизвестные ранее источники по истории НКСГ и СНО. В частности, пропагандистской деятельности той и другой организаций по разложению войск противника посвящен 15-й том документов известного издателя и историка К. Кирхнера²⁶¹. На суд общественности были представлены материалы, раскрывающие позицию лидеров СЕПГ, канцлера ФРГ К. Аденауэра, руководителей германского Красного Креста и церкви по вопросу освобождения последних немецких военнопленных²⁶².

С 1996 по 2002 гг. в России увидели свет четыре сборника документов, в большей или меньшей степени освещающие жизнь пленных немцев в Советском Союзе. В изданный в 1996 г. сборник «Иностранные военнопленные Второй мировой войны в СССР» авторский коллектив Института военной истории Министерства обороны РФ включил правительственные постановления и решения, ведомственные приказы, директивы, инструкции и прочие материалы нормативного характера²⁶³. Все документы располагаются в строго хронологическом порядке и делятся на три временные группы: источники кануна Великой Отечественной войны; источники периода 1941—1945 гг.; источники послевоенного времени. Содержание большинства публикуемых архивных материалов иллюстрирует различные стороны жизни военнопленных поляков, немцев, австрийцев, венгров, румын, итальянцев и т. д. Во втором и третьем разделах книги можно встретить документы, отражающие специфику продовольственного, вещевого и медицинского обеспечения немецких военнопленных, а также приказы, распоряжения и инструкции центрального аппарата НКВД-МВД по работе именно с этим контингентом. Среди источников подобного рода донесение наркома внутренних дел на имя И.В. Сталина о конвоировании немецких солдат по улицам Москвы²⁶⁴, совместный приказ наркома путей сообщения и наркома внутренних дел о транспортировке пленных немцев из Германии в Советский Союз²⁶⁵, распоряжение Л.П. Берии о предоставлении списков бывших сотрудников немецких карательных органов²⁶⁶, приказ наркома внутренних дел о лишении военнопленных германской армии права ношения знаков различия и отличия²⁶⁷. Общее количество документов, затрагивающих интересы непосредственно немецких солдат и офицеров, насчитывает более 30 единиц. Впрочем, военнопленных немцев касаются и все остальные помещенные в книгу материалы, каковых более 260.

Вместе с тем, концептуально продуманный и весьма информативный сборник страдает существенным недостатком: практически все публикуемые документы требуют (пусть самого краткого) комментария, а таковые в книге отсутствуют. Небольшое по объему «Введение» не в состоянии компенсировать данное упущение авторского коллектива. А в результате есть опасность, что смысловое содержание того или иного источника будет недопонято или истолковано неверно.

Публикацию рассекреченных документов продолжил вышедший в 1999 г. сборник «Немецкие военнопленные в СССР»²⁶⁸. Этот труд военных историков, выстроенный по тематически-хронологическому принципу, выгодно отличается от предыдущего издания более широким спектром рассматриваемых проблем. К работе над ним были привлечены и гражданские историки, изучающие проблемы военного плена. В новом сборнике нашли отражение вопросы международно-правового, политического, дипломатического, социально-экономического характера. Так, документы первой главы (каждой главе предпослана обстоятельная вступительная статья) красноречиво свидетельствуют, с одной стороны, о забвении международных обычаев и правил ведения войны фашистской Германией, а с другой стороны, характеризуют двуличную политику сталинского правительства. В то время как страницы советских газет захлебывались негодованием по поводу тяжелой участи красноармейцев, оказавшихся в руках фашистских захватчиков, секретные приказы и директивы объявляли их «предателями» и «изменниками Родины»²⁶⁹.

Другой пласт документов, опубликованных в первой главе, показывает непоследовательную, а порой и лицемерную позицию советских властей по отношению к Международному комитету Красного Креста. Так, после долгих проволочек Кремль под надуманным предлогом отказался обмениваться списками военнопленных с Германией и ее союзниками, наложил запрет на переписку обитателей лагерных бараков со своими близкими, отверг посредничество Международного комитета Красного Креста в деле обмена посылками, что самым пагубным образом сказалось на моральном и физическом самочувствии не только пленных немцев, но и советских людей, томившихся в нацистских лагерях.

Во вторую главу сборника вошли документы, раскрывающие организацию лагерного режима, питания, продовольственного обеспечения, медицинского обслуживания. Приведенные в них факты и цифры убедительно опровергают доживший до наших дней миф о якобы бесчеловечном отношении русских к поверженному врагу. С другой стороны, некоторые источники, особенно касающиеся норм продовольственного снабжения, требуют критического подхода. Положенная военнопленному суточная норма питания и его фактическое потребление далеко не всегда соответствовали друг другу. Это было вызвано це-

лым рядом обстоятельств, начиная от экстремальных условий военного времени и кончая криминализацией сознания обслуживающего персонала лагерей, нередко решавшего собственные проблемы за счет заключенных.

Третья глава сборника посвящена трудовому использованию военнопленных. Документы этой главы позволяют судить о географии использования труда лагерного контингента, его востребованности в различных отраслях советской экономики. Не замалчивают публикуемые источники и негативные стороны в организации трудового процесса, такие, как завышение производственных норм, игнорирование правил техники безопасности представителями предприятий и строек, порочную практику авральных работ, приписки в отчетности и т. д. Вместе с тем внимательное прочтение документов убеждает в том, что в политике трудового использования военнопленных советские власти никогда не исходили из принципа «уничтожения работой», как это имело место в фашистской Германии²⁷⁰.

Глава «Политическая и культурно-массовая работа в лагерях и антифашистское движение военнопленных», во-первых, примечательна тем, что в нее вошли ранее неизвестные документы о НКСГ и СНО. Эти источники особенно интересны еще и потому, что содержат оценку различных сторон деятельности той и другой организации советскими спецслужбами. Немаловажно еще и то обстоятельство, что в сборнике приводится достаточно большое количество документов об антифашистской деятельности и культурно-массовой работе обитателей лагерных бараков в послевоенное время²⁷¹.

В последнюю, пятую, главу, посвященную депатриации германских подданных на родину, включены документы разнопланового содержания. Одни содержат количественные и временные параметры этого растянувшегося на долгие годы процесса, другие дают представление о взглядах на проблему депатриации СССР, западных государств, Международного комитета Красного Креста, Организации Объединенных Наций, Евангелической церкви Германии. При этом отчетливо прослеживаются два обстоятельства. Во-первых, попытки западных держав извлечь из пропагандистской шумихи вокруг узников советского режима политические дивиденды. Во-вторых, недальновидная позиция советской стороны, утаивающей от международной общественности списки с именами и фамилиями

умерших, данные на осужденных и иную информацию, касающуюся судей солдат и офицеров бывшей немецкой армии. Одновременно документы доказывают, что Советское государство в тяжелейшей экономической ситуации сумело сохранить жизнь и вернуть на родину почти два миллиона немцев. Более того, ни один из опубликованных источников не содержит и намека на то, что сотни тысяч немцев якобы не были депатриированы и завершили свой жизненный путь в мифологизированных западной прессой «лагерях молчания».

В 2000 г. в Москве вышел из печати очередной сборник документов по рассматриваемой нами проблеме под заголовком «Военнопленные в СССР»²⁷². Этот капитальный научный труд под редакцией профессора М.М. Загорулько насчитывает свыше тысячи страниц, более 400 документов и 30 приложений. Кроме того, издание имеет «Введение», «Археографическое предисловие» и «Комментарии». Авторский коллектив ученых из Волгоградского государственного университета проделал колоссальную работу по сбору, систематизации и классификации архивных источников. Документы, объединенные по тематическому признаку, вошли в следующие разделы: «Общие положения», «Система УПВИ-ГУПВИ НКВД-МВД СССР», «Учет и содержание», «Обеспечение», «Медицинское обслуживание. Смертность и захоронения», «Трудовое использование», «Оперативная работа в лагерях. Выявление и наказание военных преступников», «Репатриация», «Некоторые итоги». Публикации архивных источников предпослана обстоятельная вступительная статья С.Г. Сидорова²⁷³.

Справедливо звучит мысль редактора издания о том, что только научное освоение по возможности исчерпывающего массива архивных документов по истории военного плена «позволит подняться на новый уровень исторической оценки» этого многогранного явления общественной жизни и предоставит возможность «внести коррективы в уже устоявшиеся выводы и заключения, сделанные на основе неполных либо недостоверных источников»²⁷⁴. Исходя из этой основополагающей, как нам представляется, установки, составители включали в тот или иной раздел сборника наиболее важные, имеющие принципиальное значение архивные документы, причем как вновь выявленные, так и уже публиковавшиеся²⁷⁵.

Любопытно, но позиции членов авторского коллектива по ряду принципиальных моментов диаметрально противоположны. Так, редактор издания М.М. Загорулько пишет о том, что «в целях пресечения террористических актов и диверсий в тылу продвигающейся Советской Армии» на стройки социализма были интернированы 208 239 лиц немецкой национальности, «годных к физическому труду и способных носить оружие»²⁷⁶. В то же время С.Г. Сидоров считает, и, на наш взгляд, совершенно справедливо, что главная цель интернирования заключалась не в пресечении попыток террористических актов со стороны немцев, а в обеспечении народного хозяйства СССР рабочей силой — «мобилизовать и интернировать всех годных к физическому труду»²⁷⁷.

Разумеется, отмеченные недочеты не умаляют значения сборника. Во-первых, опубликованные материалы помогают восполнить значительный пробел в истории XX века. Во-вторых, помещенные в книге документы позволяют проследить политику Советского государства по отношению к иностранным, в том числе к немецким, военнопленным.

В 2001 г. читателю представилась возможность ознакомиться с подборкой архивных материалов, вошедших в сборник «Военнопленные и интернированные граждане Германии: путь на родину из СССР»²⁷⁸. Заметим, что проблема репатриации является одной из самых животрепещущих проблем любой войны. Именно этим обстоятельством было продиктовано обращение профессора Н.Ф. Бугая — автора вступительной статьи и составителя сборника — к истории возвращения на родину более 2 млн. германских подданных.

Общее количество воспроизведенных в книге документов насчитывает 170 единиц. Все архивные источники разбиты на несколько разделов и расположены в хронологическом порядке. Первый раздел, посвященный начальному периоду репатриации, охватывает период 1945—1946 гг. Документы этого раздела свидетельствуют о том, что немецких солдат и офицеров, в отличие от военнослужащих других национальностей, планировалось отправить на родину в самую последнюю очередь. Помимо этого, архивные источники подтверждают уже известный тезис о том, что в число первых репатриантов попадали лишь немцы из числа инвалидов и нетрудоспособных.

Документы следующего раздела сборника освещают вторую волну репатриации, пришедшуюся на 1947 год. Именно в этом году решение всех вопросов, связанных с возвращением немецких военнопленных на родину, было передано из рук МВД в ведение Управления по делам репатриации при Совете Министров СССР. Кроме того, именно в это время СССР, США, Великобритания и Франция принимают решение о сроках возвращения пленных немцев в Германию. В силу этого обстоятельства СССР отныне, помимо экономического фактора, был вынужден принимать в расчет дипломатическую подоплеку проблемы.

Третий и четвертый разделы сборника шаг за шагом открывают перед читателем длительный процесс возвращения немцев в Германию и подводят итог массовой репатриации германских подданных из СССР. Пятый раздел книги посвящен проблеме амнистии и отправке в Германию ранее осужденных военнопленных и интернированных германских граждан. Архивные документы красноречиво свидетельствуют о том, что при жизни И.В. Сталина рассчитывать на возвращение домой осужденным немцам не приходилось. Шанс вернуться на родину имели лишь рядовые солдаты вермахта, осужденные за незначительные преступления бытового характера (кража лагерного имущества, членовредительство и т. п.).

Отдельную группу документов составляют письма военнопленных, рассказывающих о своей жизни в СССР, а также письма их родственников и родных из Германии. В тех и других посланиях, конфискованных цензорской службой, содержатся нелицеприятные заявления в адрес Советского государства, критика сталинской внутренней и внешней политики.

Проблема немецких военнопленных в СССР в диссертационных исследованиях российских ученых. Первой диссертацией современного периода историографии проблемы немецких военнопленных в СССР по праву следует считать исследование В.А. Всееволодова «Взаимодействие политорганов Красной Армии и Национального комитета “Свободная Германия” в борьбе против фашизма»²⁷⁹. Выполненная в традиционном для советских историков ключе работа содержит ряд новых взглядов на деятельность НКСГ и на ее роль в организации пропагандистской работы на советско-германском фронте.

Проблема эвакуации военнопленных из фронтового района в тыл страны поднимается в диссертации сотрудника Инсти-

тута военной истории И.В. Власовой. Последняя анализирует работу с захваченным в плен противником на армейских приемных пунктах, во фронтовых и распределительных лагерях²⁸⁰. Иному аспекту проблемы военного плена посвятила свое исследование И.В. Безбородова. Предметом ее научных интересов стала история создания и функционирования Главного управления по делам военнопленных и интернированных НКВД-МВД СССР²⁸¹. Рассматриваются различные направления работы этого ведомства. Среди них – организация учета, режима содержания, трудового использования, депатриации бывших солдат неприятельских армий. Одновременно дается характеристика центрального аппарата УПВИ-ГУПВИ, показано его место в бюрократической иерархии НКВД-МВД и взаимодействие с республиканскими, областными и краевыми управлениями (отделами, отделениями) по делам военнопленных и интернированных.

В 1998 г. автором этих строк была защищена докторская диссертация «Политика советского государства в отношении немецких военнопленных (1941—1956 гг.)»²⁸². К моменту защиты увидели свет монографии «Судьбы военнопленных в СССР»²⁸³, «Судебное преследование немецких военнопленных в СССР»²⁸⁴, а также более 35 брошюр и статей по данной проблеме. Рецензии на эти книги опубликовали журналы «Вопросы истории», «Отечественная история», «Военно-исторический журнал», «Новый Часовой»²⁸⁵. Высокую оценку получили труды ученого и у коллег из Германии и Австрии²⁸⁶.

В диссертации на основе обширного массива архивных документов воссозданы неизвестные страницы истории переговоров по вопросу положения немецких военнопленных в Советском Союзе, в которых в разное время принимали участие такие страны, как СССР, Швеция, Болгария, США, Великобритания, Франция, ФРГ, ГДР, а также Международный комитет Красного Креста. Одновременно подверглись критическому анализу две традиционные версии: с одной стороны — об ужасах русского пленя, с другой — о якобы традиционно присущей первой в мире стране социализма гуманности, в том числе и по отношению к поверженному противнику. В диссертации показана эволюция взглядов Советского государства на проблему военного пленя в тридцатые годы, во время Великой Отечественной войны, в восстановительный период и в годы «хрущевской оттепели». Выявлена неразрывная связь между политикой трудо-

вого использования военнопленных и политикой репатриации германских граждан на родину. В работе дано историческое и методологическое обоснование периодизации историографии проблемы, проведен критический разбор нормативно-правовой базы, регулирующей положение военнопленных в период 1941—1956 гг. Автор дает правовую, политическую и нравственную оценку судебному преследованию оказавшихся в руках СССР солдат, офицеров и генералов вермахта во второй половине 40-х — начале 50-х гг. Сделан сравнительный анализ положения советских военнопленных в лагерях фашистской Германии и немецких военнопленных в лагерях Советского Союза, который доказывает несостоятельность попыток поставить на одну доску политику сталинского и фашистского правительства.

Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук С.Г. Сидорова «Труд военнопленных в СССР. 1939—1956 гг.» по праву претендует на всестороннее освещение данной проблемы²⁸⁷. Автором проработан и введен в научный оборот обширный комплекс документальных источников²⁸⁸. По подсчетам исследователя, доля военнопленных в общей численности рабочих и служащих СССР на конец 1945 г. составляла свыше 7 %²⁸⁹. А это свидетельствует о широком привлечении отвоевавшихся солдат неприятельских армий к работам по восстановлению народного хозяйства страны. Поскольку данный факт никоим образом не отражен в социально-экономической истории Советского Союза, «изучение трудового использования бывших солдат противника является весьма актуальным»²⁹⁰.

Структурно диссертационная работа разбита на два раздела, каждый из которых имеет несколько глав. В контексте истории немецких военнопленных наибольший интерес представляют следующие аспекты: статистические данные о применении труда бывших солдат германской армии в различных отраслях народного хозяйства СССР; вклад лагерного контингента в восстановление советской экономики; неразрывная связь репатриации германских подданных с их трудовым использованием в послевоенный период; география расположения производственных лагерей; основные формы протesta бывших немецких солдат по поводу их длительного нахождения на работах в Советском Союзе.

По оценке автора диссертации, немецкие военнопленные произвели работ в СССР на общую сумму 32 млрд. рублей, что соответствует 64 % от общей суммы в размере 50 млрд. рублей.

Гамбург, 1995. XXVI Кирхентаг. Презентация выставки
«Немецкие военнопленные в СССР»

Гамбург, 1995. Организаторы выставки: доктор педагогических наук, профессор В.В. Судаков, доктор исторических наук, профессор В.Б. Конасов

Вологда, 1997. Международная научно-практическая конференция «Проблемы военного плена: история и современность». Выступает почетный доктор Мюнхенского университета К. Кирхнер

Вологда, 1997 Ветераны войны — участники конференции

Дрезден, 1998. Делегация российских историков военного плена

Дрезден, 1998. Бывший военнопленный в СССР, впоследствии — директор по изучению архивов ФРГ
Г. Вагенленер

Слева направо: доктор исторических наук, профессор В.Б. Конасов, доктор университета г. Гейдельберг К. Штрайт, доктор юридических наук, профессор В.П. Галицкий

Волгоград, 2001. Участники Международной научно-практической конференции «Россия — Германия: диалог двух культур»

Волгоград, 2001. Участники Международной научно-практической конференции
«Россия — Германия: диалог двух культур»

Волгоград, 2001. Участники Международной научно-практической конференции
«Россия — Германия: диалог двух культур»

Вологда, 2000. Выступает заместитель начальника Института военной истории Министерства обороны РФ, доктор исторических наук, профессор В.В. Вартанов

Вологда, 2001. Выступает доктор исторических наук, профессор Липецкого государственного педагогического университета А.И. Борозняк

Именно такой цифрой оценило ГУПВИ МВД СССР общую стоимость работ, выполненных бывшими военнослужащими неприятельских армий за 1942—1949 гг.²⁹¹

Анализируя историографию проблемы, С.Г. Сидоров упоминает российских историков В.Н. Данилова, М.А. Колерова, В.П. Галицкого²⁹², подвергает критическому анализу работы зарубежных коллег С. Карнера и А. Хильгера²⁹³. Однако авторов диссертационных исследований Н.В. Баранову, Е.К. Рожкову и Н.В. Суржикову²⁹⁴, которые проблеме применения труда иностранных подданных отвели в своих работах довольно большое место, он почему-то даже не упоминает.

Наиболее дискуссионным в диссертации является вопрос о том, насколько экономически выгодным было для Советского государства использование в течение нескольких лет труда захваченных Красной Армией военнослужащих противника. Полемизируя на этот счет с А. Хильгером, автор диссертации ставит под сомнение заниженный германским ученым вклад военнопленных в экономику СССР. Тот факт, что «оплачиваемые работы пленных не покрывали расходы на содержание лагерей», по мнению С.Г. Сидорова, еще ни о чем не говорит. Ведь заработная плата в общей стоимости созданных военнопленными материальных ценностей составляла только одну треть. Общие результаты производственной деятельности лагерей имели положительный баланс²⁹⁵. Другими словами, по мнению доктора, труд бывших вражеских солдат окупал расходы Советского государства на их содержание.

Данный вывод автора диссертации представляется весьма дискуссионным. Во-первых, архивные документы неопровержимо свидетельствуют, что лагеря за все время своего существования, за исключением 1949 г., были нерентабельны, т. е. расходы на их содержание не окупались той работой, которую выполняли пленные. Данный факт не оспаривает и сам С.Г. Сидоров. Расходы на содержание лагерей за период 1942—1949 гг. составили, по его подсчетам, 22,2 млрд. рублей. Однако к этой сумме, на наш взгляд, надо приплусовать заработную плату военнопленных, составившую за все время пребывания в СССР 16,7 млрд. рублей²⁹⁶. Ведь она зачислялась на лицевые счета военнопленных из государственной казны. Таким образом, государство израсходовало на содержание лагерей и заработную плату обитателей бараков в общей сложности почти 39 млрд.

рублей (22,2 млрд. руб. +16,7 млрд. руб.). Кроме того, следует принять во внимание немалые расходы на депатриацию, которые составили 2 328 456 200 руб.²⁹⁷. Если же учесть традиционно сложившуюся в стране практику «приписок», то об экономической выгоде труда пленных можно говорить с очень большой напряжкой. Кстати, о том, что данный вопрос остается открытым, пишут в своих диссертациях Н.В. Суржикова и Е.К. Рожкова. По их мнению, «источники содержат далеко не все необходимые для объективной оценки труда военнопленных экономические индексы. В частности, представляется сложным точно определить производительность труда военнопленных, не располагая сведениями о выходе чистой продукции»²⁹⁸.

В диссертации А.Е. Епифанова на соискание ученой степени доктора юридических наук, посвященной уголовной ответственности за военные преступления на территории СССР, заметное место отведено историческому аспекту проблемы немецких военнопленных, преследуемых за нарушение законов и обычаев войны²⁹⁹. Первая глава содержит подробный анализ нормативно-правовых актов, на основании которых привлекались к суду нацистские преступники и их пособники. Историческая канва здесь четко прослеживается при анализе Указа Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 г. «О мерах наказания для немецко-фашистских злодеев», Закона № 10 Контрольного Совета в Германии «О наказании лиц, виновных в военных преступлениях, преступлениях против мира и человечности», иных нормативно-правовых документов.

Во второй главе также можно встретить сюжеты, связанные с историей немецких военнопленных. В данном случае речь идет о мероприятиях советских властей по выявлению и разоблачению участников зверств и злодейств на оккупированной территории СССР. В третьей главе небезынтересны факты, связанные с наказанием немецких военных преступников, их союзников и пособников оккупантов из числа советских граждан. Делается вывод, что практика уголовного наказания соотечественников, уличенных в военных преступлениях и пособничестве оккупантам, имела место с самого начала войны, в то время как юридическое основание для наказания «немецко-фашистских злодеев» было выработано только к апрелю 1943 года.

Главы четвертая и пятая в большей степени отражают юридическую сторону проблемы, хотя и в них можно найти поло-

жения и выводы историко-правового характера, например, по вопросам организации судебных процессов в сороковые – пятидесятые годы и реабилитации иностранных подданных в наше время. Подводя итог своему исследованию, А.Е. Епифанов делает вывод, что правоохранительные органы Советского государства проделали огромную работу по установлению и расследованию злодеяний, совершенных нацистскими преступниками на оккупированной территории Советского Союза. Однако в условиях крайнего дефицита времени, нехватки квалифицированных кадров, а также под воздействием политических установок правительственные инстанции обеспечить необходимое качество оперативно-розыскной, следственной и судебной работы не удалось³⁰⁰.

Исследованию А.Е. Епифанова предшествовала диссертация Т.А. Щелокаевой, посвященная ретроспективному анализу правового статуса иностранных военнопленных в годы Второй мировой войны³⁰¹. Свою задачу автор усматривает прежде всего в том, чтобы снять с Советского государства несостоительные обвинения в нарушении норм международного права. Диссертант приходит к заключению, что накануне Великой Отечественной войны вопросы венного плена советскую сторону не интересовали, «свои» и «чужие» определялись по классовому признаку, поскольку И.В. Сталин делал ставку на наступательную военную доктрину. И лишь необходимость ведения боевых действий оборонительного характера на своей территории вынудила СССР обратиться к международным договорам, регулирующим законы и обычай войны.

В контексте истории немецких военнопленных представляют интерес выводы автора относительно соблюдения СССР Гаагской и Женевской конвенций. В отличие от мнения, высказанного А.Е. Епифановым, исследователь считает, что судебные процессы конца 40-х — начала 50-х гг. имели под собой «законное основание», а практика осуждения по формальным признакам была «скорее исключением, чем правилом»³⁰².

Резюме. Современный период историографии характеризуется «прорывом в проблему». Впервые за долгие годы российские и зарубежные историки объединяют свои усилия. Исследователи получают возможность знакомиться с ранее недоступными архивными документами, публиковать совместные труды, обмениваться научными идеями на конференциях и симпозиумах. Именно

в этот период вырабатываются новые подходы к самым различным сторонам проблемы немецких военнопленных в СССР, происходит отказ от черно-белых схем, конъюнктуры и политической ангажированности. В результате появляются труды, гораздо более глубоко и объективно освещдающие события прошлого.

Проблемы и перспективы дальнейшего изучения

В настоящее время когда-то бывшая непопулярной в Советском Союзе тема военного плена все чаще и чаще появляется на страницах газет и журналов, звучит по радио и на телевидении. Все это создает иллюзию исчерпывающего исследования проблемы немецких военнопленных в СССР. Действительно, в изучении этого многогранного явления истории XX столетия достигнут несомненный прогресс. Неплохо изучены такие аспекты пребывания германских подданных в советском плену, как политика страны социализма по отношению к немецким военнопленным, деятельность Национального комитета «Свободная Германия» и Союза немецких офицеров, правовой статус и судебное преследование бывших солдат вермахта, их трудовое использование на предприятиях и стройках народного хозяйства, депатриация на родину. В опубликованной по обозначенным проблемам литературе появились новые оценки, идеологические клише и пропагандистские штампы времен «холодной войны» уступили место объективному и взвешенному анализу. В немалой степени этому способствовал конструктивный диалог между отечественными и зарубежными историками. Достаточно сказать о получившей высокую оценку общественности Международной научно-практической конференции «Проблемы военного плена: история и современность», прошедшей в 1997 г. в Вологде, о плодотворной работе международных научных симпозиумов в Шаллабурге (Австрия, 1995) и Дрездене (Германия, 1998).

Вместе с тем, ставить точку в исследовании обозначенной проблемы явно преждевременно. Многие статьи и очерки носят постановочный характер, передают фактическую сторону дела на основе какого-то одного комплекса источников. Ряд выводов по-прежнему имеют скорее гипотетический, нежели строго выверенный, аргументированный характер. Наименее изученными аспектами истории немецких военнопленных в Советском Союзе на сегодняшний день являются:

1. Разного рода количественные параметры (доля немецких военнопленных в общей численности поданных иностранных государств, оказавшихся в советском плену, соотношение погибших и вернувшихся на родину, показатели трудового использования лагерного контингента и т. д.). Статистика УПВИ-ГУПВИ НКВД-МВД СССР, как правило, принимается исследователями на веру, критический анализ отсутствует, а в результате запущенные в научный оборот цифры не столько дают ответы, сколько ставят все новые и новые вопросы.

2. Общее и особенное в положении военнопленных в масштабе страны и на региональном уровне. В исторической науке еще не раскрыта специфика дислокации и структуры лагерей ГУПВИ как в целом по Союзу, так и в рамках отдельных областей и регионов. Не проанализирована эволюция лагерных производственных комплексов. Между тем уже первые исследования проблемы на местных материалах позволяют утверждать, что в размещении, жизнеобеспечении и трудовом использовании военнопленных наблюдались существенные различия. Так, Европейский Север был «всесоюзной лесопилкой», что предопределило преимущественное использование лагерного контингента в лесозаготовительной, деревообрабатывающей, целлюлозно-бумажной промышленности. В центрально-европейской части и западных областях страны, подвергнувшихся оккупации, пленные в основном восстанавливали разрушенные жилые кварталы, заводы и фабрики, строили мосты и шоссейные дороги. В южных районах они использовались на угольных шахтах Донбасса и Кузбасса, в Сибири — привлекались к освоению новых и разработке старых месторождений, строительству железных дорог. География и специфика труда накладывали отпечаток на продовольственный ассортимент, характер вещевого обеспечения, качество медицинского обслуживания, и как следствие, динамику заболеваемости и смертности. Потребность того или иного региона в рабочей силе самым прямым образом сказывалась на сроках пребывания в плену.

3. Социально-психологические аспекты пленя, такие, как пленобоязнь, адаптация и выживание за колючей проволокой, взаимоотношения пленных между собой и лагерной администрацией, социально-психологическая реабилитация депатрированных на родине. Если в Германии появлялись и появляются воспоминания о моральных и нравственных страданиях немцев в России, о том, как встретила военнопленных родная земля, то

эти же самые проблемы в российской историографии даже не поднимались. Слабо изучены вопросы об особенностях русского и немецкого менталитетов в условиях плена, установления между победителями и побежденными межнационального и межкультурного диалога. До настоящего времени все эти вопросы в лучшем случае рассматривались в художественной и мемуарной литературе.

Еще в 1992 г. нами было высказано предположение, что проблеме военного плена Второй мировой войны уготована непростая судьба, поскольку она множеством зримых и незримых нитей связана с современными российско-германскими отношениями. Минувшие десять лет подтвердили правоту этого тезиса. Сегодня среди проблем, в той или иной степени влияющих на продуктивный российско-германский диалог, можно назвать реабилитацию незаконно осужденных германских подданных, дискуссионный вопрос о выплате денежной компенсации пострадавшим от сталинского режима немцам, судьбу кладбищ бывших солдат вермахта на российской земле и захоронений советских солдат на территории ФРГ.

Проблема судебного преследования лиц, нарушивших законы и обычай войны, является наследием не только правового опыта, но и важной частью современной юридической и дипломатической практики, нынешней внутренней и внешней политики. Продолжающийся процесс пересмотра уголовных дел немецких военнопленных является одним из свидетельств того, что обновленная Россия стремится ориентироваться на диктатуру Закона, на формирование правового государства. За период действия Закона РФ от 18 октября 1991 г. «О реабилитации жертв политических репрессий» на начало 2002 г. реабилитировано почти 14 000 иностранных граждан, главным образом немцев. Это вовсе не означает, что лица, обоснованно осужденные за чудовищные злодеяния на советской земле, автоматически могут рассчитывать на восстановление своего «доброго имени», если даже приговор им был вынесен внесудебной инстанцией или же с нарушением процессуальных норм. Отказано в реабилитации около 5 000 иностранных подданных. Вместе с тем реабилитационный процесс, как показывает практика, нуждается в корректировке и приведении в соответствие с действующим законодательством и Конституцией Российской Федерации.

Как известно, германский бундестаг принял закон об учреждении фонда «Память, ответственность, будущее». В этом законе, в частности, говорится о том, что фирмы, на которые во время войны принудительно трудились жертвы гитлеровского режима, выплатят бывшим заключенным единовременное пособие в размере 15 тысяч марок, а так называемым «промышленным рабочим» — по 5 тысяч марок. Компенсацию получат в общей сложности более миллиона человек. Заседание бундестага было бурным, дебаты неожиданно завершились вопросом: «А будет ли возмещен материальный ущерб немецким военнопленным, работавшим в других странах, в первую очередь, в России?» При этом сторонники постановки вопроса в такой, довольно неожиданной плоскости выдвинули следующие аргументы:

- далеко на все солдаты вермахта, попавшие в плен, были военными преступниками;
- многие из немецких солдат, особенно в конце войны, добровольно переходили на сторону противника;
- очень большое количество немецких солдат и офицеров попали в советские лагеря уже после капитуляции Германии и по этой причине, в соответствии с нормами международного права, не подпадают под категорию военнопленных;
- расколотшая германское общество на два лагеря известная выставка, рассказывающая о преступлениях вермахта в СССР, одновременно представила и свидетельства расправ органов НКВД-МВД над немецкими военнопленными.

Поскольку дискуссия на эту тему далеко не завершена и приобретает все более политизированный характер, необходимость во взвешенном историко-правовом анализе событий прошлого явно назрела.

Новую страницу истории двух государств открыло соглашение между правительством Российской Федерации и правительством ФРГ, подписанное в Москве 16 декабря 1992 года. Согласно пункту 1 статьи 3 этого документа, то и другое правительства «обеспечивают защиту военных могил и вечный покой погибших в войнах каждой из сторон в своем государстве». Однако два последующих пункта третьей статьи соглашения завуалировано зафиксировали принципиально важную уступку германской стороны, а именно: если ФРГ содержит российские могилы на немецкой земле за свой счет, то Россия аналогичного обязательства на себя не берет. В документе го-

ворится: «Правительство Федеративной Республики Германия вправе за свой счет осуществлять обустройство и уход за немецкими военными могилами и немецкими военными захоронениями в Российской Федерации». Именно такой практики придерживались и придерживаются до сего времени германские власти. Выдержит ли российско-германский договор проверку временем — вопрос отнюдь не риторический. Перечеркнуть достигнутое в 1992 г. соглашение могут и выходки различного толка националистических организаций, готовых совершить акты вандализма на чужих погостах, и неспособность властей различного уровня навести порядок на собственных кладбищах, на фоне которых выгодно выделяются недавно появившиеся ухоженные немецкие захоронения.

Память о трагических событиях Второй мировой войны продолжает жить практически в каждой российской и германской семье. Ничто так не сближает два великих народа, как общее горе невосполнимой утраты. Сотни тысяч россиян и немцев до сих пор ничего не знают или же знают непозволительно мало о судьбе своих родных и близких, не вернувшихся с той страшной войны. В этой связи воздадим должное тем историкам России и Германии, которые взялись за создание книг-мартирологов. Хочется верить, что таких неравнодушных, с обостренным чувством справедливости людей, как автор книги «В чужой земле» профессор С.С. Букин, будет все больше и больше.

Впереди у отечественных и зарубежных историков исследование еще одной незаслуженно обойденной проблемы. Исключительно важным представляется вопрос о том, какой след в материальной и духовной культуре России оставили за время пребывания в советском плена сотни тысяч немецких солдат и офицеров. Пока еще макро- и микрочастицы этого влияния можно отыскать во многих уголках страны. Неповторим облик промышленных и жилых зданий, спроектированных и воздвигнутых подневольными архитекторами и строителями. Инженерные находки и талант немецких мастеров воплотились в комплексе столичного стадиона «Динамо», «поющих» фонтанах курортов Крыма, инкрустированной мебели кабинетов начальников различного уровня. В репертуаре музыкальных коллективов пятидесятых годов нередко звучала «чужая», тоскующая мелодия, автора которой сегодня никто уже не припомнит. Однако реконструировать картину прошлого еще не поздно, еще живы

очевидцы событий, сохранились архивные документы, способные раскрыть многие тайны человеческого бытия.

В годы войны русские и немцы смотрели друг на друга сквозь прорези автоматных прицелов, позднее между ними были воздвигнуты идеологические барьеры. Мифологизированный образ «русского Ивана», готового в своем диком невежестве задушить западную свободу и демократию, все еще живет в умах и сердцах определенной части германского общества. Равно, как образ затаившегося коварного немецкого завоевателя бередит сознание некоторых россиян. А коли так, то профессиональный и нравственный долг историка заключается в том, чтобы с позиций правдивой картины прошлого протянуть в своих трудах мостик добра, справедливости и окончательного примирения в наш сегодняшний день.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Цит. по: Все передовое человечество клеймит позором фашистских бандитов, бомбардирующих советские госпитали и санитарные поезда! // Санитарная оборона.— 1941.— № 7.— С. 10.

² Толстой А. Лицо гитлеровской армии // Правда.— 1941.— 31 августа; Тихонов Н. О немецком садизме // Красная звезда.— 1942.— 3 октября; Муровский А. Изверги // Правда.— 1941.— 5 сентября; Павловский И. Двуногие звери // Правда.— 1941.— 23 сентября и другие.

³ Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны: Документы и материалы. Т. 1.— М.: Госполитиздат, 1944.— С. 167.

⁴ Там же.— С. 234.

⁵ Правда.— 1942.— 15 октября.

⁶ Правда.— 1943.— 2 ноября.

⁷ Конасов В.Б., Терещук А.В. Узники войны (К истории иностранных военнопленных в России и СССР) // Новый Часовой.— 1994.— № 1.— С. 35.

⁸ Трайнин А. Бесчеловечный гуманизм // Война и рабочий класс.— 1944.— № 9.— С. 18.

⁹ Трайнин А. Об уголовной ответственности гитлеровских преступников // Война и рабочий класс.— 1944.— № 1.— С. 19—21.

¹⁰ Левин Д.Б. Об уголовной ответственности военнопленных // Вопросы уголовного права.— М.: Юриздат, 1945.— С. 90—95.

¹¹ Полянский Н.Н. Международное правосудие и преступники войны — М.— Л.: Изд-во АН СССР, 1945.— С. 46.

¹² Глебов Б. Военные преступники перед Советским судом // Советское государство и право.— 1946.— № 2.— С. 57.

¹³ «Меморандум» обнаружил в Гамбургском архиве германский историк М. Мессершмидт. Подробнее об этом сюжете и в целом о проблеме ответственности вермахта за преступления в СССР см.: А.И. Борозняк «Так разрушается легенда о чистом вермахте...»: Современная историография ФРГ о преступлениях немецкой армии в войне против Советского Союза // Отечественная история.— 1997.— № 3.— С. 107—119; Augstein R. Anschlag auf die «Ehre» des deutschen Soldaten? // Der Spiegel.— 1997.— № 11.— S. 92—99.

¹⁴ В обоснование своей позиции обвинители от СССР ссылались на статью 21 Устава Международного военного трибунала, в которой говорится: «Трибунал не будет требовать доказательств общеизвестных фактов и будет считать их доказанными. Трибунал также будет принимать без доказательств официальные правительственные документы и доклады Объединенных Наций, включая акты и документы комитетов, созданных в различных странах для расследования военных преступлений, протоколы и приговоры военных или других трибуналов каждой из Объединенных Наций». Цит. по: Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками: Сборник материалов. Т. 7.— М.: Госюризат, 1957.— С. 71. Тем не менее, в целом ряде случаев американский, английский и французский судьи поддерживали и доводы защиты, обращая внимание обвинителей от СССР на необходимость правильного толкования статьи 21 Устава МВТ. Из ее содержания вовсе не вытекает, что факты, изложенные в актах Чрезвычайной государственной комиссии, не могут быть перепроверены путем дополнительных запросов, свидетельских показаний и т. п. См. подробнее: Абаринов В.К. Катынский лабиринт.— М.: Новости, 1991.— С. 146—148, 203.

¹⁵ Цит. по: Латернер Г. Вторая мировая война и право // Итоги второй мировой войны: Сборник статей / Пер. с нем.— М.: Изд-во иностранной литературы, 1957.— С. 549.

¹⁶ Маньковский Б.С. Вопросы материального уголовного права в законодательстве Контрольного Совета в Германии // Советское государство и право.—146.— № 9.— С. 53—55.

¹⁷ Как известно, А.Я. Вышинский, в бытность прокурором СССР, заложил первый камень в «Учение о соучастии». По его мнению, нет никакой необходимости доказывать индивидуальную вину подсудимого, достаточно получить его признание о согласии войти в преступную организацию — и тогда он несет полную ответственность за противоправные действия остальных членов этой организации. Более образно и витиевато эту же мысль Вышинский изложил в обвинительной речи на процессе по делу так называемого «Антисоветского Правотроцкистского блока» в марте 1938 г.: «Если, скажем, шайка грабителей будет действовать так, что одни из ее участников будут жечь дома, насиливать женщин, убивать и так далее в одном месте, а другая часть шайки — в другом, то хотя бы те и другие не знали о преступлениях, совершенных раздельно какой-либо частью общей шайки,— они будут отвечать за всю совокупность преступлений в полном объеме, если только будет доказано, что они согласились насчет участия в этой банде для совершения тех или других преступлений». Цит. по: Судебный отчет по делу «Антисоветского Правотроцкистского блока».—М.: Юризат, 1938.— С. 612. Позднее идея Вышинского получила дальнейшее развитие и обоснование в капитальном труде,

посвященном этой проблеме. См.: Трайнин А.Н. Учение о соучастии.— М.: Юриздат, 1943.

¹⁸ Утевский Б.С. Судебные процессы о злодеяниях немецко-фашистских войск на территории СССР.— М.: Изд-во Министерства юстиции, 1946.— С. 66.

¹⁹ Судебный процесс по делу о злодеяниях немецко-фашистских войск на территории Латвийской, Литовской и Эстонской ССР.— Рига, 1946; Прибалтийский военный округ. Военный трибунал. Обвинительное заключение и приговор по делу о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков на территории Латвийской, Эстонской и Литовской ССР.— Вильнюс: Госполитиздат, 1946.

²⁰ Судебный процесс по делу о злодеяниях, совершенных немецко-фашистскими захватчиками в Белорусской ССР. Стенографический отчет.— Минск: Белгиз, 1947.

²¹ Цит. по: Трайнин А.Н. Уголовная ответственность за пропаганду агрессии.— М.: Издание РИО ВЮА, 1947.— С. 32.

²² Проектор Д. Размышления о холодной войне // Россия и Германия в годы войны и мира (1941—1945 гг.).— М.: Гея, 1995.— С. 140.

²³ Ромашкин П.С. Документы и материалы по вопросам борьбы с военными преступниками и поджигателями войны / Предисл. подгот. А.Н. Трайнин.— М.: Военно-юридическая академия, 1949.

²⁴ Цит. по: Борозняк А.И. «Так разрушается легенда о чистом вермахте...» — С. 108.

²⁵ Maurach R. Die Kriegsverbrecherprozesse gegen deutsche Gefangene in der Sowjetunion.— Hamburg, 1950.

²⁶ Ibid.— S. 75—87.

²⁷ Ibid.— S. 70. Что касается статьи 17 УК РСФСР, то в ней говорится следующее: «Меры социальной защиты судебно-исправительного характера подлежат применению одинаково как в отношении лиц, совершивших преступление — исполнителей, так и соучастников — подстрекателей и пособников. Подстрекателями считаются лица, склонившие к совершению преступления. Пособниками считаются лица, содействующие выполнению преступления советами, указаниями, предоставлением средств и устраниением препятствий или же сокрытию преступника или следов преступления». Цит. по: Уголовный кодекс РСФСР. Официальный текст с изменениями на 1 марта 1947 г.— М.: Госюриздан, 1957.— С. 8.

²⁸ Frey G. Das Strafverfahren gegen deutsche Kriegsgefangene in der Sowjetunion. Zur formalrechtlichen Seite der Verurteilungen // Osteuropa Recht.— 1995.— № 1.— Н. 1.— С. 31—37. Помимо перечисленных, в ходе судебного разбирательства уголовных дел немецких военнопленных, по замечанию Г. Фрея, нарушался еще целый ряд статей УПК РСФСР. В частности, ст. 284 (о необходимости производить допрос свидетелей порознь друг от друга), ст. 309 (о предоставлении подсудимому последнего слова).

²⁹ Kirchner K. Flugblattpropaganda im 2 Weltkrieg. Band 8. Flugblätter aus der UdSSR.— Erlangen, 1986.— S. 156.

³⁰ Kießlich-Köcher H. Die Nutzung deutscher Kriegsgefangenen für die Flugblattpropaganda durch die Sowjetarmee // Проблемы военного плена: история и современность: Материалы Международной научно-практической конференции 23—25 октября 1997 г. в г. Вологде. Ч. 1.— Вологда, 1997.— С. 113.

³¹ Правда.— 1942.— 24 февраля.

³² Красная звезда.— 1942.— 31 марта.

³³ Кульков Е.Н., Ржевеский О.А., Челышев И.А. Правда и ложь о второй мировой войне.— М.: Воениздат, 1988.— С. 277.

³⁴ 7 октября 1944 г. заместитель наркома внутренних дел С.Н. Круглов вынужден был подписать директиву № 2606 «О ликвидации заболеваемости и смертности в лагерях». В декабре того же года аналогичное указание начальникам лагерей военнопленных направил заместитель начальника УГВИ НКВД. См.: ЦХИДК — Ф. 1/п.— Оп. 2.— Д. 1.— Л. 167.

³⁵ ЦХИДК — Ф. 4/п.— Оп. 1.— Д. 1.— Л. 10—11.

³⁶ Там же.— Ф. 1/п.— Оп. 01е.— Д. 46.— Л. 143—144.

³⁷ Там же.

³⁸ Танин С. Провал одной клеветы // Труд. — 1950. — 17 мая.

³⁹ Л.Б. Тщетные усилия // Новое время.— 1950.— № 20.— С. 27—28.

⁴⁰ Под флагом комиссии ООН. Фальсификаторы и клеветники не унимаются // Правда.— 1953.— 18 сентября; На пленарных заседаниях Генеральной Ассамблеи // Правда.— 1953.— 19 сентября; Ю.П. Комиссия обманщиков терпит провал // Правда.— 1953.— 2 октября; Боженко А. Что скрывается за шумихой о военнопленных // Красная звезда.— 1953.— 23 октября.

⁴¹ Цит. по: Комиссия обманщиков // Правда.— 1952.— 31 августа.

⁴² Александров С. Последние агрессоров под маской международной организации // Правда.— 1952.— 29 апреля; Николаев Б. Международный Красный Крест (Правовая структура и политическое лицо) // Советское государство и право.— 1952.— № 8.— С. 43—51.

⁴³ См. напр.: Bohn H. Vor den Toren des Lebens. In russischer Kriegsgefangenschaft 1944—1947.— Überlingen, 1949; Fehling H. Ich komme soeben aus Sowjet-Rußland. Tatsachenbericht aus 6 Jahren sowjetischer Kriegsgefangenschaft.— Köln, 1950; Hahn A. Ich spreche die Wahrheit. Sieben Jahre Kriegsgefangener in Rußland.— Eblingen, 1951.

⁴⁴ Kähler O. Vorwort zu: Stacheldraht, Hunger, Heimweh. Eine Erinnerung.— Düsseldorf, 1955. Цит. по: Война Германии против Советского Союза (1941—1945): Документальная экспозиция.— Берлин: Аргон, 1992.— С. 268.

⁴⁵ Enders A. 50 Monate Sibirien.— Rehau-Of., 1950; Schwarz W. Des Ostwinds eisiger Psalm. Erlebnisse und Betrachtungen aus 9 Jahren sibirischer Gefangenschaft.— Berlin — Darmstadt, 1955.

⁴⁶ Gollwitzer H. "... und führen wohin du nicht willst". Bericht einer Gefangenenschaft— 3 Aufl.— Gutersloh, 1977.

⁴⁷ Ibid.

⁴⁸ Konsalik H. Der Arzt von Stalingrad.— München, 1981.

⁴⁹ Kriegsgefangene in der Sowjetunion.— Berlin, 1949.

⁵⁰ Dibold H. Arzt in Stalingrad. Passion einer Gefangenschaft.— Salzburg, 1949.

⁵¹ Zur Geschichte der deutschen Kriegsgefangenen des Zweiten Weltkrieges (Bd. 1—22).— München, 1962—1974.

⁵² Цит. по: Безыменский Л.А. История одной «Истории» // Новое время.— 1976.— № 5.— С. 12—13.

⁵³ Цит. по: Иваницкий Г.М. К истории немецких военнопленных во Второй мировой войне // Информационный бюллетень.— М.: Институт военной истории МО СССР.— 1977.— № 18.— С. 34—35.

⁵⁴ Ржешевский О., Иваницкий Г. Правда и ложь о жизни немецких военнопленных в СССР // Военно-исторический журнал.— 1978.— № 10.— С. 76—82.

⁵⁵ Эти отзывы вошли в уже упомянутую книгу «Военнопленные в Советском Союзе», изданную на немецком языке в Восточном Берлине в 1949 году.

⁵⁶ ЦХИДК.— Ф. 1/п.— Оп. 37а.— Д. 1.— Л. 257—259.

⁵⁷ Blank A. Die deutschen Kriegsgefangenen in der UdSSR.— Berlin, 1979.

⁵⁸ Ibid.— С. 198—208.

⁵⁹ Ibid.— С. 45.

⁶⁰ Ibid.— С. 49.

⁶¹ Мерцалов А.Н. Великая Отечественная война в историографии ФРГ.— М.: Наука, 1989.— С. 30.

⁶² Семиряга М.И. Тюремная империя нацизма и ее крах.— М.: Юридическая литература, 1991.— С. 130.

⁶³ Cartellieri D. Die deutschen Kriegsgefangenen in der Sowjetunion. Die Lagergesellschaft. Eine Untersuchung der zwischenmenschlichen Beziehungen in den Kriegsgefangenenlagern // Zur Geschichte der deutschen Kriegsgefangenen des Zweiten Weltkrieges. Bd. 1.— München, 1967.

⁶⁴ Schwarz W. Die deutschen Kriegsgefangenen in der Sowjetunion. Aus dem kulturellen Leben // Zur Geschichte der deutschen Kriegsgefangenen des Zweiten Weltkrieges. Bd. 6.— München, 1969.

⁶⁵ Robel G. Die deutschen Kriegsgefangenen in der Sowjetunion. Antifa // Zur Geschichte der deutschen Kriegsgefangenen des Zweiten Weltkrieges. Bd. 8.— München, 1974.

⁶⁶ Fleischhacher H. Die deutschen Kriegsgefangenen in sowjetischer Hand. Der Faktor Hunger // Zur Geschichte der deutschen Kriegsgefangenen des Zweiten Weltkrieges. Bd. 3.— München, 1965.

⁶⁷ Ratza W. Die deutschen Kriegsgefangenen in der Sowjetunion. Der Faktor Arbeit // Zur Geschichte der deutschen Kriegsgefangenen des Zweiten Weltkrieges. Bd. 4.— München, 1973.

⁶⁸ Bährens K. Deutsche in Straflagern und Gefängnissen der Sowjetunion // Zur Geschichte der deutschen Kriegsgefangenen des Zweiten Weltkrieges. Bd. 5 (1—3).— München, 1965.

⁶⁹ Böhme K. Die deutschen Kriegsgefangenen in sowjetischer Hand. Eine Bilanz // Zur Geschichte der deutschen Kriegsgefangenen des Zweiten Weltkrieges. Bd. 7.— München, 1966.

⁷⁰ Fleischhacher H. Die deutschen Kriegsgefangenen in sowjetischer Hand. Der Faktor Hunger // Zur Geschichte der deutschen Kriegsgefangenen des Zweiten Weltkrieges. Bd. 3.— München, 1965.— S. 336.

⁷¹ Ibid.— S. 383.

⁷² О фактах хищения лагерным персоналом продуктов питания неоднократно упоминают приказы и директивы НКВД-МВД СССР. Ссылки на эти приказы в последнее время все чаще встречаются в работах российских историков. См. напр.: Горбунов И.Ю. Пребывание немецких военнопленных в СССР: условия содержания, медицинское обеспечение (по документам ГА РФ) // Проблемы военного плена: история и современность: Материалы Международной научно-практической конференции 23—25 октября 1997 г. в г. Вологде. Ч. 2.— Вологда, 1997.— С. 139.

⁷³ Ratza W. Die deutschen Kriegsgefangenen in der Sowjetunion. Der Faktor Arbeit... — S. 81.

⁷⁴ Этую цифру из работы западно-германского ученого еще в 1977 г. упомянул в своем критическом обзоре Г.М. Иваницкий. Однако от каких-либо комментариев по поводу ее достоверности историк отказался. См.: Иваницкий Г. М. К истории немецких военнопленных во Второй мировой войне // Информационный бюллетень.— М.: Институт военной истории МО СССР.— 1977.— № 18.— С. 29.

⁷⁵ В отчетном докладе на имя И.В. Сталина министр внутренних дел С.Н. Круглов привел следующие цифры: за период с 1943 по 31 декабря 1949 г. иностранные военнопленные отработали в общей сложности 1 млрд. 77 млн. 564 тыс. 200 человекодней. По имеющимся ныне оценкам на долю немецких военнопленных приходится приблизительно 700 млн. отработанных человекодней.

⁷⁶ Maschke E. Vorwort zu: Bährens K. Deutsche in Straflagern und Gefängnissen der Sowjetunion // Zur Geschichte der deutschen Kriegsgefangenen des Zweiten Weltkrieges. Bd. 5/1.— München, 1965.— S. VI.

⁷⁷ Ibid.— S. 150.

⁷⁸ Ibid.— Bd. 5/2.— S. 198—199.

⁷⁹ Böhme K. Die deutschen Kriegsgefangenen in sowjetischer Hand. Eine Bilanz... — S. 151.

⁸⁰ Ibid.— S. 147—149.

⁸¹ Fleischhacher H. Die deutschen Kriegsgefangenen in sowjetischer Hand. Der Faktor Hunger... — S. VII—LI.

⁸² Böhme K. Die deutschen Kriegsgefangenen in sowjetischer Hand. Eine Bilanz... — S. 109. (Anm. 1). Правда, в монографии С. Карнера «Архипелаг ГУПВИ: Плен и интернирование в Советском Союзе» говорится о том, что в начале войны существовал приказ «не брать пленных», за 20 расстрелянных немецких пленных красноармейцы получали по 20 дней отпуска. См.: Карнер С. Архипелаг ГУПВИ: Плен и интернирование в Советском Союзе: 1941—1956 / Пер. с нем. О. Асписовой.— М.: РГГУ, 2002.— С. 18; 273. Австрийский историк, упоминая в своей книге этот прискорбный факт, ссылается на военный архив в Потсдаме. Однако ни одному из отечественных и зарубежных историков обнаружить такой документ в российских архивах не удалось.

⁸³ Lehmann A. Gefangenschaft und Heimkehr. Deutsche Kriegsgefangene in der Sowjetunion.— München, 1986.— S. 28—37.

⁸⁴ Ibid.— S. 28, 135.

⁸⁵ Ibid.— S. 36.

⁸⁶ Lang M. Stalins Strafjustiz gegen deutsche Soldaten. Die Massenprozesse gegen deutsche Kriegsgefangene in den Jahren 1949 und 1950 in historischer Sicht— Herford, 1981.— S. 20.

⁸⁷ Ibid.— S. 45—48.

⁸⁸ Ibid.— S. 81; 107.

⁸⁹ Zayas A. Die Wehrmacht — Untersuchungsstelle. Deutsche Ermittlungen über alliierte Völkerrechtsverletzungen im Zweiten Weltkrieg.— München, 1980.

⁹⁰ Ibid.— S. 277.

⁹¹ Nolte H.-H. Der deutsche Überfall auf die Sowjetunion 1941. Text und Dokumentation.— Hannover, 1991.— S. 60.

⁹² Smith A. Heimkehr aus dem Zweiten Weltkrieg. Die Entlassung der deutschen Kriegsgefangenen.— Stuttgart, 1985.

⁹³ Ibid.— S. 159.

⁹⁴ Smith A. Die «vermißte Million». Zum Schicksal deutscher Kriegsgefangenen nach dem Zweiten Weltkrieg.— München, 1991.

⁹⁵ Ibid.— S. 75, 110.

⁹⁶ Ibid.— S. 130—131 (Dok. № 32).

⁹⁷ Ibid.— S. 136 (Dok. № 36).

⁹⁸ Lehmann A. Gefangenschaft und Heimkehr... — S. 128—139.

⁹⁹ Ibid.— S. 139.

¹⁰⁰ Lang M. Stalins Strafjustiz gegen deutsche Soldaten... S. 114—121.

¹⁰¹ Ibid.— S. 116.

¹⁰² Штайнбах П., Юбершер Г.Р. Историография о НКСГ и СНО в Федеративной Республике Германия и в западных странах // Национальный комитет «Свободная Германия» и Союз немецких офицеров

/ Перевод издания Г.Р. Юбершера.— Красногорск: Мемориальный музей немецких антифашистов, 1996.— С. 131—148.

¹⁰³ Frieser K.-H. Krieg hinter Stacheldraht. Die deutschen Kriegsgefangenen in der Sowjetunion und das Nationalkomitee «Freies Deutschland».— Mainz, 1981.

¹⁰⁴ Штайнбах П., Юбершер Г.Р. Историография о НКСГ и СНО в Федеративной Республике Германия и в западных странах... — С. 138—139.

¹⁰⁵ Гинцберг Л.И. Борьба немецких патриотов против фашизма (1939—1945).— М.: Наука, 1987; Зебров Д.К. Пропаганда немецких антифашистов среди солдат и офицеров вермахта на советско-немецком фронте в 1941—1943 гг.: Дис. ... канд. ист. наук.— Л., 1972; Погребной Н.Г. Деятельность немецких антифашистов в Советском Союзе в годы Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.): Дис. ... канд. ист. наук.— Киев, 1964; Селезнев К.Л. Геноссе политрук Артур Пик // Новая и новейшая история.— 1985.— № 2.— 113—126.

¹⁰⁶ Шевченко А.М. Национальный комитет «Свободная Германия» в действии // Ежегодник германской истории.— М.: Наука, 1974.— С. 402—410.

¹⁰⁷ Ежова Г.В. Национальный комитет «Свободная Германия»: Некоторые проблемы источниковедения и историографии: Дис. ... канд. ист. наук.— Л., 1987. В 1998 году Г.В. Ежовой была защищена докторская диссертация, в которой обобщены и проанализированы различные, в т. ч. и новейшие, версии отечественных и зарубежных историков о деятельности НКСГ. См.: Ежова Г.В. Великая Отечественная война и антифашистское движение «Свободная Германия»: историко-сравнительный анализ российской и немецкой литературы: Дис. ... д-ра ист. наук.— СПб., 1998.

¹⁰⁸ См.: Бланк А.С. Национальный комитет «Свободная Германия» — центр антифашистской борьбы немецких патриотов. 1943—1945.— Вологда: Кн. изд-во, 1963; Помимо этой монографии, целесообразно назвать еще две работы ученого, в каждой из которых в той или иной степени отражена история НКСГ. См.: Бланк А.С. КПГ в борьбе против фашистской диктатуры (1933—1945).— М.: Мысль, 1964; Бланк А., Левель Б. Наша цель — свободная Германия. Из истории антифашистского движения «Свободная Германия» 1943—1945 гг. — М.: Мысль, 1969.

¹⁰⁹ Бланк А.С. Движение «Свободная Германия» и коммунистическая партия Германии (1943—1945 гг.) // Вопросы истории КПСС.— 1962.— № 4.— С. 130—142.

¹¹⁰ Бланк А.С. Национальный комитет «Свободная Германия» — центр антифашистской борьбы немецких патриотов... — С. 63.

¹¹¹ Бланк А.С. КПГ в борьбе против фашистской диктатуры... — С. 247.

¹¹² Цит. по: Петелин Б.В. Деятельность Национального комитета «Свободная Германия» в исторических трудах А.С. Бланка // НКСГ — 50 лет: Сборник материалов российско-германской научно-практической конференции. Москва / Красногорск 7—9 сентября 1993 г.— Красногорск: Мемориальный музей немецких антифашистов, 1994.— С. 127.

¹¹³ Марасанов Р.А., Мельничук А.Н. Медицинское обеспечение раненых и больных немецких военнопленных в годы Великой Отечественной войны // Военно-медицинский журнал.— 1981.— № 5.— С. 19—22.

¹¹⁴ Войтенко М.Ф., Грибовская Г.А. Гуманизм советской военной медицины // Военно-медицинский журнал.— 1985.— № 5.— С. 67—72.

¹¹⁵ ВММ МО. Ф. 1. Оп. 4073. Д. 12. Л. 6, 45, 95, 261. Подробнее об историографии проблемы см.: Кузьминых А.Л. Историография вопроса о медицинском обеспечении иностранных военнопленных в СССР (1941—1956 гг.) // Традиции в контексте русской культуры: Межвузовский сборник научных работ.— Вып. 8.— Череповец: ЧГУ, 2001.— С. 330—336. Историк анализирует три точки зрения на проблему сохранения здоровья вражеских солдат. Аргументировано отвергается версия об антигуманном отношении советских медиков к раненым и больным военнослужащим противника, равно, как и пропагандистское прочтение «героической битвы» советских врачей за жизнь солдат неприятельской стороны. Наиболее объективной, по мнению автора, является точка зрения, подразумевающая, что в условиях медицинского обеспечения пленных немцев по остаточному принципу многие наши медики честно исполняли свой профессиональный долг.

¹¹⁶ Адам В. Трудное решение: Мемуары полковника 6-й германской армии / Пер. с нем.— М.: Прогресс, 1967; Вельц Г. Солдаты, которых предали. Записки бывшего офицера вермахта / Пер. с нем.— М.: Мысль, 1965; Мюллер В. «Я нашел подлинную Родину». Записки немецкого генерала / Пер. с нем.— М.: Прогресс, 1964; Петерсхаген Р. Мятежная совесть. Воспоминания бывшего командира полка / Пер. с нем.— М.: Прогресс, 1958; Рюле О. Исцеление в Елабуге. Мемуары / Пер. с нем.— М.: Воениздат, 1969; Штейдле Л. От Волги до Веймара. Мемуары немецкого полковника, командира полка 6-й армии Паулуса / Пер. с нем.— М.: Прогресс, 1973.

¹¹⁷ Крайнюков К.В. Оружие особого рода.— М.: Воениздат, 1977; Бурцев М.И. Прозрение.— М.: Воениздат, 1981; Пузырев Н.И. Военнопленные генералы. Записки советского офицера // Волга.— 1981.— № 4, 5; Бланк А.С. Несколько месяцев в Суздале // Новый мир.— 1968.— № 3.— С. 70—86; Бланк А.С. Пленники Сталинграда // Новый мир.— 1983.— № 9.— С. 205—226; Бланк А.С. Прозрение фельдмаршала Паулуса // Волга.— 1976.— № 2.— С. 114—151.

¹¹⁸ Весновская Г.Ф. О работе Генеральной прокуратуры Российской Федерации по реабилитации российских и иностранных граждан // Проблемы военного пленя: история и современность: Материалы

Международной научно-практической конференции 23—25 октября 1997 г. в г. Вологде. Ч. 1.— Вологда, 1997.— С. 52.

¹¹⁹ См.: Бабий Яр под Катынью? // Военно-исторический журнал. — 1990.— № 1, 12; тот же журнал.— 1991.— № 7, 9.

¹²⁰ Секретные документы из особых папок / Публ. подгот. М.И. Семиряга // Вопросы истории. — 1993.— № 1.— С. 3—22. К сожалению, некоторые из российских публицистов продолжают отстаивать прежнюю сталинскую версию. Наиболее характерна в этом отношении книга Ю. Мухина. См.: Мухин Ю. Катынский детектив.— М., 1996.

¹²¹ См.: Лебедева Н.С. О трагедии в Катыни // Международная жизнь.— 1990.— № 5.— С. 113—130; Прокопенко А.С., Зоря Ю.Н. Нюрнбергский бумеранг // Военно-исторический журнал.— 1990.— № 6.— С. 47—59; Абаринов В.К. Катынский лабиринт.— М.: Новости, 1991 и др.

¹²² Галицкий В.П. Вражеские военнопленные в СССР (1941—1945 гг.) // Военно-исторический журнал.— 1990.— № 9.— С. 39—46; Галицкий В.П. Проблема военнопленных и отношение к ней Советского государства // Советское государство и право.— 1990.— № 4.— С. 121—130; Галицкий В.П. Социально-психологические аспекты межгрупповых отношений в условиях военного плена // Социологические исследования.— 1991.— № 10.— С. 48—63.

¹²³ Бондаренко Е.Ю. «Жестокий русский плен» // Проблемы Дальнего Востока.— 1989.— № 3.— С. 204—206; Последние пленники Второй мировой войны: Документы из фондов ЦК КПСС о японских военнопленных / Публ. подгот. А.М. Петров // Исторический архив. — 1993.— № 1.— С. 68—78; Галицкий В.П. Венгерские военнопленные в СССР // Военно-исторический журнал.— 1991.— № 10.— С. 44—55; он же. А действительно, куда исчезли 20000 американцев // Военно-исторический журнал.— 1991.— № 8.— С. 80—82; Конасов В., Тегеихук А. Els Prisoners De Guerra a L'URSS. 1941—1955 // L'aveng revista d'Historia.— 1993.— № 173.— Р. 14—18.

¹²⁴ Конасов В.Б. Как лечили военнопленных // Резонанс.— 1990.— № 19.— С. 14—16; Конасов В.Б. Гриф секретности снят. К истории немецких военнопленных в СССР.— Вологда: ВГПИ, 1991; Конасов В.Б., Подольский В.М., Терещук А.В. Неизвестные страницы истории: Немецкие военнопленные в СССР.— М.: Рарог, 1992; Конасов В.Б. К вопросу о численности немецких военнопленных в СССР // Вопросы истории.— 1994.— № 11.— С. 187—189.

¹²⁵ См. подробнее: НКСГ — 50 лет: Сборник материалов российско-германской научно-практической конференции. Москва / Красногорск 7—9 сентября 1993 г.— Красногорск: Мемориальный музей немецких антифашистов, 1994.

¹²⁶ «За Германию — против Гитлера!»: Документы и материалы о создании и деятельности Национального комитета «Свободная Гер-

мания» и Союза немецких офицеров. — Москва / Красногорск: Мемориальный музей немецких антифашистов, 1993.

¹²⁷ Национальный комитет «Свободная Германия» и Союз немецких офицеров / Перевод издания Г.Р. Юбершера.— Красногорск: Мемориальный музей немецких антифашистов, 1996.

¹²⁸ Штайнбах П., Юбершер Р. Г. Историография о НКСГ и СНО в Федеративной Республике Германия... — С. 131—148.

¹²⁹ Там же.— С. 143.

¹³⁰ Хайдер П. НКСГ и СНО в историографии ГДР и «Комитет бывших офицеров» // Национальный комитет «Свободная Германия» и Союз немецких офицеров / Перевод издания Г.Р. Юбершера.— Красногорск: Мемориальный музей немецких антифашистов, 1996.— С. 149—167.

¹³¹ Борозняк А.И. Советская и российская историография о НКСГ и СНО 1943—1993 гг. // Национальный комитет «Свободная Германия» и Союз немецких офицеров.— Красногорск: Мемориальный музей немецких антифашистов, 1996.— С. 170.

¹³² Там же.— С. 170—171.

¹³³ Юбершер Г. НКСГ и СНО в борьбе против Гитлера 1943—1945 гг. // Национальный комитет «Свободная Германия» и Союз немецких офицеров.— Красногорск: Мемориальный музей немецких антифашистов, 1996.— С. 28.

¹³⁴ Там же.— С. 40.

¹³⁵ Крупенников А.А. Политическая обстановка как мотивация патриотической борьбы НКСГ и СНО против Гитлера // Национальный комитет «Свободная Германия» и Союз немецких офицеров... — С. 1—99.

¹³⁶ Мюллер-Энбергс Г. Манифест НКСГ от 13 июля 1943 г. // Национальный комитет «Свободная Германия» и Союз немецких офицеров... — С. 92—93.

¹³⁷ Бунгерт Х. «Сломить волю немцев к сопротивлению» // Национальный комитет «Свободная Германия» и Союз немецких офицеров... — С. 46—56.

¹³⁸ Reschin L. General zwischen den Fronten. Walter von Seydlitz in sowjetischer Gefangenschaft und Haft 1943—1955.— Berlin, 1995.

¹³⁹ Ibid.— С. 229—317.

¹⁴⁰ Смирнов Д.А. Берлинский Мемориальный центр «Германское Сопротивление»: общественно-политическая и научная деятельность: Дис. ... канд. ист. наук.— Воронеж, 2000.

¹⁴¹ Там же.— С. 17.

¹⁴² Галицкий В.П. Репрессивная политика Советского правительства в отношении иностранных военнопленных и гражданских лиц (1939—1956 гг.) // Актуальные проблемы археографии, источниковедения и историографии. Материалы к Всероссийской научной конференции, посвященной 50-летию Победы в Великой Отечественной войне.— Вологда, 1995.— С. 3—13.

¹⁴³ Там же.— С. 11.

¹⁴⁴ О необходимости пересмотра традиционной точки зрения на эту проблему также см.: Stalins Willkürjustiz gegen die deutschen Kriegsgefangenen. Dokumentation und Analyse / Hrsg. G. Wagenlehner. — Bonn, 1993.— S. 39.

¹⁴⁵ Крупенников А.А. К вопросу о некоторых судебных процессах в СССР в 1947—1953 гг. по обвинению в военных преступлениях // Распад фашистского блока и проблема послевоенного обустройства.— Екатеринбург, 1992.— С. 83—85; он же. О некоторых судебных процессах против военных преступников в конце 40-х — начале 50-х гг. // Проблемы военного пленя: история и современность: Материалы Международной научно-практической конференции 23—25 октября 1997 г. в г. Вологде. Ч. 2.— Вологда, 1997.— С. 101—118; он же. О некоторых судебных процессах против военных преступников в конце 40-х — начале 50-х гг. // Трагедия пленя: Сборник материалов Международной научно-практической конференции «Окончание войны, завершение деятельности НКСГ, СНО и начало репатриации военнопленных». Москва / Красногорск 31 октября — 2 ноября 1995 года.— Красногорск: Мемориальный музей немецких антифашистов, 1996.— С. 177—183.

¹⁴⁶ Крупенников А.А. О некоторых судебных процессах против военных преступников в конце 40-х — начале 50-х гг. // Проблемы военного пленя: история и современность: Материалы Международной научно-практической конференции 23—25 октября 1997 г. в г. Вологде. Ч. 2.— Вологда, 1997.— С. 111.

¹⁴⁷ Там же.— С. 114.

¹⁴⁸ Цит. по: Правда.— 1955.— 12 сентября.

¹⁴⁹ Епифанов А.Е. Организация и деятельность советских карательных органов по уголовному преследованию нацистских преступников в период массовой репатриации военнопленных вермахта на родину (1948—1949 гг.) // Проблемы военного пленя: история и современность: Материалы Международной научно-практической конференции 23—25 октября 1997 г. в г. Вологде. Ч. 2.— Вологда, 1997.— С. 118—123.

¹⁵⁰ Епифанов А.Е. Ответственность гитлеровских военных преступников и их пособников в СССР (историко-правовой аспект).— Волгоград: Волгоградский юридический институт МВД России, 1997.

¹⁵¹ Там же.— С. 133—136.

¹⁵² См.: Зоря Ю. «Катынская карта» в Нюрнберге // Катынская драма: Козельск, Старобельск, Осташков: судьба интернированных польских военнослужащих.— М.: Политиздат, 1991.— С. 159—169.

¹⁵³ Епифанов А.Е. Организация и деятельность Сталинградской областной комиссии по расследованию злодействий немецко-фашистских захватчиков // Сталинградская битва: Материалы научных кон-

ференций, прошедших в Москве и Волгограде к 50-летию сражения.— Волгоград, 1994.— С. 266—269.

¹⁵⁴ Там же.— С. 269.

¹⁵⁵ Епифанов А.Е. Сталинградский плен 1942—1945 гг. (Немецкие военнопленные в СССР).— М.: Мемориальный музей немецких антифашистов, 1999.

¹⁵⁶ Там же.— С. 214.

¹⁵⁷ Petrov N.V. Deutsche Kriegsgefangene unter der Justiz Stalins. Gerichtsprozesse gegen Kriegsgefangene der deutschen Armee in der UdSSR 1943—1952 // “Gefangen in Rußland”: Die Beiträge des Symposiums auf der Schallaburg 1995 / Hrsg. S. Karner. Graz — Wien: Selbstverlag des Ludwig Boltzmann — Institut für Kriegsfolgen.— Forschung — München, 1995.— С. 176—219.

¹⁵⁸ Ibid.— С. 180.

¹⁵⁹ Ibid.— С. 216—217.

¹⁶⁰ В статье 26-й этого документа говорится: «Дела о преступлениях, совершаемых военнопленными, рассматриваются Военными трибуналами по Законам Союза ССР и Союзных Республик. Неисполнение военнопленным приказания лиц, которым он подчинен, сопротивление этим лицам или оскорблении их действием при исполнении ими служебных обязанностей приравнивается к соответствующему воинскому преступлению».

¹⁶¹ В настоящее время полный текст этого документа опубликован в ряде изданий. См. напр.: Конасов В.Б. Судьбы немецких военнопленных в СССР: дипломатические, правовые и политические аспекты проблемы. Очерки и документы.— Вологда: Изд-во Вологодского института повышения квалификации и переподготовки педагогических кадров, 1996.— С. 60—64; Военнопленные в СССР. 1939—1956. Документы и материалы / Под ред. М.М. Загорулько.— М.: Логос, 2000.— С. 65—68.

¹⁶² Смыкалин А.С. Создание агентурной сети среди военнопленных немцев в СССР // Вопросы истории.— 1997.— № 4.— С. 147—150; он же: Колонии и тюрьмы в Советской России.— Екатеринбург: Изд-во УрГЮА, 1997.— С. 152—165.

¹⁶³ См.: Конасов В.Б., Подольский В.М., Терещук А.В. Неизвестные страницы истории. Немецкие военнопленные в СССР.— М.: Рарог, 1991.— С. 41—46. Соответствующий раздел брошюры называется «Оперативно-розыскная работа и осведомительная сеть в лагере для военнопленных».

¹⁶⁴ Denkschrift des Ministeriums für innere Angelegenheiten der UdSSR zu den Sonderlagern in der ehemaligen SBZ // Neues Deutschland.— 27.— Juli.— 1990.

¹⁶⁵ Семиряга М.И. Как мы управляли Германией.— М.: Российская энциклопедия, 1995.— С. 155—180. Соответствующая глава называется «“Порядок есть порядок” и как его поддерживали органы НКВД».

¹⁶⁶ Там же.— С. 180.

¹⁶⁷ Иванов В.А. Механизм массовых репрессий в советской России в конце 20-х — 40-х гг. (на материалах Северо-Запада РСФСР): Дис. ... д-ра ист. наук.— СПб., 1998.

¹⁶⁸ Суржикова Н.В. Военные преступники на Среднем Урале в 1949—1956 гг. // Проблемы военного плена: история и современность: Материалы Международной научно-практической конференции 23—25 октября 1997 г. в г. Вологде. Ч. 2.— Вологда, 1997.— С. 234—236.

¹⁶⁹ Stalins Willkürjustiz gegen die deutschen Kriegsgefangenen. Dokumentation und Analyse / Hrsg. G. Wagenlehner.— Bonn, 1993.

¹⁷⁰ "Gefangen in Rußland": Die Beiträge des Symposiums auf der Schallaburg 1995 / Hrsg. S. Karner. Graz — Wien: Selbstverlag des Ludwig Boltzmann — Instituts für Kriegsfolgen.— Forschung — München, 1995.

¹⁷¹ Karner S. Im Archipel GUPVI. Kriegsgefangenschaft und Internierung in der Sowjetunion 1941—1945.— Wien — München: Oldenburg Verlag, 1995.

¹⁷² Ibid.— С. 170—178.

¹⁷³ Üeberschär G.R. Deutsche Gefangene der Stalins Tribunalen. Die Kriegsverbrecherprozesse gegen deutsche Kriegsgefangene in der USSR. 1943—1950 // Kriegsgefangene im Zweiten Weltkrieg / Hrsg. v. Rolf Steiniger.— Frankfurt-Main, 1996.

¹⁷⁴ Messerschmidt M. Der Minsker Prozeß 1946. Gedanken zu einem Sowjetischen Kriegsverbrechertribunal // Vernichtungskrieg. Verbrechen der Wehrmacht 1941—1944 / Hrsg. H. Heer, K. Naumann.— Hamburg, 1995.— С. 551—568.

¹⁷⁵ Петер Э., Лутц П. Советские лагеря интернирования в советской зоне оккупации Германии в 1945—1950 гг. // Проблемы социально-политической истории зарубежных стран: Межвузовский сборник научных трудов.— Сыктывкар: Сыктывкарский государственный университет, 1997.— С. 58—73.

¹⁷⁶ Одним из первых подверг критике систему лагерей для интернированных в советской оккупационной зоне Ойген Когон — бывший узник концлагеря Бухенвальд. См.: Kogon E. The theory and practice of hell.— New York, 1958.— P. 319—326. См. также: Noebe W. Wie es wirklich war. Siebeninhalb Jahre politischer Gefangener des NKWD in Ostdeutschland und Sibirien.— Berlin, 1959; Röeder B. Der Katorgan. Traktat über die moderne Sklaverei.— Köln — Berlin, 1959.

¹⁷⁷ Петер Э., Лутц П. Советские лагеря интернирования в советской зоне оккупации Германии... — С. 71—12.

¹⁷⁸ Zeidler M. Stalinjustiz contra NS — Verbrechen. Die Kriegsverbrechenprozesse gegen deutsche Kriegsgefangene in der UdSSR in den Jahren 1943—1952. Kenntnisstand und Forschungsprobleme.— Dresden, 1996.

- ¹⁷⁹ Ibid.— S. 49—50.
- ¹⁸⁰ Becker E. Das Rätsel des Ukas 43 und eine Erkundung des Archipel Gulag.— Hamburg, 1991.
- ¹⁸¹ Wagenlehner G. Die Willkürjustiz der Stalin-Ära-der Ukas 43 // Der Heimkehrer.— Bonn.— 1992.— 15 Mai.
- ¹⁸² Zeidler M. Stalinjustiz contra NS-Verbrechen... — S. 12—54.
- ¹⁸³ Золотарев В.А. Военная безопасность Отечества (историко-правовое исследование).— М.: ИПО «Автор», 1996.— С. 196—198.
- ¹⁸⁴ Wagenlehner G. Die Verurteilung der deutschen Kriegsgefangenen durch sowjetische Militärtribunale 1941—1953 // Проблемы военного пленя: история и современность: Материалы Международной научно-практической конференции 23—25 октября 1997 г. в г. Вологде. Ч. 2.— Вологда, 1997.— С. 96.
- ¹⁸⁵ Петров Н.В. Внесудебные репрессии против немецких военнопленных в 1941—1946 гг. // Проблемы военного пленя: история и современность: Материалы Международной научно-практической конференции 23—25 октября 1997 г. в г. Вологде. Ч. 2.— Вологда, 1997.— С. 92.
- ¹⁸⁶ Епифанов А.Е. Ответственность гитлеровских военных преступников и их пособников в СССР... — С. 27—30.
- ¹⁸⁷ Бичехвост А.Ф. Репатриация советских и иностранных граждан: внутриполитические и международные аспекты (1944—1953 гг.): Дис. ... д-ра ист. наук.— Саратов, 1996.
- ¹⁸⁸ Галицкий В.П. Репатриационная политика советского правительства во Второй мировой войне и после нее // Трагедия пленя: Сборник материалов Международной научно-практической конференции «Окончание войны, завершение деятельности НКСГ, СНО и начало репатриации военнопленных». Москва / Красногорск 31 октября — 2 ноября 1995 года.— Красногорск: Мемориальный музей немецких антифашистов, 1996.— С. 110—112; Иваницкий Г.М. Репатриация немецких военнопленных из Советского Союза // Трагедия пленя... — С. 118—122.
- ¹⁸⁹ Ihme-Tuchel B. Die SED und die deutschen Kriegsgefangenen in der Sowjetunion zwischen 1949 und 1955 // Deutschland Archiv.— 1994.— № 27.— Н. 5.— С. 490—503.
- ¹⁹⁰ Цит. по: Петер Э., Лутц П. Советские лагеря интернирования в советской зоне оккупации Германии... — С. 66.
- ¹⁹¹ Ihme-Tuchel B. Die SED und die deutschen Kriegsgefangenen in der Sowjetunion zwischen 1949 und 1955... — С. 494.
- ¹⁹² Stalins Willkürjustiz gegen die deutschen Kriegsgefangenen... — С. 17.
- ¹⁹³ Брандт В. Воспоминания.— М.: Новости, 1991.— С. 47.
- ¹⁹⁴ Якобсен Г.-А. Некоторые аспекты германо-советских отношений. Конфликты и сотрудничество // Россия и Германия в годы войны и мира (1941—1945 гг.).— М.: Гея, 1995.— С. 469—470.

¹⁹⁵ Schwarz H.-P. Adenauer. Der Staatsmann: 1952—1967.— Stuttgart, 1991.— S. 207.

¹⁹⁶ Кампхаузен Г. Переговоры о возвращении немецких военнопленных из СССР в 1952—1953 гг. // Трагедия плена: Сборник материалов Международной научно-практической конференции «Окончание войны, завершение деятельности НКСГ, СНО и начало репатриации военнопленных». Москва / Красногорск 31 октября — 2 ноября 1995 года.— Красногорск: Мемориальный музей немецких антифашистов, 1996.— С. 113.

¹⁹⁷ См.: Niemöller J. Erkundung gegen den Sturm. 1952: Martin Niemöller reist nach Moskau. Eine Dokumentation.— Berlin, 1994; Das Deutsche Rote Kreuz, Konrad Adenauer und das Kriegsgefangenenproblem. Die Rückführung der deutschen Kriegsgefangenen aus der Sowjetunion (1952—1955). Dokumentation und Kommentar / Hrsg. D. Riesenberger — Bremen, 1994.

¹⁹⁸ Филитов А.М. Германский вопрос: от раскола к объединению. Новое прочтение.— М.: Международные отношения, 1993.— С. 166—167.

¹⁹⁹ Герст В. Федеральная Республика под властью Аденауэра / Пер. с нем.— М.: Изд-во иностранной литературы, 1958.

²⁰⁰ См. напр.: Borchard M. Zwischen den Fronten des Kalten Kriegs. Die deutschen Kriegsgefangenen in der Sowjetunion 1949—1955 // Kriegsgefangene — Военнопленные. Sowjetische Kriegsgefangene in Deutschland. Deutsche Kriegsgefangene in der Sowjetunion (Hg. vom Haus der Geschichte der Bundesrepublik Deutschland).— Düsseldorf, 1995.— S. 90.

²⁰¹ Ihme-Tuchel B. Entlassung der deutschen Kriegsgefangenen im Herbst 1955 im Spiegel der Diskussion zwischen SED und KpdSU. Dokumentation // Militärgeschichtliche Mitteilungen.— 1994.— № 53.— S. 449—465.

²⁰² Reschin L. General zwischen den Fronten... — S. 312—313. .

²⁰³ Иваницкий Г.М. Репатриация немецких военнопленных из Советского Союза... — С. 121.

²⁰⁴ Текст оговорки к статье 85-й Женевской конвенции был опубликован в советской прессе. См.: Красная звезда.— 1949.— 14 декабря.

²⁰⁵ Конасов В.Б. Вопрос об освобождении немецких военнопленных на переговорах в Москве осенью 1955 г.: историографический аспект проблемы // Источник. — Вологда: Изд-во Вологодского института повышения квалификации педагогических кадров.— 1997.— № 1.— С. 95—99; он же. Освобождение последних немецких военнопленных в контексте установления дипломатических отношений между СССР и ФРГ // Проблемы военного плена: история и современность: Материалы Международной научно-практической конференции 23—25 октября 1997 г. в г. Вологде. Ч. 2.— Вологда, 1997.— С. 176—193; он же. Переговоры в Москве осенью 1955 года и освобождение немецких военнопленных // Отечественные архивы.— 1998.— № 1.— С. 61—66; он же. Преемники Сталина и проблема немецких военнопленных // Отечественная история.— 1998.— № 5.— С. 167—174; он же. Репатри-

ация последних немецких военнопленных осенью 1955 года (По материалам российских архивов) // Вестник архивиста.— 1997.— № 5.— С. 72—84; он же. «Узники войны»: попытки решения проблемы на дипломатическом уровне // Трагедия плена: Сборник материалов Международной научно-практической конференции «Окончание войны, завершение деятельности НКСГ, СНО и начало депатриации военнопленных». Москва / Красногорск 31 октября — 2 ноября 1995 года.— Красногорск: Мемориальный музей немецких антифашистов, 1996.— С. 138—141; он же. Судьбы немецких военнопленных в СССР... — С. 171—174, 246—256.

²⁰⁶ Nowik F.I. Установление дипломатических отношений между СССР и ФРГ // Отечественная история.— 1996.— № 6.— С. 106—119; Nowik F. Konrad Adenauers Besuch in Moskau. Die Aufnahme diplomatischer Beziehungen zwischen der UdSSR und der Bundesrepublik Deutschland 1955 // Kriegsgefangene — Военнопленные. Sowjetische Kriegsgefangene in Deutschland. Deutsche Kriegsgefangene in der Sowjetunion (Hg. vom Haus der Geschichte der Bundesrepublik Deutschland).— Düsseldorf, 1995.— S. 92—99.

²⁰⁷ Williams Ch. Adenauer. The Father of the New Germany.— London, 2000.

²⁰⁸ Там же.— С. 430—435.

²⁰⁹ Lang M. Stalins Strafjustiz gegen deutsche Soldaten. Die Massenprozesse gegen deutsche Kriegsgefangene in den Jahren 1949 und 1950 in historischer Sicht.— Herford, 1981.— S. 145.

²¹⁰ АВП РФ. Ф. 082. Оп. 37. П. 134. Д. 5. Л. 43, 49—50.

²¹¹ Ratza W. Die deutschen Kriegsgefangenen in der Sowjetunion. Der Faktor Arbeit // Zur Geschichte der deutschen Kriegsgefangenen des Zweiten Weltkrieges. Bd. 4.— München, 1973.

²¹² Kolerov M. Arbeitsverwendung der Kriegsgefangenen und Internierten in der UdSSR (1946 — 1950). Nach dem Material in dem Sondermappen des Sekretariats des NKVD — MVD der UdSSR // "Gefangen in Rußland": Die Beiträge des Symposiums auf der Schallaburg 1995 / Hrsg. S. Karner. Graz — Wien: Selbstverlag des Ludwig Boltzmann — Instituts für Kriegsfolgen.— Forschung — München, 1995.— S. 76—112; Колеров М. Военнопленные на стройках коммунизма: По материалам «Особой папки» Л.П. Берии (1946—1950 гг.) // Родина.— 1997.— № 9.— С. 7—83.

²¹³ Галицкий В.П. Немецкие военнопленные в восстановлении хозяйства в СССР // Вторая мировая война и преодоление тоталитаризма. Российско-германская конференция историков.— М.: Памятники исторической мысли, 1997.— С. 63—69.

²¹⁴ Галицкий В.П. Финские военнопленные в лагерях НКВД (1939—1953 гг.).— М.: Издательский дом «Грааль», 1997.— С. 92.

²¹⁵ Там же.— С. 90—91.

²¹⁶ Kargner S. Im Archipel GUPVI. Kriegsgefangenschaft und Internierung in der Sowjetunion... — S. 145—147.

²¹⁷ Ibid. — S. 136.

²¹⁸ Hilger A. Deutsche Kriegsgefangene im Wiederaufbau der Sowjetunion: Arbeitsorganisation und Leistung im Licht deutscher und russischer Quellen // Проблемы военного плена: история и современность: Материалы Международной научно-практической конференции 23—25 октября 1997 г. в г. Вологде. Ч. 2.— Вологда, 1997.— С. 68.

²¹⁹ Там же.— С. 171.

²²⁰ Баранова Н.В. Немецкие военнопленные в Ярославской области (их участие в восстановительных работах и реконструкции промышленности) // Проблемы военного плена: история и современность: Материалы Международной научно-практической конференции 23—25 октября 1997 г. в г. Вологде. Ч. 2.— Вологда, 1997.— С. 226—230.; Рожкова Е.К. Использование иностранных военнопленных на промышленных предприятиях Чкаловской области (1943—1950 гг.) // Проблемы военного плена: история и современность: Материалы Международной научно-практической конференции 23—25 октября 1997 г. в г. Вологде. Ч. 2.— Вологда, 1997.— С. 239—242.

²²¹ Рожкова Е.К. Иностранные военнопленные и интернированные на Южном Урале в 1943—1950-е гг.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук.— Оренбург, 2002.— С. 24.

²²² Баранова Н.В. Материальный ущерб, нанесенный промышленности Верхнего Поволжья в годы Великой Отечественной войны и привлечение к ее восстановлению немецких военнопленных (1941—1949): Дис. ... канд. ист. наук. — Ярославль, 1998.— 214 с.; Рожкова Е.К. Иностранные военнопленные и интернированные на Южном Урале в 1943—1950-е гг.: Дис. ... канд. ист. наук.— Оренбург, 2002.

²²³ Ерин М.Е. О судьбе захоронений немецких военнопленных в Ярославской области // Проблемы военного плена: история и современность: Материалы Международной научно-практической конференции 23—25 октября 1997 г. в г. Вологде. Ч. 1.— Вологда, 1997.— С. 144—149; Зиновьев И. На могилах погибших врагов // Родина.— 1999. — № 6.— С. 14—16; Ибатуллин Т.Г. Деятельность Санкт-Петербургского центра «Примирение», его цели и задачи // Трагедия плена: Сборник материалов Международной научно-практической конференции «Окончание войны, завершение деятельности НКСГ, СНО и начало депатриации военнопленных». Москва / Красногорск 31 октября — 2 ноября 1995 года.— Красногорск: Мемориальный музей немецких антифашистов, 1996.— С. 97—98; Лебедев В.Г. О судьбе захоронений иностранных военнопленных в России // Проблемы военного плена: история и современность: Материалы Международной научно-практической конференции 23—25 октября 1997 г. в г. Вологде. Ч. 1.— Вологда, 1997.— С. 138—144; Мотревич В.П. Иностранные воинские захоронения в Свердловской

области // Проблемы военного плена: история и современность: Материалы Международной научно-практической конференции 23—25 октября 1997 г. в г. Вологде. Ч. 1.— Вологда, 1997.— С. 149—154.

²²⁴ Булычева Л.И. Благотворительность ли... // Военно-исторический журнал.— 1991.— № 6.— С. 45—49.

²²⁵ Шильников А.С., Горобченко В.А. Немецкие военнопленные и узники Второй мировой войны в Рыбинском крае (о некоторых направлениях историко-поисковой работы) // «Война — жесточе нету слова...» — Рыбинск, 1995.— С. 20—24.

²²⁶ Шуткевич В. Мы и немцы. Встанет ли обелиск Примирения на меже между прошлым и будущим? // Комсомольская правда.— 1993.— 27 марта.

²²⁷ Бем В. Судьба кладбищ немецких военнопленных // Уроки гнева и любви: Сборник воспоминаний о годах репрессий.— СПб., 1993.— С. 149—170.

²²⁸ Там же.— С. 152.

²²⁹ Мухин В. На братских могилах не ставят крестов // Россия.— 1997.— № 25.— С. 25—27.

²³⁰ Конасов В.Б., Судаков В.В., Быстрицкий А.Н. ... Пока не похоронен последний солдат: Очерки и документы.— Вологда — Москва, 1997.— С. 12—21.

²³¹ Цит. по: Терещук А.В. [Рец. на кн.: Конасов В.Б., Судаков В.В., Быстрицкий А.Н. ... Пока не похоронен последний солдат: Очерки и документы.— Вологда — Москва: Изд-во Вологодского института повышения квалификации и переподготовки педагогических кадров, 1997.— 100 с.] // Новый Часовой.— 1998.— № 6—7.— С. 421.

²³² Букин С.С. В чужой земле: Памяти военнопленных, умерших в Новосибирской области в 1944—1948 гг.— Новосибирск: Изд-во «Гуманитарные технологии», 2000.

²³³ Подробнее см.: Кузьминых А.Л. «В чужой земле» [Рец. на кн.: Букин С.С. В чужой земле: Памяти военнопленных, умерших в Новосибирской области в 1944—1948 гг.— Новосибирск: Изд-во «Гуманитарные технологии», 2000.— 311 с.] // Источник.— Вологда: Изд-во Вологодского института развития образования.— 2001.— № 5.— С. 57—59.

²³⁴ Bernadotte F. An Stelle von Waffen (I stallet for vapen, dt.).— Freiburg — Breisgau, 1948.

²³⁵ Ibid.

²³⁶ Rapport du Comite International de la Croix-Rouge.— Geneve, 1948.

²³⁷ Bohme K. Die deutschen Kriegsgefangenen in sowjetischer Hand. Eine Bilanz... — S. 161—181.

²³⁸ Streit C. Keine Kameraden. Die Wehrmacht und die sowjetischen Kriegsgefangenen 1941—1945.— 3 Aufl.— Bonn, 1991.— S. 224—237.

²³⁹ Хлестов О.Н., Блищенко И.П. Красный Крест и международное гуманитарное право.— М.: Медицина, 1977.

²⁴⁰ Буасье П. Первые годы Красного Креста.— Москва: МККК, 1991; Международное движение Красного Креста и Красного Полумесяца. Сборник уставов и других документов.— М.: МККК, 1995.

²⁴¹ Россия — Швейцария. 1813—1955 гг.: Документы и материалы.— М.: Международный обмен, 1995.

²⁴² Прибытков К. Помогал ли Красный Крест нацистам? // Эхо планеты.— 1996.— № 47.— С. 34—37.

²⁴³ Там же.— С. 35. Автор очерка К. Прибытков приводит данные из отчета МККК. См.: Rapport du Comite International de la Croix-Rouge.— Geneve, 1948.

²⁴⁴ Конасов В.Б. Международный комитет Красного Креста — Советский Союз: дорогой сотрудничества и конфронтации (1939—1952 гг.): Исторический очерк и документы.— М.: Институт Российской истории РАН, 1999.

²⁴⁵ Карнер С. Архипелаг ГУПВИ: Плен и интернирование в Советском Союзе: 1941—1956 / Пер. с нем. О. Асписовой.— М.: РГГУ, 2002.

²⁴⁶ Там же.— С. 22, 274—275.

²⁴⁷ Военнопленные в СССР. 1939—1956. Документы и материалы / Под ред. М.М. Загорулько.— М.: Логос, 2000.— С. 61.

²⁴⁸ Конасов В.Б., Подольский В.М., Терещук А.В. Неизвестные страницы истории: Немецкие военнопленные в СССР.— М.: Papog, 1992.— С. 47.

²⁴⁹ Hilger A. Deutsche Kriegsgefangene in der Sowjetunion. 1941—1956: Kriegsgefangenenpolitik, Lageralltag und Erinnerung.— Essen, 2000. Работа ученого написана на основе докторской диссертации. См.: Hilger A. "Arbeit ist die einzige Existenzquelle!" Deutsche Kriegsgefangene in der Sowjetunion 1941—1956. Kriegsgefangenenpolitik und Gefangenentalität. (Phil. Diss.) — Universität Köln, 1998/1999.

²⁵⁰ Hilger A. Deutsche Kriegsgefangene in der Sowjetunion... — S. 48 — 97.

²⁵¹ Ibid.— S. 119—140.

²⁵² Ibid.— S. 173—220.

²⁵³ Ibid.— S. 220—225.

²⁵⁴ Среди других аспектов проблемы военнопленных А. Хильгер поднимает, к примеру, такие вопросы, как оперативно-чекистское обслуживание обитателей лагерных бараков, психологическая атмосфера в период ожидания плена.

²⁵⁵ Ibid.— S. 370..

²⁵⁶ Ibid.— S. 371.

²⁵⁷ Серию своих статей о Катынской трагедии историк завершила монографическим исследованием. См.: Лебедева Н.С. Катынь: преступление против человечества.— М.: Прогресс, 1994.

²⁵⁸ Так, В.П. Галицким была опубликована подборка документов, характеризующая нормы питания военнопленных японцев и немцев. См.: Военно-исторический журнал.— 1991.— № 4.— С. 73—78.

²⁵⁹ Союз немецких офицеров // Источник.— 1993.— № 0.— С. 86—106; Псевдоним — «свобода»: Из истории организаций, созданных для разложения войск и тыла противника. 1943—1944 гг. / Подгот. Л.Е. Решин // Исторический архив.— 1994.— № 5.— С. 136—164; Решин Л.Е. Фон Зайдлиц против Гитлера // Кентавр.— 1995.— № 3.— С. 69—81; «Новая Германия не сможет существовать без помощи СССР» / Публ. подгот. Л. Бабиченко // Источник.— М., 1996.— № 1.— С. 48—61.

²⁶⁰ «Мы здесь гости Рокоссовского». Контрразведчик о жизни Паулюса в плену // Источник.— М., 1995.— № 2.— С. 123—130; «Конвоирование начато в 11 часов утра» // Источник.— 1995.— № 12.— С. 135—139.

²⁶¹ Kirchner K. Flugblätter aus der UdSSR. Nationalkomitee Freies Deutschland 1943—1945. Propaganda im 2. Weltkrieg — Bd. 15.— Erlangen, 1996.

²⁶² Ihme-Tuchel B. Entlassung der deutschen Kriegsgefangenen im Herbst 1955 im Spiegel der Diskussion zwischen SED und KPdSU. Dokumentation // Militärgeschichtliche Mitteilungen.— 1994.— № 53.— С. 449—465; См.: Niemöller J. Erkundung gegen den Storm. 1952: Martin Niemöller reist nach Moskau. Eine Dokumentation.— Berlin, 1994; Das Deutsche Rote Kreuz, Konrad Adenauer und das Kriegsgefangenenproblem. Die Rückführung der deutschen Kriegsgefangenen aus der Sowjetunion (1952—1955). Dokumentation und Kommentar / Hrsg. D. Riesenberger — Bremen, 1994.

²⁶³ Русский архив: Великая Отечественная. Иностранные военнопленные Второй мировой войны в СССР / Под ред. В.А. Золотарева.— Т. 24 (13—1): Нормативные документы.— М.: ТЕПРА, 1996.

²⁶⁴ Там же.— С. 141—142.

²⁶⁵ Там же.— С. 218—220.

²⁶⁶ Там же.— С. 241.

²⁶⁷ Там же.— С. 261.

²⁶⁸ Русский архив: Великая Отечественная. Немецкие военнопленные в СССР. Документы и материалы. 1941—1945 гг. / Под ред. В.А. Золотарева Т. 24 (13—2). Кн. 1.— М.: ТЕПРА, 1999.

²⁶⁹ Наиболее известным приказом в этом отношении является приказ Ставки Верховного Главнокомандования Красной Армии № 270 от 16 августа 1941 года. Впервые опубликован в «Военно-историческом журнале». См.: Военно-исторический журнал.— 1998.— № 9.— С. 26—28.

²⁷⁰ Bartsch M., Schebesch H.-F., Scheppelmann R. Der Krieg im Osten: 1941—1945.— Köln, 1981.— С. 81.

²⁷¹ Документы изданного в 1993 году сборника, подготовленного сотрудниками Мемориального музея немецких антифашистов под названием «За Германию — против Гитлера!», характеризуют события 1941—1945 годов.

²⁷² Военнопленные в СССР. 1939 — 1956. Документы и материалы / Под ред. М.М. Загорулько.— М.: Логос, 2000.

²⁷³ Военнопленные в СССР... — С. 25—58.

²⁷⁴ Там же.— С. 8.

²⁷⁵ Составители сборника, увы, не слишком внимательно отнеслись к работам своих коллег. Иначе, чем объяснить тот факт, что архивные источники, проходящие под шифром 6.11, 6.16, 7.27, 8.1, 8.10, 8.19 не имеют ссылок на ранее изданный сборник Института военной истории. См.: Русский архив: Великая Отечественная: Немецкие военнопленные в СССР. Документы и материалы. 1941—1945 гг. / Под ред. В.А. Золотарева Т. 24 (13—2). Кн. 1.— М.: ТЕПРА, 1999.— С. 548—550; 170—173; 442—443 и т. д. Равным образом, документы, к примеру, под шифром 8.50 и 8.60 не имеют ссылок на книги В.Б. Конасова «Судьбы немецких военнопленных в СССР» и «Судебное преследование немецких военнопленных в СССР». См.: Конасов В.Б. Судьбы немецких военнопленных в СССР: дипломатические, правовые и политические аспекты проблемы. Очерки и документы.— Вологда: Изд-во Вологодского института повышения квалификации и переподготовки педагогических кадров, 1996.— С. 230—231; он же. Судебное преследование немецких военнопленных в СССР. Внешнеполитический аспект проблемы.— М.: Институт военной истории МО РФ, 1998.— С. 139—142.

²⁷⁶ Военнопленные в СССР... — С. 12.

²⁷⁷ Там же.— С. 33.

²⁷⁸ Военнопленные и интернированные граждане Германии: путь на родину из СССР (1940 — 1950 гг.): Документы, факты, комментарии / Сост. Н.Ф. Бугай; Автор комментариев В.Б. Конасов.— М.: Готика, 2001.

²⁷⁹ Всеволодов В.А. Взаимодействие политорганов Красной Армии и Национального комитета «Свободная Германия» в борьбе против фашизма (1943—1945 гг.): Дис. ... канд. ист. наук.— М., 1991.

²⁸⁰ Власова И.В. Работа с военнопленными в тыловых районах советских фронтов в годы Великой Отечественной войны: Дис. ... канд. ист. наук.— М., 1994.

²⁸¹ Безбородова И.В. Управление по делам военнопленных и интернированных НКВД-МВД СССР (1939—1953): Дис. ... канд. ист. наук.— М., 1997. Из работ исследователя следует особо отметить книгу-справочник, посвященную судьбам генералов вермахта в советском плену. См.: Безбородова И.В. Военнопленные второй мировой войны: Генералы вермахта в плену.— М.: РГГУ, 1998.

²⁸² Конасов В.Б. Политика советского государства в отношении немецких военнопленных (1941—1956 гг.): Дис. ... д-ра ист. наук.— М., 1998.

²⁸³ Конасов В.Б. Судьбы немецких военнопленных в СССР: дипломатические, правовые и политические аспекты проблемы. Очерки и документы.— Вологда: Изд-во Вологодского института повышения квалификации и переподготовки педагогических кадров, 1996.

²⁸⁴ Конасов В.Б. Судебное преследование немецких военнопленных в СССР. Внешнеполитический аспект проблемы.— М.: Институт военной истории МО РФ, 1998.

²⁸⁵ Галицкий В.П. [Рец. на кн.: Конасов В.Б., Судаков В.В., Быстрицкий А.Н. ...Пока не похоронен последний солдат: Очерки и документы.— Вологда — Москва, 1997.] // Вопросы истории.—1998— № 7; Ерин М.Е. [Рец. на кн.: Конасов В.Б. Судьбы немецких военнопленных в СССР: дипломатические, правовые и политические аспекты проблемы. Очерки и документы.— Вологда: Изд-во Вологодского института повышения квалификации и переподготовки педагогических кадров, 1996.] // Отечественная история.— 1996.— № 6.— С. 195—196; Ерин М.Е. [Рец. на кн.: Конасов В.Б. Судебное преследование немецких военнопленных в СССР. Внешнеполитический аспект проблемы. — М.: Институт военной истории МО РФ, 1998.] // Отечественная история.— 2000.— № 4.— С. 202; Коротков Г.И. Сколько немецких военнопленных погибло в СССР? [Рец. на кн.: Конасов В.Б. Судьбы немецких военнопленных в СССР: дипломатические, правовые и политические аспекты проблемы. Очерки и документы.— Вологда: Изд-во Вологодского института повышения квалификации и переподготовки педагогических кадров, 1996.— 320 с.] // Военно-исторический журнал.— 1997.— № 5.— С. 93—94; Терещук А.В. [Рец. на кн.: Конасов В.Б., Судаков В.В., Быстрицкий А.Н. ...Пока не похоронен последний солдат: Очерки и документы.— Вологда — Москва: Изд-во Вологодского института повышения квалификации и переподготовки педагогических кадров, 1997. — 100 с.] // Новый Часовой.— 1998.— № 6—7.— С. 421; Фарсобин В.В. [Рец. на кн.: Конасов В.Б. Судьбы немецких военнопленных в СССР: дипломатические, правовые и политические аспекты проблемы. Очерки и документы.— Вологда: Изд-во Вологодского института повышения квалификации и переподготовки педагогических кадров, 1996.— 320 с.] // Вопросы истории.— 1996.— № 11, 12.— С. 147—149.

²⁸⁶ Zeidler M. Stalinjustiz contra NS — Verbrechen. Die Kriegsverbrechenprozesse gegen deutsche Kriegsgefangene in der UdSSR in den Jahren 1943—1952. Kenntnisstand und Forschungsprobleme.— Dresden, 1996. Рецензии на книгу автора «Судьбы немецких военнопленных в СССР» представили Г. Вагенленер, С. Карнер, К. Кирхнер.

²⁸⁷ Сидоров С.Г. Труд военнопленных в СССР в 1939—1956 гг.: Дис. ... д-ра ист. наук.— Волгоград, 2001.

²⁸⁸ Автор использовал документы Государственного архива Российской Федерации (дела 4 фондов), Российского государственного военного архива (дела фонда 1/п., насчитывающего в общей сложности более 9000 дел), Российского государственного архива экономики (дела 4 фондов), а также мемуарную литературу и периодическую печать за 1939—1956 годы.

²⁸⁹ Сидоров С.Г. Труд военнопленных в СССР в 1939—1956 гг.: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук.— Волгоград, 2001.— С. 3.

²⁹⁰ Там же.— С. 4.

²⁹¹ Там же.— С. 35; Военнопленные в СССР... — С. 916.

²⁹² Галицкий В.П. Немецкие военнопленные в восстановлении хозяйства СССР // Вторая мировая война и преодоление тоталитаризма. Российско-германская конференция историков. — М.: Памятник исторической мысли, 1997.— С. 63—69; Данилов В.Н. Государственный Комитет Обороны и использование иностранной рабочей силы в СССР (1941—1945 гг.) // Военно-исторические исследования в Поволжье.— Вып. 1.— Саратов, 1997.— С. 81—90; Колеров М. Военнопленные на стройках коммунизма. По материалам «Особой папки» Л.П. Берии (1946—1950) // Родина.— 1997.— № 9.— С. 79—83; Kolerov M.A. Arbeitsverwendung der Kriegsgefangenen und Internierten in der UdSSR (1946 – 1950). Nach dem Material in dem Sondermappen des Sekretariats des NKVD — MVD der UdSSR // «Gefangen in Rußland»: Die Beiträge des Symposiums auf der Schallaburg 1995 / Hrsg. S. Karner. Graz — Wien: Selbstverlag des Ludwig Boltzmann-Instituts für Kriegsfolgen.— Forschung — München, 1995.— С. 76—112 и др.

²⁹³ Karner S. Im Archipel GUPVI. Kriegsgefangenschaft und Internierung in der Sowjetunion 1941—1945.— Wien — München: Oldenburg Verlag, 1995; Hilger A. Deutsche Kriegsgefangene in der Sowjetunion. 1941 — 1956: Kriegsgefangenenpolitik, Lageralltag und Errinnerung.— Essen, 2000; Hilger A. Deutsche Kriegsgefangene im Wiederaufbau der Sowjetunion: Arbeitsorganisation und Leistung im Licht deutscher und russischer Quellen // Проблемы военного плена: история и современность: Материалы Международной научно-практической конференции 23—25 октября 1997 г. в г. Вологде. Ч. 2.— Вологда, 1997.— С. 68—73.

²⁹⁴ Баранова Н.В. Материальный ущерб, нанесенный промышленности Верхнего Поволжья в годы Великой Отечественной войны и привлечение к ее восстановлению немецких военнопленных (1941—1949): Дис. ... канд. ист. наук.— Ярославль, 1998; она же. Немецкие военнопленные в Ярославской области (их участие в восстановительных работах и реконструкции промышленности) // Проблемы военного плена: история и современность: Материалы Международной научно-практической конференции 23—25 октября 1997 г. в г. Вологде. Ч. 2.— Вологда, 1997.— С. 226—230; Рожкова Е.К. Иностранные военнопленные и интернированные на Южном Урале в 1943—1950-е гг.: Дис. ... канд. ист. наук.— Оренбург, 2002; она же. Использование иностранных военнопленных на промышленных предприятиях Чкаловской области (1943—1950 гг.) // Проблемы военного плена: история и современность: Материалы Международной научно-практической конференции 23—25 октября 1997 г. в г. Вологде. Ч. 2.— Вологда, 1997.— С. 239—242; она же. История использования труда военнопленных в СССР и в Оренбуржье // Материалы XXI преподавательской и XXXIX студенческой научно-практической конференции.— Оренбург: Оренбургский государственный педагогический универси-

тет, 1997.— С. 116—117; она же. К вопросу об использовании труда военнопленных и условиях их содержания в Оренбургской области // Материалы XX преподавательской и XXXVIII студенческой научно-практической конференции.— Оренбург: Оренбургский государственный педагогический институт, 1996.— С. 140—141; она же. Проблема использования военнопленных на промышленных предприятиях города Чкалова (1943—1950 гг.) // Тезисы докладов региональной конференции молодых ученых и специалистов.— Оренбург, 1997.— С. 206—207; Суржикова Н.В. Иностранные военнопленные Второй мировой войны на Среднем Урале (1942—1956 гг.): Дис. ... канд. ист. наук.— Екатеринбург, 2001; она же. Организация трудоиспользования военнопленных Второй мировой войны на Среднем Урале // Урал индустриальный: Материалы второй региональной научной конференции.— Екатеринбург, 1998.— С. 157—160.

²⁹⁵ Сидоров С.Г. Труд военнопленных в СССР в 1939—1956 гг.: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук.— Волгоград, 2001.— С. 12.

²⁹⁶ Военнопленные в СССР. 1939—1956. Документы и материалы / Под ред. М.М. Загорулько.— М.: Логос, 2000.— С. 916

²⁹⁷ Там же.— С. 900.

²⁹⁸ Цит. по: Суржикова Н.В. Иностранные военнопленные Второй мировой войны на Среднем Урале (1942—1956 гг.): Дис. ... канд. ист. наук.— Екатеринбург, 2001.— С. 24. К аналогичному заключению приходит и Е.К. Рожкова. См.: Рожкова Е.К. Иностранные военнопленные и интернированные на Южном Урале в 1943—1950-е гг.: Дис ... канд. ист. наук.— Оренбург, 2002.— С. 24—25.

²⁹⁹ Епифанов А.Е. Ответственность за военные преступления, совершенные на территории СССР в период Великой Отечественной войны (историко-правовой аспект): Дис. ... д-ра юрид. наук.— М., 2001.

³⁰⁰ Епифанов А.Е. Ответственность за военные преступления, совершенные на территории СССР в период Великой Отечественной войны (историко-правовой аспект): Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук.— М., 2001.— С. 49.

³⁰¹ Щелокаева Т.А. Правовой статус иностранных военнопленных в СССР (1939—1956 гг.): Дис. ... канд. юрид. наук.— Екатеринбург, 2000.

³⁰² Там же.— С. 21.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ПРЕДИСЛОВИЕ

Библиографическая часть книги представляет собой перечень литературы, посвященной истории немецких военнопленных в Советском Союзе. Публикация исчерпывающего списка этой литературы, думается, не вызывает сомнений. Во-первых, библиография позволяет судить о степени изученности проблемы, а во-вторых, помогает исследователю в поиске необходимой книги или статьи.

В период с 1941 по 2002 гг. в нашей стране и за рубежом вышло в свет большое количество различных по своему характеру и целевому назначению публикаций, в которых с той или иной степенью полноты нашли отражение различные аспекты проблемы пребывания военнопленных вермахта на территории СССР. По своему характеру эти публикации можно условно разделить на несколько групп.

Первая группа — диссертаций, монографии и документальные сборники. В диссертациях и монографиях дается всесторонний анализ рассматриваемых проблем. В них, как правило, находят освещение малоизвестные и дискуссионные вопросы. Документальные сборники преследуют иную цель: они содержат обширный фактический материал, готовят почву для дальнейших научных исследований.

Вторая группа — статьи по различным аспектам истории немецких военнопленных в СССР. Они раскрывают перед нами самые разнообразные сюжеты пребывания солдат и офицеров вермахта в советском пленау. Кроме того, в некоторых из них нашел отражение региональный аспект проблемы.

Третья группа — мемуарная литература. Мемуары, несмотря на свой субъективный характер и определенную идеологи-

ческую заданность, значительно расширяют наши знания по истории военного плена в СССР. Более того, в целом ряде случаев они позволяют интерпретировать архивные документы с иных позиций, вносят коррективы в материалы официального происхождения.

Четвертая группа — рецензии, отзывы и заметки о новых книгах, публикации научно-информационного характера, в которых освещается работа научных конференций и симпозиумов, музейно-выставочная деятельность в России и Германии. Все эти публикации дают наглядное представление о процессе изучения истории немецких военнопленных в СССР. Сюда же целесообразно включить статьи учебно-методического содержания, адресованные преподавателям и студентам.

Типологический (по типу работы) принцип построения библиографического списка дополняется принципом проблемности. Вся литература сгруппирована по следующим тематическим блокам: международно-правовой аспект и судебное преследование; прием, учет, размещение и организация материально-бытового обеспечения; трудовое использование военнопленных и их вклад в восстановление народного хозяйства СССР; организация антифашистской работы и деятельность НКСГ и СНО; репатриация военнопленных на родину; проблема захоронений германских граждан в Советском Союзе. Такое построение позволяет исследователю быстро навести справку о книге на интересующую его тему.

Весь массив выявленной авторами-составителями литературы дает возможность познакомиться с историей пребывания бывших солдат и офицеров вермахта в СССР, начиная от их пленения и кончая репатриацией на родину. При этом читатель сможет уяснить механизм функционирования «архипелага ГУПВИ», увидеть отношение к проблеме со стороны советского руководства, западных государств, ООН, МККК, церкви и различных общественных организаций.

Авторы постарались создать максимально полный библиографический список. В каждом тематическом разделе в алфавитном порядке сначала указывается литература на русском языке, затем — на иностранных языках. Библиографические описания публикаций даются в соответствии с общепринятыми правилами.

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ И ЗАРУБЕЖНАЯ ЛИТЕРАТУРА ПО ТЕМЕ: «НЕМЕЦКИЕ ВОЕННОПЛЕННЫЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ В СССР (1941—1956 ГГ.)»

I. ЛИТЕРАТУРА ПО ПРОБЛЕМЕ В ЦЕЛОМ:

Монографии, диссертации и документальные сборники:

1. Б е з б о р о д о в а И. В. Военнопленные второй мировой войны: Генералы вермахта в плену.— М.: РГГУ, 1998.— 206 с.
2. Военнопленные в СССР. 1939—1956. Документы и материалы / Под ред. М.М. Загорулько.— М.: Логос, 2000.— 1120 с.
3. Г а л и ц к и й В. П. Военнопленные германской армии в Советском Союзе (194—1945 гг.).— ДСП (на правах рукописи).— М., 1992.
4. Е п и ф а н о в А. Е. Сталинградский плен 1942—1945 гг. (Немецкие военнопленные в СССР).— М.: Мемориальный музей немецких антифашистов, 1999.— 350 с.
5. К а р н е р С. Архипелаг ГУПВИ: Плен и интернирование в Советском Союзе: 1941—1956 / Пер. с нем. О. Асписовой.— М.: РГГУ, 2002.— 303 с.
6. К о н а с о в В. Б. Гриф секретности снят. К истории немецких военнопленных в СССР.— Вологда: ВГПИ, 1991.— 55 с.
7. К о н а с о в В. Б. Политика Советского государства в отношении немецких военнопленных (1941—1956 гг.): Дис. ... д-ра ист. наук.— М., 1998.— 506 с.
8. К о н а с о в В. Б. Судьбы немецких военнопленных в СССР: дипломатические, правовые и политические аспекты проблемы. Очерки и документы.— Вологда: Изд-во Вологодского института повышения квалификации и переподготовки педагогических кадров, 1996.— 320 с.
9. К о н а с о в В. Б., П о д о л ь с к и й В. М., Т е р е щ у к А. В. Неизвестные страницы истории: Немецкие военнопленные в СССР.— М.: Рарог, 1992.— 60 с.
10. Р о ж к о в а Е. К. Иностранные военнопленные и интернированные на Южном Урале в 194—1950-е гг.: Дис. ... канд. ист. наук.— Оренбург, 2002.
11. Русский архив: Великая Отечественная. Иностранные военнопленные Второй мировой войны в СССР / Под ред. В.А. Золотарева. Т. 24 (13—1): Нормативные документы.— М.: ТЕРРА, 1996.— 560 с.
12. Русский архив: Великая Отечественная: Немецкие военнопленные в СССР. Документы и материалы. 1941—1945 гг. / Под ред. В.А. Золотарева. Т. 24 (13—2). Кн. 1.— М.: ТЕРРА, 1999.— 503 с.
13. С у р ж и к о в а Н. В. Иностранные военнопленные Второй мировой войны на Среднем Урале (1942—1956 гг.): Дис. ... канд. ист. наук.— Екатеринбург, 2001.

14. B l a n k A. Die deutschen Kriegsgefangenen in der UdSSR.— Köln, 1979.
15. C a r r e l l P., B ö d d e k e r G. Die Gefangenen. Leben und Überleben deutscher Soldaten hinter Stacheldraht.— Frankfurt — Berlin — Wien, 1980.
16. Die Deutschen Kriegsgefangenen des Zweiten Weltkrieges. Ein geschichtlicher Abriss in Fakten.— Bad Godesberg, 1989.
17. H i l g e r A. "Arbeit ist die einzige Existenzquelle!" Deutsche Kriegsgefangene in der Sowjetunion 1941—1956. Kriegsgefangenopolitik und Gefangenentalität. (Phil. Diss.) — Universität Köln, 1998/1999.
18. H i l g e r A. Deutsche Kriegsgefangene in der Sowjetunion. 1941—1956: Kriegsgefangenpolitik, Lageralltag und Erinnerung.— Essen, 2000.
19. K a r n e r S. Im Archipel GUPVI. Kriegsgefangenschaft und Internierung in der Sowjetunion 1941—1945.— Wien — München: Oldenburg Verlag, 1995.
20. Kriegsgefangenschaft. Biographische Quellen zur deutschen Geschichte nach 1945 / Hrsg. W. Benz, A. Schardt.— München, 1991. Bd. 10.
21. L e h m a n n A. Gefangenschaft und Heimkehr. Deutsche Kriegsgefangene in der Sowjetunion.— München, 1986.
22. P e t e r E., E p i f a n o w A. Stalins Kriegsgefangene.— Graz, 1997.
23. Zur Geschichte der Kriegsgefangenen im Osten. (Hrsg.: Suchdienst des deutschen Roten Kreuzes). Bearb. Von K.W. Bohme (als Mschr. gedruckt). 3 Teile.— München, 1954 — 1959.

Статьи и тезисы:

1. Б у к и н С. С. Немецкие военнопленные в СССР // 50 лет Победы советского народа над фашизмом в Великой Отечественной войне: Материалы научной конференции.— Новосибирск, 1995.— С. 275—280.
2. Б у к и н С. С. Сибирские острова архипелага ГУПВИ // Проблемы истории Второй мировой войны: Сборник научных работ.— Вологда: Вологодский институт развития образования, 2000.— С. 98—109.
3. В с е в о л о д о в В. А. Военнопленные 1941 года: идеологические, правовые и военные аспекты проблемы // Проблемы военного пленя: история и современность: Материалы Международной научно-практической конференции 23—25 октября 1997 г. в г. Вологде. Ч. 2.— Вологда, 1997.— С. 34—44.
4. К о н а с о в В. Б. Военнопленные Второй мировой войны: международно-правовые, политические и нравственные аспекты проблемы // Уроки и проблемы изучения Второй мировой войны: Тезисы научно-практической конференции.— Вологда, 1995.— С. 10—12.
5. К о н а с о в В. Б. Периодическая печать как источник изучения проблемы немецких военнопленных // Источник.— Вологда: Издатель-

ство Вологодского института повышения квалификации педагогических кадров — 1996.— № 6.— С. 46—50.

6. Конасов В. Б. Проблема немецких военнопленных в свете современных российско-германских отношений // Вехи российско-германских отношений (1940—1990-е гг. XX века): Материалы Международной научной конференции.— Волгоград, 24—27 мая 2001 г.— Волгоград, 2001.— С. 127—133.

7. Конасов В. Б., Терещук А. В. К истории советских и немецких военнопленных Второй мировой войны // Новая и новейшая история.— 1996.— № 5.— С. 54—72.

8. Конасов В. Б., Терещук А. В. Узники войны. К истории иностранных военнопленных в России и СССР // Новый Часовой.— 1994.— № 1.— С. 30—36.

9. Лужеренко В. К. О судьбе военнопленных противника // Великая Отечественная война. 1941—1945. Военно-исторические очерки. Кн. 4: Народ и война.— М.: Наука, 1999.— С. 194—204.

10. Мотревич В. П. Иностранные граждане на Урале в годы Великой Отечественной войны // Урал в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.— Екатеринбург, 1995.

11. Смыкалин А. С. Немецкие военнопленные на Урале // Витта.— 1997.— № 15.

12. Суржикова Н. В. Военнопленные Второй мировой войны в СССР // 50 лет Победы в Великой Отечественной войне: Тезисы научной конференции.— Екатеринбург, 1995.— С. 81—83.

13. Сухоруков С. Р. Немецкие военнопленные в Советском Союзе и преодоление «образа врага» в российском менталитете // Источник.— Вологда: Изд-во Вологодского института повышения квалификации педагогических кадров.— 1997.— № 5—6.— С. 54—60.

14. Хавкин Б. Л. Немецкие военнопленные в СССР и советские военнопленные в Германии. Постановка проблемы. Источники и литература // Проблемы военного плена: история и современность: Материалы Международной научно-практической конференции 23—25 октября 1997 г. в г. Вологде. Ч. 2 — Вологда, 1997.— С. 3—13.

15. Chavkin B. Deutsche Kriegsgefangene in der Sowjetunion // Europeische Sicherheit.— Hamburg — Bonn, 1995.— H. 11.

16. Jarsen K. H., Remold J. Aus russischer Gefangenschaft // Die Gebirgstruppe.— 1963.— № 2.— S. 117—123.

17. Каглег S. Deutsche Kriegsgefangene und Internierte in der Sowjetunion 1941—1956 // Проблемы военного плена: история и современность: Материалы Международной научно-практической конференции 23—25 октября 1997 г. в г. Вологде. Ч. 2.— Вологда, 1997.— С. 14—34.

18. Karger S. Die sowjetische Hauptverwaltung für Kriegsgefangene und Internierte (GUPVI) und ihr Lagersystem 1941 bis 1956 // Die Tragödie

der Gefangenschaft in Deutschland und in der Sowjetunion 1941—1956.—Köln — Weimar, 1998.—S. 129—154.

19. K a r n e r S. Verlorene Jahre. Deutsche Kriegsgefangene und Internierte im Archipel GUPVI // Kriegsgefangene — Военнопленные. Sowjetische Kriegsgefangene in Deutschland. Deutsche Kriegsgefangene in der Sowjetunion (Hg. vom Haus der Geschichte der Bundesrepublik Deutschland).—Düsseldorf, 1995.

20. K a r n e r S. Zur Einleitung: Kriegsgefangenschaft // “Gefangen in Rußland”: Die Beiträge des Symposiums auf der Schallaburg 1995 / Hrsg. S. Karner. Graz — Wien: Selbstverlag des Ludwig Boltzmann-Instituts für Kriegsfolgen.—Forschung — München, 1995.—S. 9—12.

21. S t e i n b a c h P. Deutsche Kriegsgefangene in der Sowjetunion. Ein Beitrag zur deutsch-sowjetischen Beziehungsgeschichte // Aus Politik und Zeitgeschichte.—B. 24.—1991.

22. S t r e i t C. Deutsche und sowjetische Kriegsgefangene // Kriegsverbrechen im 20.Jahrhundert / Hrsg. W. Wette, G.R. Überschär.—Darmstadt: Primus Verlag, 2001.—S. 178—192.

Мемуары и статьи, анализирующие мемуарную литературу:

1. А д а м В. Трудное решение: Мемуары полковника 6-й германской армии / Пер. с нем.—М.: Прогресс, 1967.—496 с.

2. А й н з и д е ль Г. Бисмарк на Востоке // Независимая газета.—2000.—11 апреля.

3. Б л а н к А. С. Несколько месяцев в Суздале // Новый мир.—1968.—№ 3.—С. 70—86.

4. Б л а н к А. С. Пленники Сталинграда // Новый мир.—1983.—№ 9.—С. 205—226.

5. Б у к и н С. С. Воспоминания немецких военнопленных о Сибири как исторический источник // Проблемы военного плена: история и современность: Материалы Международной научно-практической конференции 23—25 октября 1997 г. в г. Вологде. Ч. 2.—Вологда, 1997.—С. 194—197.

6. Б у к и н С. С. Воспоминания немецких военнопленных о Сибири как исторический источник // Сибирь на рубеже XIX—XX веков: Межвузовский сборник научных работ Новосибирского государственного университета.—Новосибирск, 1997.—С. 98—102.

7. Б у к и н С. С. Немецкие военнопленные в российской провинции: впечатления о пережитом // Немецкий этнос в Сибири: Альманах гуманистических исследований. Вып. 2.—Новосибирск, 2000.—С. 144—151.

8. Б у к и н С. С. Немецкие военнопленные о жизни в России // Воинский подвиг защитников Отечества: традиции, преемственность, новации: Материалы межрегиональной научно-практической конференции. Ч. 3.—Вологда: Вологодский институт развития образования, 2000.—С. 255—263.

9. Букин С. С. Норильское восстание 1953 г.: версия немецких военнопленных // Возвращение памяти: Историко-архивный альманах. Вып. 3.— Новосибирск: Изд-во Сибирского отделения РАН, 1997.— С. 114—126.
10. Букин С. С. Сибирь в воспоминаниях немецких военнопленных Второй мировой войны // Сибирь в истории и культуре зарубежных стран: Тезисы докладов и сообщений международной научной конференции.— Иркутск: Изд-во Иркутского государственного технического университета, 1998.— С. 57—61.
11. Бурцев М. И. Прозрение.— М.: Воениздат, 1981.— 320 с.
12. Вельц Г. Солдаты, которых предали. Записки бывшего офицера вермахта / Пер. с нем.— М.: Мысль, 1965.— 359 с.
13. Видер И. Катастрофа на Волге: воспоминания офицера разведчика 6-й армии Паулюса.— М.: Прогресс, 1965.— 335 с.
14. Геродник Г. Восточные университеты // Новый мир.— 1977.— № 7.— С. 189—217; № 8.— С. 196—223.
15. Граф Генрих Айнзидель / Публ. подгот. В.Б. Конасов, В.А. Все-володов // Новый Часовой.— 1996.— № 4.— С. 246—249.
16. Дойков Ю. Под небом Мюнхена вздыхают об Архангельске // Архангельск.— 1999.— 21 января.
17. Долматовский Е. А. Уполномочен Зеленой брамой // Долматовский Е.А. Зеленая брама. Документальная легенда об одном из первых сражений Великой Отечественной войны.— М.: Политиздат, 1985.— С. 249—261.
18. Ерин М. Е. «Волгострой — Углич» в воспоминаниях немецкого военнопленного // Проблемы истории Второй мировой войны: Сборник научных работ.— Вологда: Вологодский институт развития образования, 2000.— С. 109—117.
19. Ерин М. Е. Воспоминания немецких военнопленных как источник по изучению истории советского плена // Проблемы военно-пленного: история и современность: Материалы Международной научно-практической конференции 23—25 октября 1997 г. в г. Вологде. Ч. 2.— Вологда, 1997.— С. 172—176.
20. Ерин М. Е. Воспоминания немецкого военнопленного о пребывании в плену в Ярославской области // Век нынешний, век минувший... — Ярославль, 1999.— С. 83—87.
21. Запп Ф. Сталинградский пленник.— СПб.: Петербург — XXI век, 1998.— 285 с.
22. Из личного архива фельдмаршала Паулюса // Военно-исторический журнал.— 1960.— № 2.— С. 81—95; № 3.— С. 89—98.
23. Из личного архива фельдмаршала Паулюса // Сталинград: Уроки истории: Воспоминания участников битвы / Под общ. ред. В.И. Чуйкова; Сост. З.С. Шейнис.— М.: Прогресс, 1980.— С. 270—312.

24. Исторические свидетельства иностранцев о Европейском Севере. Тетрадь первая. Из записок немецкого военнопленного (1944—1948 гг.) / Пер. с нем.— Вологда, 1999.— 28 с.
25. Казак В. «Близость к русским началась у меня в плену» // Нева.— 2001.— № 3.— С. 160—169.
26. Конасов В. Б. Советские лагеря в воспоминаниях военнопленных Второй мировой войны // Сборник научных трудов Вологодского института права и экономики.— Вологда, 2000.— С. 70—73.
27. Кононов С. Ветеран с той стороны фронта // Курьер.— 1998.— 23 июля.
28. Лутянова И. О «корнете Рильке» и военнопленном Харальде Тойфере // Правда Севера.— 1997.— 30 января.
29. Лутянова И. Чтобы не были врагами // Правда Севера.— 1997.— 9 октября.
30. Морозов Н. А. Воспоминания иностранцев — узников ГУЛАГа как исторический источник по истории Коми АССР (1936—1956 гг.) // Проблемы истории репрессивной политики на Европейском Севере России (1917—1956 гг.): Тезисы докладов Всероссийской научной конференции 8—11 ноября 1993 г.— Сыктывкар, 1993.— С. 48—50.
31. Мюллер В. «Я нашел подлинную родину». Записки немецкого генерала / Пер. с нем.— М.: Прогресс, 1964.— 470 с.
32. Нилов Г. Е. Лагерь № 447 // Север.— 1995.— № 4—5.— С. 137—145.
33. Новиков А. Комбинату посвящается // Наш Север.— 2000.— № 4.— С. 84—87.
34. Отте Х. Ю. В Спасо-Евфимиевском монастыре в Суздале. Сентябрь — ноябрь 1943 года. Из воспоминаний летчика люфтваффе, побывавшего в советском плену // Новый Часовой.— 1999.— № 8—9.— С. 226—230.
35. Отте Х. Ю. Сбили! Из воспоминаний летчика люфтваффе, побывавшего в советском плену // Новый Часовой.— 1997.— № 5.— С. 275—287.
36. Петерсхаген Р. Мятежная совесть. Воспоминания бывшего командира полка / Пер. с нем.— М.: Прогресс, 1958.— 258 с.
37. Плевая Н. В русском плену: воспоминания // Россия и современный мир.— 2000.— № 3.— С. 167—185.
38. Подольный И. А. Адвокатский вопрос // Подольный И. А. Школы моей жизни. Из записок счастливого человека.— Вологда, 1996.— С. 43—46.
39. Пузрев Н. И. Военнопленные генералы. Записки советского офицера // Волга.— 1981.— № 4 — С. 118—159; № 5 — С. 119—163.
40. Романенко Р. Возвращение Харольда Фера // Русский Север.— 1994.— 11 марта.

41. Рудаков В. Сюрпризы войны // Чудеса и приключения. — 2000. — № 8. — С. 45—49.
42. Ручинов М. Старый солдат не знает слов ненависти, хотя едва не умер в вологодских лагерях для военнопленных // Премьер. — 1998. — 5 августа.
43. Рюле Е. Исцеление в Елабуге. Мемуары / Пер. с нем. — М.: Воениздат, 1969. — 327 с.
44. Суржикова Н. В. Иностранные военнопленные Второй мировой войны в воспоминаниях уральцев // Вторые военно-исторические чтения: Материалы региональной научной конференции. — Екатеринбург, 2000. — С. 182—184.
45. Толивер Р. Ф., Констебль Т. Д. Лучший ас Второй мировой / Пер. с англ. А.Г. Больных. — М.: Изд-во АСТ, 2000. — 432 с.
46. Фарсобин В. В. Надо собирать свидетельства о судьбе пленных и заключенных в СССР // Вопросы истории. — 1996. — № 10. — С. 172—174.
47. Федерт Х. Приключения в русском плену. Из воспоминаний // Нева. — 1992. — С. 264—275.
48. Хендрикс И. Лагерные «призраки» // Российские вести. — 2000. — 23—30 августа.
49. Царфис П. Г. Приметы нового // Царфис П.Г. Записки военного врача. — М.: Московский рабочий, 1984. — С. 118—124.
50. Что говорят пленные немецкие, румынские и финские солдаты о войне с Советским Союзом. По материалам нашей печати. — Севастополь: Красный черноморец, 1941. — 29 с.
51. Чуйков В. И. Капитуляция гитлеровской Германии // Новая и новейшая история. — 1965. — № 2. — С. 3—25.
52. Шалов Х. Мне снится земля, где я был заключенным // Комсомольская правда. — 1991. — 27 ноября.
53. Штейдле Л. Агония между Дмитриевкой и Алексеевкой // Сталинград: Уроки истории: Воспоминания участников битвы / Под общ. ред. В.И. Чуйкова; Сост. З.С. Шейнис. — М.: Прогресс, 1980. — С. 349—403.
54. Штейдле Л. От Волги до Веймара. Мемуары немецкого полковника, командира полка 6-й армии Паулюса / Пер. с нем. — М.: Прогресс, 1973. — 423 с.
55. Штильмарк Р. А. Страна Лимония // Штильмарк Р.А. Падшие ангелы / Ред. Е.Р. Радюш-Штильмарк. — Душанбе, 1992. — С. 370—433.
56. Штолль Э. Встречи с русскими людьми с 1942 по 1992 гг. // Уроки гнева и любви: Сборник воспоминаний о годах репрессий. — СПб., 1993. — С. 182—183.
57. Adam W. Der schwere Entschluß. — Berlin, 1965.

58. B o h n H. Vor den Toren des Lebens. In russischer Kriegsgefangenschaft 1944—1947.— Überlingen, 1949.
59. D i b o l d H. Arzt in Stalingrad. Passion einer Gefangenschaft. — Salzburg, 1949.
60. E n d e r s A. 50 Monate Sibirien. — Rehau-Ofn, 1950.
61. E n g e l k e E. Kurt Waldherr — 10 Jahre in Norilsk // "Gefangen in Rußland": Die Beiträge des Symposiums auf der Schallaburg 1995 / Hrsg. S. Karner. Graz — Wien: Selbstverlag des Ludwig Boltzmann-Instituts fuer Kriegsfolgen.— Forschung — München, 1995.— S. 37—66.
62. Erlebnis aus sowjetischer Gefangenschaft // Der Eisbär meldet.— März 1964.— S. 1—5.
63. F e h l i n g H. Ich komme soeben aus Sowjet-Rußland. Tatsachenbericht aus 6 Jahren sowjetischer Kriegsgefangenschaft.— Köln, 1950.
64. F i s c h e r K. J. Der Gefangene von Stalingrad. Bericht eines Heimkehrten.— Willsbach i. Württ, 1948.
65. F r a n k e n b e r g E. "Zu Befehl".— Berlin: Verlag der Nation, 1951.
66. F r a n z P. I. Licht im Osten: Erlebnisbericht meiner russischen Gefangenschaft. Eichstätt — Wien, 1964.
67. G e r m a n n A. ... in Rußland gefangen / Hrsg. von S. Bostrum. — Mainaschaff, 1970.
68. G e r l a c h H. Odyssee in Rot. Bericht einer Irrfahrt.— München, 1966.
69. G e r s d o r f C. U. Sobald der Mensch die Freiheit verliert. Ein Heimkehrer aus sowjetrussischer Kriegsgefangenschaft // Die deutschen Kriegsgefangenen des Zweiten Weltkrieges. Ein geschichtlicher Abriss in Fakten. Verband der Heimkehrer Deutschlands.— Bonn — Bad Godesberg, 1989.
70. G o l l w i t z e r H. "...und führen, wohin du nicht willst." Bericht einer Gefangenschaft.— Stuttgart — München, 1952.
71. C r a m e r G. Erlebnisse in russischer Kriegsgefangenschaft 1942—1948.— Osterode, 1965.
72. C u r t h J. Der Tod geht durch Taiga.— Berlin, 1953.
73. H a h n A. Ich spreche die Wahrheit. Sieben Jahre Kriegsgefangener in Rußland.— Eßlingen, 1951.
74. H e i n z P. Als Kriegsgefangener in der Sowjetunion. Erinnerungen 1945—1953 // Die Zeit des Nationalsozialismus. Eine Buchreihe / Hrsg. W.H. Pehle.— Frankfurt — Main, 1995.— S. 35—92.
75. H ö h n e r H. Kriegsgefangen in Sibirien. Erinnerungen eines deutschen Kriegsgefangenen in Rußland.— Mainz, 1994.
76. J e s c h o n n e k E. Wo der Landser denken lernte.— Berlin, 1959.
77. J e s t e r W. Skoro domoi. Bald kommt ihr nach Hause.— Neckargemünd, 1963.
78. K e i m H. Gefangener der Wälder.— Freudenstadt, 1971.

79. K l e i n T. G. Sastra budjet. In russischer Kriegsgefangenschaft 1945—1949.— Grenchen (Schwyz) — Ulm, 1951.
80. K ö h l e r U. Gefangenschaft. Universität des Lebens // Alte Kameraden.— 1963.— № 5.
81. K r e m e r R. Die Totgeglaubten. Erlebnisbericht aus russischer Gefangenschaft.— Berlin — Darmstadt, 1947.
82. Kriegsgefangene in der Sowjetunion.— Berlin, 1949.
83. K r ü g e r F. Erfahrungen aus der Gefangenschaft // Alte Kameraden.— 1958.— № 5.— S. 8—9.
84. L a s c h O. Zuckerbrot und Peitsche. Ein Bericht aus russischer Kriegsgefangenschaft 20 Jahre danach.— Pfaffenhofen — Ilm, 1965.
85. L e m p p H. Das innere Erleben in 9 Jahren russischer Gefangenschaft (Publiziertes Vortragsmanuskript).— Tübingen, 1953.
86. L e u t e l t H. Menschen in Menschenhand. Bericht aus Sibirien.— München, 1959.
87. L i p p e r E. Elf Jahre in sowjetischen Gefängnissen und Lagern.— Zürich, 1950.
88. M ü l l e r V. Ich fand das wahre Vaterland / Hrsg. von K. Mammach.— Berlin, 1963.
89. R a u s c h e n b a c h H. Von Pillkallen nach Schadrinsk. Meine Zeit im Lager 6437 und das Wiedersehen nach 43 Jahren.— Leer, 1993.
90. R e c k M. Tagebuch aus sowjetischer Kriegsgefangenschaft 1941—1949.— München — Bielefeld, 1967.
91. R e m o l d J. Erlebtes und Erschautes aus sowjetischer Gefangenschaft.— Mühchen, 1963.
92. R o h m e R. Die Marionetten des Herrn. Erlebnisbericht aus sowjetischen Gefangenendlagern.— Erlenbach — Zürich — Stuttgart, 1960.
93. R u p e r t R. Kaleidoscope of nations // Rupert R. A Hidden World / Edited by A. Rhodes.— London: St James's Place, 1963.— P. 82—95.
94. R ü h l e O. Genesung in Jelabuga. Autobiographischer Bericht.— Berlin, 1961.
95. S c h e l l e r T. Die Plennissee. 13 Gesänge aus Rußland Gefangenlagern.— Düsseldorf, 1950.
96. S c h l e z a k O. Ljub Twoju Matsch! Kriegsgefangenen in der Sowjetunion 1945—1950.— Mannheim, 1976.
97. S c h o l m e r J. Die Toten kehren zurück. Bericht eines Arztes aus Workuta.— Köln — Berlin, 1954.
98. S c h w a r z W. Des Ostwinds eisiger Psalm. Erlebnisse und Betrachtungen aus 9 Jahren sibirischer Gefangenschaft.— Berlin — Darmstadt, 1955.
99. S i m a t H. Zwischen Taiga und Transsibiriensbahn: Tatsachenbericht aus den Lagerregionen Jugra und Anscherka.— Frankfurt, 1950.
100. S t a c h e l d r a h t, Hunger, Heimweh. Eine Erinnerung.— Düsseldorf, 1955.

101. Staff von Ch. 1945: Kaputt oder Rußland raboten? — Klagenfurt, 1990.
102. Steidle L. Entscheidung an der Wolga. — Berlin, 1970.
103. Strobel A. Fünf Jahre in Sibirien. — Berlin, 1953.
104. Weider J., Einsiedel H. Stalingrad und Verantwortung des Soldaten. — München, 1993.
105. Weltz H. Verratene Grenadiere. — Berlin, 1965.
106. Wigmans J. Einer von Millionen. Zehn Jahre Rußland. — München, 1960.

Рецензии, отзывы, научная жизнь:

1. Бабиченко Л. Г. Открытие музея немецких антифашистов в г. Красногорске // Новая и новейшая история. — 1985. — № 5. — С. 207—209.
2. Безыменский Л. А. История одной «Истории» // Новое время. — 1976. — № 5. — С. 12—14.
3. Бланк А. С. «Мученик плена» и теория «контрсчета» // Бланк А. С. Неонацизм — реваншизм. Мифы «психологической войны». — М.: Мысль, 1985. — С. 111—131.
4. Букин С. С. Иностранные военнопленные в Сибири: проблемы изучения // Проблемы военного плена: история и современность: Материалы Международной научно-практической конференции 23—25 октября 1997 г. в г. Вологде. Ч. 2. — Вологда, 1997. — С. 243—247.
5. Васильев В. По поводу одной фальшивки // Международная жизнь. — 1978. — № 8. — С. 124—128.
6. Севолодов В., Максимова Э. Опасное знание // Известия. — 2001. — 17 января.
7. Грабарь А. С. Первый том сборника документов «Иностранные военнопленные Второй мировой войны в СССР» // Проблемы военного плена: история и современность: Материалы Международной научно-практической конференции 23—25 октября 1997 г. в г. Вологде. Ч. 2. — Вологда, 1997. — С. 168—172.
8. Гуринович В. Э. Выставка «Память о плене» Владимира-Сузdalского музея-заповедника // Трагедия плена: Сборник материалов Международной научно-практической конференции «Окончание войны, завершение деятельности НКСГ, СНО и начало депатриации военнопленных». Москва / Красногорск 31 октября — 2 ноября 1995 года. — Красногорск: Мемориальный музей немецких антифашистов, 1996. — С. 125—133.
9. Ерин М. Е. Проблемы военного плена: история и современность // Новая и новейшая история. — 1998. — № 2. — С. 217—218.
10. Ерин М. Е. [Рец. на кн.: Конасов В. Б. Судьбы немецких военнопленных в СССР: дипломатические, правовые и политические аспекты проблемы. Очерки и документы. — Вологда: Изд-во Вологодского института повышения квалификации и переподготовки педагогических кадров, 1996.] // Отечественная история. — 1996. — № 6. — С. 195—196.

11. З а п р я га е в а А. П. Обзор документальных материалов РГАКФД // Трагедия плена: Сборник материалов Международной научно-практической конференции «Окончание войны, завершение деятельности НКСГ, СНО и начало депатриации военнопленных». Москва / Красногорск 31 октября — 2 ноября 1995 года.— Красногорск: Мемориальный музей немецких антифашистов, 1996.— С. 164—165.
12. И в а н и ц к и й Г. М. К истории немецких военнопленных во Второй мировой войне // Информационный бюллетень.— М.: Институт военной истории МО СССР.— 1977.— № 18.— С. 26—35.
13. Историк о судьбах немецких военнопленных в СССР / Сост. В.Н. Вартанов, В.В. Судаков.— М., 1997.— 52 с.
14. К а ш и н Р. Г. Ученый, наследие, время // Уроки и проблемы изучения Второй мировой войны: Тезисы российской научно-практической конференции.— Вологда, 1995.— С. 19—22.
15. Ко на с о в В. Б. Военный плен: история и современность // Отечественные архивы.— 1998.— № 3.— С. 117.
16. Ко на с о в В. Б. Изучение проблемы военного плена на уроках истории // Источник. — Вологда: Изд-во Вологодского института повышения квалификации педагогических кадров.— 1996.— № 4.— С. 64—66.
17. Ко на с о в В. Б., П е т е л и н Б. В. Изучение проблем германского фашизма, антифашистского движения и военного плена вологодскими учеными // Источник.— Вологда: Изд-во Вологодского института повышения квалификации педагогических кадров.— 1996.— № 4.— С. 60—64.
18. Ко на с о в В. Б., Х ав кин Б. Л. [Рец. на кн.: Karner S. Im Archipel GUPVI. Kriegsgefangenschaft und Internierung in der Sowjetunion 1941—1945.— Wien — München: Oldenbourg Verlag, 1995.— 269 s.; “Gefangen in Rußland”: Die Beiträge des Symposiums auf der Schallenburg 1995 / Hrsg. S. Karner. Graz — Wien: Selbstverlag des Ludwig Boltzmann-Instituts für Kriegsfolgen.— Forschung — München, 1995.— 368 s.] // Новая и новейшая история.— 1997.— № 6.— С. 208—210.
19. Ко р о т к о в Г. И. Сколько немецких военнопленных погибло в СССР? [Рец. на кн.: Конасов В.Б. Судьбы немецких военнопленных в СССР: дипломатические, правовые и политические аспекты проблемы. Очерки и документы.— Вологда: Изд-во Вологодского института повышения квалификации и переподготовки педагогических кадров, 1996.— 320 с.] // Военно-исторический журнал.— 1997.— № 5.— С. 93—94.
20. К р у п ен ник о в А. А. Красногорский особый... и музей «Трагедия плена» // Проблемы военного плена: история и современность: Материалы Международной научно-практической конференции 23—25 октября 1997 г. в г. Вологде. Ч.1.— Вологда, 1997.— С. 127—138.
21. К р у п ен ник о в А. А. О научной концепции международного антивоенного музея в г. Красногорске // Трагедия войны — траге-

дия плены: Сборник материалов Международной научно-практической конференции, посвященной 55-летию образования антифашистских организаций военнопленных в СССР, проблемам и перспективам развития музея «Трагедия плены» / Мемориальный музей немецких антифашистов, Академия военных наук.— М., 1999.— С. 210—220.

22. Крупеников А. А. О научной концепции международного антивоенного музея в г. Красногорске «Мемориальный музей трагедии войны и плены» // Воинский подвиг защитников Отечества: традиции, преемственность, новации: Материалы межрегиональной научно-практической конференции. Ч. 3.— Вологда: Вологодский институт развития образования, 2000.— С. 302—312.

23. Крупеников А. А., Всеволодов В. А. [Рец. на кн.: Конасов В.Б. Судьбы немецких военнопленных в СССР: дипломатические, правовые и политические аспекты проблемы. Очерки и документы.— Вологда: Изд-во Вологодского института повышения квалификации и переподготовки педагогических кадров, 1996.— 320 с.] // Трагедия плены: Сборник материалов Международной научно-практической конференции «Окончание войны, завершение деятельности НКСГ, СНО и начало депатриации военнопленных». Москва / Красногорск 31 октября — 2 ноября 1995 года.— Красногорск: Мемориальный музей немецких антифашистов, 1996.— С. 193—197.

24. Крупеников А. А., Всеволодов В. А., Ружина И. М., Маресева Г. Н. Научная концепция экспозиции международного антивоенного музея «Мемориальный музей трагедии войны и плены» // Воинский подвиг защитников Отечества: традиции, преемственность, новации: Материалы межрегиональной научно-практической конференции. Ч. 3.— Вологда: Вологодский институт развития образования, 2000.— С. 231—238.

25. Крупеников А. А., Всеволодов В. А., Ружина И. М., Маресева Г. Н. Научная концепция экспозиции международного антивоенного музея «Мемориальный музей трагедии войны и плены» (г. Красногорск) // Трагедия войны – трагедия плены: Сборник материалов Международной научно-практической конференции, посвященной 55-летию образования антифашистских организаций военнопленных в СССР, проблемам и перспективам развития музея «Трагедия плены» / Мемориальный музей немецких антифашистов, Академия военных наук.— М., 1999.— С. 292—300.

26. Кузьмины А. Л. «В чужой земле» [Рец. на кн.: Букин С.С. В чужой земле: Памяти военнопленных, умерших в Новосибирской области в 1944—1948 гг.— Новосибирск: Изд-во «Гуманитарные технологии», 2000.— 311 с.] // Источник.— Вологда: Изд-во Вологодского института развития образования.— 2001.— № 5.— С. 57—59.

27. Кузьмины А. Л. Изучаем историю плены (К вопросу о гуманистическом воспитании старшеклассников на уроках истории) //

Духовность как основа общения: образование и культура: Материалы научно-практической конференции.— Вологда: Изд-во Вологодского института развития образования, 2002.— С. 219—225.

28. Кузьмины А. Л. Изучение проблемы иностранных военнопленных Второй мировой войны в СССР: прошлое, настоящее, будущее // Сборник научных работ студентов и аспирантов ВГПУ. Вып. IX.— Вологда: Изд-во Вологодского государственного педагогического университета, 2001.— С. 78—86.

29. Кузьмины А. Л. Иностранные военнопленные Второй мировой войны в СССР: современный этап изучения проблемы // Вузовская наука — региону: Материалы второй региональной межвузовской научно-технической конференции.— Вологда: ВоГТУ, 2001.— С. 265—266.

30. Кузьмины А. Л. Формирование гуманистически ориентированной личности подростка в курсе отечественной истории (на примере темы «Советские военнопленные в Германии и немецкие военнопленные в СССР») // Сборник материалов научно-практической конференции «Актуальные вопросы преступности несовершеннолетних» (14—15 декабря 2000 г., Вологда).— Вологда: ВИПЭ Минюста России, 2001.— С. 249—252.

31. Мотревич В. П., Суржикова Н. В. Иностранные военнопленные Второй мировой войны на Среднем Урале: источниковая база исследования // Урал на пороге третьего тысячелетия: Тезисы докладов и сообщений Всероссийской научной конференции.— Екатеринбург, 2000.— С. 48—51.

32. Немецкие военнопленные в Советском Союзе // Война Германии против Советского Союза 1941—1945 гг.: Документальная экспозиция / Под ред. Р. Рюрупа. — Берлин: Аргон, 1992.— С. 242—250.

33. Носырева Л. Л. Документы Центра хранения историко-документальных коллекций как источник изучения проблем плена // Трагедия плена: Сборник материалов Международной научно-практической конференции «Окончание войны, завершение деятельности НКСГ, СНО и начало депатриации военнопленных». Москва / Красногорск 31 октября — 2 ноября 1995 года.— Красногорск: Мемориальный музей немецких антифашистов, 1996.— С. 171—173.

34. Петелин Б. В. «Трагедия плена» в курсе новейшей истории (из опыта преподавания в вузе) // Трагедия войны — трагедия плена: Сборник материалов Международной научно-практической конференции, посвященной 55-летию образования антифашистских организаций военнопленных в СССР, проблемам и перспективам развития музея «Трагедия плена» / Мемориальный музей немецких антифашистов, Академия военных наук.— М., 1999.— С. 198—202.

35. Полян П. Ожоги прошлого: война и плен как трагедия (о двух научных конференциях в Германии) // Новый Часовой.— 1998.— № 6—7.— С. 404—408.

36. Поромонов Е. А., Судаков В. В., Конасов В. Б. Международная научно-практическая конференция «Проблемы военного плена: история и современность». — Вологда, октябрь 1997 года // Новый Часовой. — 1998. — № 6—7. — С. 409—411.
37. Пронин А. В. Трагедия плена: гуманизм против бесчеловечности [По материалам международной научно-практической конференции на тему «Проблемы военного плена: история и современность». — Вологда, октябрь 1997.] // Военно-исторический журнал. — 1998. — № 1. — С. 94—96.
38. Ржевский О., Иваницкий Г. Правда и ложь о жизни немецких военнопленных в СССР // Военно-исторический журнал. — 1978. — № 10. — С. 72—82.
39. Рыкин В. С. [Рец. на кн.: Бродский Е. А. Славная страница пролетарского интернационализма. Немецкие антифашисты в борьбе против гитлеризма. — М.: Мысль, 1980. — 270 с.] // Новая и новейшая история. — 1982. — № 1. — С. 182—184.
40. Терешук А. В. [Рец. на кн.: Конасов В. Б., Судаков В. В., Быстрицкий А. Н. ...Пока не похоронен последний солдат: Очерки и документы. — Вологда — Москва: Изд-во Вологодского института повышения квалификации и переподготовки педагогических кадров, 1997. — 100 с.] // Новый Часовой. — 1998. — № 6—7. — С. 421.
41. Фарсобин В. В. [Рец. на кн.: Конасов В. Б. Судьбы немецких военнопленных в СССР: дипломатические, правовые и политические аспекты проблемы. Очерки и документы. — Вологда: Изд-во Вологодского института повышения квалификации и переподготовки педагогических кадров, 1996. — 320 с.] // Вопросы истории. — 1996. — № 11—12. — С. 147—149.
42. Чудов В. Военнопленные — общего рода-племени // Эхо планеты. — 1996. — № 2. — С. 14—15.
43. A n i k a n o v a T. Bestände der staatlichen Archive Rußlands zu den deutschen und sowjetischen Kriegsgefangenen, Internierten und Repressierten // Die Tragödie der Gefangenschaft in Deutschland und in der Sowjetunion 1941—1956. — Köln — Weimar, 1998. — S. 29—42.
44. B o g c h a r b M. Zwischen den Fronten des Kalten Kriegs. Die deutschen Kriegsgefangenen in der Sowjetunion 1949—1955 // Kriegsgefangene — Военнопленные. Советские Kriegsgefangene in Deutschland. Deutsche Kriegsgefangene in der Sowjetunion (Hg. vom Haus der Geschichte der Bundesrepublik Deutschland). — Düsseldorf, 1995.
45. G a l i c k l i j V. P. Bericht zur Kriegsgefangenschaft // Moskau News (deutsche Ausgabe). — 1995. — 1 Jan.
46. K o g o t a e v V. GUPVI-Dokumente als Quelle für die Klärung des Schicksals deutscher Kriegsgefangener // Die Tragödie der Gefangenschaft in Deutschland und in der Sowjetunion 1941—1956. — Köln — Weimar, 1998. — S. 397—402.

47. Mironenko S. Dokumente des Staatsarchivs der Russischen Föderation (GARF) über ausländische Kriegsgefangene des 2. Weltkrieges // "Gefangen in Rußland": Die Beiträge des Symposiums auf der Schallenburg 1995 / Hrsg. S. Karner. Graz — Wien: Selbstverlag des Ludwig Boltzmann-Instituts für Kriegsfolgen.— Forschung — München, 1995.— S. 296—303.

48. Muchamedzhanov M. Dokumente des "Sonderarchivs" als Quelle zur Erforschung des Schicksals deutscher Kriegsgefangener in sowjetischen Lagern 1941 bis 1956 // Die Tragödie der Gefangenschaft in Deutschland und in der Sowjetunion 1941—1956.— Köln — Weimar, 1998. — S. 83—90.

49. Papadopoulos-Killiuss R. Wissenschaftliche russisch-deutsche Konferenz im Memorialmuseum deutscher Antifaschisten in Krasnogorsk anlässlich des 50. Jahrestages des NKVD im September 1993 // НКСГ — 50 лет: Сборник материалов российско-германской научно-практической конференции. Москва / Красногорск 7—9 сентября 1993 г.— Красногорск: Мемориальный музей немецких антифашистов, 1994.— С. 135—142.

50. Tagassov V. Die russischen Archive und ihre Bestände zum Thema "Kriegsgefangenschaft" // "Gefangen in Rußland": Die Beiträge des Symposiums auf der Schallenburg 1995 / Hrsg. S. Karner. Graz — Wien: Selbstverlag des Ludwig Boltzmann-Instituts für Kriegsfolgen.— Forschung — München, 1995.— S. 285—295.

51. Wagenleher G. Aktenauswertung in den russischen Archiven. Eine Zwischenbilanz nach vier Jahren // Die Tragödie der Gefangenschaft in Deutschland und in der Sowjetunion 1941—1956.— Köln — Weimar, 1998.— S. 255—264.

52. Wagner H. Die Abteilung für Vermittlung im Bundesministerium für Inneres, Wien // "Gefangen in Rubland": Die Beiträge des Symposiums auf der Schallenburg 1995 / Hrsg. S. Karner. Graz — Wien: Selbstverlag des Ludwig Boltzmann-Instituts für Kriegsfolgen.— Forschung — München, 1995.— S. 318—324.

II. ЛИТЕРАТУРА ПО РАЗЛИЧНЫМ АСПЕКТАМ ПРОБЛЕМЫ:

Международно-правовой аспект и судебное преследование немецких военнонопленных:

1. Алексеев Н. С. Злодеяния и возмездие.— М.: Юридическая литература, 1986.— 398 с.

2. Алексеев Н. С. Ответственность нацистских преступников.— М.: Международные отношения, 1968.— 127 с.

3. Амелин А. Б. Международно-правовое регулирование военного плены: Дис. ... канд. юрид. наук.— М., 1954.— 381 с.

4. Б е зы м е н с к и й Л. А. Приговор остается в силе? // Новое время.— 1994.— № 4.— С. 44—46.
5. Б о р и с о в а Т. В. Чрезвычайная государственная комиссия в 1942—1951 гг.— М.: Историко-архивный институт, 1986.
6. Б ю ньон Ф. Международный комитет Красного Креста и Советский Союз (1917—1991).— М.: МММК, 1998.— 70 с.
7. В е с н о в с к а я Г. Ф. О работе Генеральной прокуратуры Российской Федерации по реабилитации российских и иностранных граждан // Проблемы военного плена: история и современность: Материалы Международной научно-практической конференции 23—25 октября 1997 г. в г. Вологде. Ч.1.— Вологда, 1997.— С. 50—58.
8. Г а л и ц к и й В. П. Проблема военнопленных и отношение к ней Советского государства // Советское государство и право.— 1990.— № 4.— С. 121—130.
9. Г а л и ц к и й В. П. Репрессивная политика советского правительства в отношении иностранных военнопленных и гражданских лиц (1939—1956) // Актуальные проблемы археографии, источниковедения и историографии: Материалы к Всероссийской научной конференции, посвященной 50-летию Победы в Великой Отечественной войне.— Вологда, 1995.— С. 3—13.
10. Г л е б о в Б. Военные преступники перед советским судом // Советское государство и право.— 1946.— № 2.— С. 52—57.
11. Д а т н е р Ш. Преступления немецко-фашистского вермахта в отношении военнопленных во второй мировой войне / Пер. с польского.— М.: Изд-во иностранной литературы, 1963.— 488 с.
12. Документы обвиняют: Сборник материалов о чудовищных зверствах германских властей на временно захваченной ими советской территории. Вып. 1.— М.: Госкомиздат, 1943.— 254 с.
13. Документы обвиняют: Сборник материалов о чудовищных преступлениях немецко-фашистских захватчиков на советской территории. Вып. 2.— М.: Госкомиздат, 1945.— 392 с.
14. Е п и ф а н о в А. Е. Дела иностранцев, осужденных по обвинению в военных преступлениях, в современной реабилитационной практике // Право и политика.— 2001.— № 2.
15. Е п и ф а н о в А. Е. Деятельность советских органов внутренних дел по применению каторжных работ к гитлеровским военным преступникам и их пособникам // Труды Академии управления МВД России.— М., 2000.
16. Е п и ф а н о в А. Е. К вопросу о восстановлении прав лиц, необоснованно осужденных по обвинению в военных преступлениях, совершенных в годы Великой Отечественной войны // Идеалы Всеобщей декларации прав человека и современный мир: Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 50-летию со дня принятия ООН Всеобщей декларации прав человека.— Уфа, 1999.

17. Е п и ф а н о в А. Е. К вопросу о реабилитации военнопленных вермахта, незаконно осужденных за военные преступления // Соотношение и связи криминалистики и теории оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел. Ч. 3.— Краснодар: КЮИ, 1996.
18. Е п и ф а н о в А. Е. К истории борьбы с гитлеровскими военными преступниками в боевых условиях и прифронтовой полосе (1941—1945 гг.) // Трагедия войны — трагедия плена: Сборник материалов Международной научно-практической конференции, посвященной 55-летию образования антифашистских организаций военнопленных в СССР, проблемам и перспективам развития музея «Трагедия плена» / Мемориальный музей немецких антифашистов, Академия военных наук.— М., 1999.— С. 226—242.
19. Е п и ф а н о в А. Е. Некоторые аспекты уголовного законодательства об ответственности гитлеровских военных преступников // Уголовное законодательство: история и современные проблемы: Тезисы докладов и сообщений межвузовской научно-практической конференции.— Волгоград, 1998.
20. Е п и ф а н о в А. Е. Организация и деятельность советских карательных органов по уголовному преследованию нацистских преступников в период массовой депортации военнопленных вермахта на родину (1948—1950 гг.) // Проблемы военного плена: история и современность: Материалы Международной научно-практической конференции 23—25 октября 1997 г. в г. Вологде. Ч. 2.— Вологда, 1997.— С. 118—123.
21. Е п и ф а н о в А. Е. Организация и деятельность Сталинградской областной комиссии по расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков // Сталинградская битва: Материалы научных конференций, прошедших в Москве и Волгограде к 50-летию сражения.— Волгоград, 1994.— С. 266—269.
22. Е п и ф а н о в А. Е. Ответственность гитлеровских военных преступников и их пособников в СССР (историко-правовой аспект).— Волгоград: Волгоградский юридический ин-т МВД России, 1997.— 216 с.
23. Е п и ф а н о в А. Е. Ответственность за военные преступления, совершенные на территории СССР в период Великой Отечественной войны (историко-правовой аспект): Дис. ... д-ра юрид. наук.— М., 2001.
24. Е п и ф а н о в А. Е. Реабилитация иностранцев, осужденных за военные преступления // Российская юстиция.— 2001.— № 1.— С. 21—22.
25. Е п и ф а н о в А. Е. Счет за Сталинград (о расследовании военных преступлений на территории Сталинградской области).— Волгоград, 1993.
26. Е п и ф а н о в А. Е., Ломов В. С. Сталинградская милиция в борьбе с гитлеровскими военными преступниками // Проблемы обеспечения законности и прав личности в деятельности органов внутренних дел.— Ростов-на-Дону, 1995.

27. Е п и ф а н о в А. Е., М у л у к а е в Р. С. Информационное обеспечение советских органов внутренних дел при уголовном преследовании гитлеровских военных преступников // Труды Академии управления России.— М., 2000.

28. Е п и ф а н о в А. Е., П е т у х о в Н. А. Не забыть вовек: Гитлеровские военные преступники и их пособники перед советским военным судом в период Великой Отечественной войны // Закон и право.— 2000.— № 4.— С. 51—56.

29. Е р и н М. Е. [Рец. на кн.: Конасов В.Б. Судебное преследование немецких военнопленных в СССР. Внешнеполитический аспект проблемы. — М.: Институт военной истории МО РФ, 1998.— 168 с.] // Отечественная история.— 2000.— № 4.— С. 202.

30. Женевская конвенция об улучшении участия раненых и больных в действующих армиях от 27 июля 1929 года.— М.: Медгиз, 1932.— 23 с.

31. Женевские конвенции о защите жертв войны от 12 августа 1949 года.— М.: Ведомости Верховного Совета СССР, 1954.— 220 с.

32. Законы и обычаи войны. Важнейшие международные конвенции / Публ. подгот. А.П. Павлов — М.: Юриздан, 1942.— 32 с.

33. Зверства немецких захватчиков: Сборник статей, опубликованных в центральных газетах.— М.: Госполитиздат, 1947.— 48 с.

34. И в а ш о в Л. Г., Е м е л и н А. С. Нравственные и правовые проблемы плена в отечественной истории // Военно-исторический журнал.— 1992.— № 1.— С. 44—49.

35. К о ж е в ник о в Ф. И. Великая Отечественная война Советского Союза и некоторые вопросы международного права.— М.: Издво Московского университета, 1954.— 222 с.

36. К о н а с о в В. Б. Дискуссия о судьбе немецких военнопленных между союзниками в 1944 – 1945 гг. // Трагедия войны — трагедия плена: Сборник материалов Международной научно-практической конференции, посвященной 55-летию образования антифашистских организаций военнопленных в СССР, проблемам и перспективам развития музея «Трагедия плена» / Мемориальный музей немецких антифашистов, Академия военных наук.— М., 1999.— С. 136—140.

37. К о н а с о в В. Б. Зеки в генеральских мундирах // Эхо планеты.— 1994.— № 26.— С. 22—23.

38. К о н а с о в В. Б. Международный комитет Красного Креста — Советский Союз: дорогой сотрудничества и конфронтации (1939—1992 гг.). Исторический очерк и документы.— М.: Институт Российской истории РАН, 1999.— 104 с.

39. К о н а с о в В. Б. Навстречу примирению (Из доклада на пленарном заседании Международной научно-практической конференции «Проблемы плена: история и современность») // Источник.— Вологда: Изд-во Вологодского института повышения квалификации педагогических кадров.— 1997.— № 4.— С. 41—43.

40. Конасов В. Б. Последний рубеж генерала // Эхо планеты.— 1994.— № 18—19.— С. 26—36.
41. Конасов В. Б. Проблема немецких военнопленных в международных отношениях 1944—1956 гг. Исторический очерк и документы // Проблемы истории Второй мировой войны: Сборник научных работ.— Вологда: Вологодский институт развития образования, 2000.— С. 45—73.
42. Конасов В. Б. Проблема немецких военнопленных в международных отношениях первого послевоенного десятилетия // Сборник материалов межвузовской конференции «Проблемы совершенствования подготовки кадров и развития научно-исследовательской деятельности в образовательных учреждениях уголовно-исполнительной системы Минюста России» (18—19 февраля 2000 года, Вологда). Ч. 1.— Вологда, 2000.— С. 80—91.
43. Конасов В. Б. Проблема правовой защиты военнопленных в исторической ретроспективе // Воинский подвиг защитников Отечества: традиции, преемственность, новации: Материалы межрегиональной научно-практической конференции. Ч. 1.— Вологда, 2000.— С. 38—62.
44. Конасов В. Б. Судебное преследование немецких военнопленных в СССР. Внешнеполитический аспект проблемы.— М.: Институт военной истории МО РФ, 1998.— 168 с.
45. Конасов В. Б. Судьбы военнопленных Второй мировой войны на переговорах между СССР и МККК // Образование в регионах России и странах СНГ.— 1999.— № 5.— С. 28—29.
46. Конасов В. Б., Судаков В. В. Российское законодательство в области военного плена и правотворческая деятельность государства на международном уровне // Источник.— Вологда: Изд-во Вологодского института повышения квалификации педагогических кадров.— 1996.— № 3.— С. 82—90.
47. Конасов В. Б., Терещук А. В. Под влиянием побеждающего народа: германские военнопленные в СССР (1941—1945 гг.) // Народ и война.— СПб., 1995.— С. 282—304.
48. Крупеников А. А. К вопросу о некоторых судебных процессах в СССР в 1947—1953 гг. по обвинению в военных преступлениях // Распад фашистского блока и проблема послевоенного обустройства. — Екатеринбург, 1992.— С. 83—85.
49. Крупеников А. А. О некоторых судебных процессах против военных преступников в конце 40-х — начале 50-х гг. // Проблемы военного пленя: история и современность: Материалы Международной научно-практической конференции 23—25 октября 1997 г. в г. Вологде. Ч. 2.— Вологда, 1997.— С. 101—118.
50. Крупеников А. А. О некоторых судебных процессах против военных преступников в конце 40-х — начале 50-х гг. // Трагедия пленя: Сборник материалов Международной научно-практи-

ческой конференции «Окончание войны, завершение деятельности НКСГ, СНО и начало депатриации военнопленных». Москва / Красногорск 31 октября — 2 ноября 1995 года.— Красногорск: Мемориальный музей немецких антифашистов, 1996.— С. 177—183.

51. Купец В. И. Российское законодательство и вопросы реабилитации российских и иностранных граждан // Проблемы военного плена: история и современность: Материалы Международной научно-практической конференции 23—25 октября 1997 г. в г. Вологде. Ч.1.— Вологда, 1997.— С. 58—71.

52. Латернер Г. Вторая мировая война и право // Типпельскирх К., Кессельринг А., Гудериан Г. и др. Итоги Второй мировой войны. Выводы побежденных / Пер. с нем. Л. Камоловой.— СПб.: Полигон, 1999.— С. 546—567.

53. Латышев А. Женевские конвенции 1949 г. о защите жертв войны // Советское государство и право.— 1954.— № 7.— С. 121—125.

54. Левин Д. Б. Об уголовной ответственности военнопленных // Вопросы уголовного права: Сборник документов.— М.: Институт права АН СССР, 1945.

55. Маньковский Б. С. Вопросы материального уголовного права в законодательстве Контрольного совета в Германии // Советское государство и право.— 1946.— № 9.— С. 53—55.

56. Миловида Е. «Благотворительность» Красного Креста Западной Германии // Советский Красный Крест.— 1954.— № 1.— С. 30.

57. Минасян Н. М. Международные преступления Третьего рейха.— Саратов: Изд-во Саратовского университета, 1977.— 387 с.

58. Мирецкий С. Преступники в фельдмаршальских мундирах // Неотвратимое возмездие. По материалам судебных процессов над изменниками Родины, фашистскими палачами и агентами империалистических разведок.— М.: Воениздат, 1973.— С. 253—270.

59. Морозов Н. А. Военнопленные в лагерях // Немцы в Республике Коми (страницы истории репрессивной политики первой половины ХХ в.).— Сыктывкар, 1997.

60. Морозов Н. А. Особые лагеря МВД СССР в Коми АССР (1948—1954 гг.).— Сыктывкар: Сыктывкарский ун-т, 1998.— 156 с.

61. Муранов В. Взят в плен под Сталинградом... Родственники Гитлера под колпаком советской разведки // Родина.— 2000.— № 8.— С. 81—86.

62. Никишин К. С. Установление судьбы незаконно репрессированных российских и немецких граждан и вопросы их реабилитации // Проблемы военного плена: история и современность: Материалы Международной научно-практической конференции 23—25 октября 1997 г. в г. Вологде. Ч.1.— Вологда, 1997.— С. 71—74.

63. Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками: Сборник материалов. В 7 т.— М.: Госюриздан, 1957—1961.

64. Обвинительное заключение и приговор по делу о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков на территории Латвийской, Литовской и Эстонской ССР.— Вильнюс: Госкомиздат, 1946.— 77 с.
65. Основные положения Женевских конвенций и дополнительных протоколов к ним.— М.: Международный комитет Красного Креста, 1996.— 64 с.
66. П е т р о в Н. В. Внесудебные репрессии против немецких военнопленных в 1941—1946 гг. // Проблемы военного плена: история и современность: Материалы Международной научно-практической конференции 23—25 октября 1997 г. в г. Вологде. Ч. 2.— Вологда, 1997.— С. 77—95.
67. П о л я н с к и й Н. Н. Международное правосудие и преступники войны.— М.— Л.: АН СССР, 1945.— 117 с.
68. П о л я н с к и й Н. Н. Суд над преступниками войны. Стенограмма публичной лекции.— М., 1946.— 23 с.
69. Р е ш и н Л. Е. Московский процесс над генералом фон Зайдлицем в зеркале российских документов // Национальный комитет «Свободная Германия» и Союз немецких офицеров / Перевод издания Герда Р. Юбершера.— Красногорск: Мемориальный музей немецких антифашистов, 1996.— С. 235—247.
70. Р о м а ш к и н П. С. Документы и материалы по вопросам борьбы с военными преступниками и поджигателями войны / Предисл. А.Н. Трайнина.— М.: Военно-юридическая академия, 1949.— 379 с.
71. С а м о н е н к о С. Е. Расследование преступлений немецко-фашистских захватчиков и их сообщников на территории СССР. 1942—1951 гг.— М.: Историко-архивный институт, 1990.
72. Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий. Ч. 2.— Курск: ГУИПП «Курск», 1999.— 410 с.
73. С и г а ч е в Ю., К а р п ы ч е в А. Русская баня, или Как два немецких генерала и полковник жили в одном доме с сотрудником НКВД // Труд.— 2000.— 1 февраля.
74. С и м и к а л и н А. Чуждестранните военнопленници — затворници в специалните лагери на МВД на СССР през 40-те и 50-те години // Правна мисъл.— С., 1999.— Г. 40. Кн. 1.— С. 76—82.
75. С м y к а л и н А. С. Лагеря для военнопленных и интернированных // Смыкалин А.С. Колонии и тюрьмы в Советской России.— Екатеринбург: Изд-во УрГЮА, 1997.— С. 148—175.
76. С м y к а л и н А. С. «Особые лагеря» и «особые тюрьмы» в системе исправительно-трудовых учреждений Советского государства в 30—40-е гг. // Советское государство и право.— 1997.— № 5.— С. 84—91.
77. С м y к а л и н А. С. Создание агентурной сети среди военнопленных немцев в СССР // Вопросы истории.— 1997.— № 4.— С. 147—150.
78. Стalingradская эпопея: Материалы НКВД СССР и военной цензуры из Центрального архива ФСБ РФ.— М.: Звонница-МГ, 2000.— 496 с.

79. Судебные процессы о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков на территории СССР.— М.: Юриздан, 1946.— 60 с.
80. Судебный процесс о зверствах немецко-фашистских захватчиков на территории Харькова и Харьковской области в период их временной оккупации.— М., 1943.— 65 с.
81. Судебный процесс по делу верховного главнокомандования гитлеровского вермахта. Приговор пятого американского военного трибунала, вынесенный в Нюрберге 28 октября 1948 г. / Пер. с нем.— М.: Прогресс, 1964.— 360 с.
82. Судебный процесс по делу о злодеяниях, совершенных немецко-фашистскими захватчиками в Белорусской ССР. Стенографический отчет.— Минск: Белгиз, 1947.— 472 с.
83. С у р ж и к о в а Н. В. Архивно-следственные дела военнопленных как исторический источник (по материалам УГААО СО) // Орел шестого легиона: Тезисы докладов студенческой научно-практической конференции, посвященной 60-летию исторического факультета Уральского государственного университета.— Екатеринбург, 1999.— С. 109—113.
84. С у р ж и к о в а Н. В. Военные преступники на Среднем Урале в 1949—1956 гг. // Проблемы военного плена: история и современность: Материалы Международной научно-практической конференции 23—25 октября 1997 г. в г. Вологде. Ч. 2.— Вологда, 1997.— С. 234—236.
85. С у р ж и к о в а Н. В. Из истории лагеря № 476 для военнопленных Второй мировой войны // Первые уральские военно-исторические чтения: Материалы региональной научной конференции.— Екатеринбург, 1996.— С. 95—99.
86. С у р ж и к о в а Н. В. Осужденные военнопленные на Среднем Урале (1949—1956 гг.) // Урал индустриальный: Материалы третьей региональной научной конференции.— Екатеринбург, 1999.— С. 84—89.
87. Т р а й н и н А. Бесчеловечный гуманизм // Война и рабочий класс.— 1944.— № 9.— С. 16—18.
88. Т р а й н и н А. Об уголовной ответственности гитлеровских преступников // Война и рабочий класс.— 1944.— № 1.— С. 19—21.
89. Т р а й н и н А. Н. Кто должен нести уголовную ответственность за фашистские злодействия? // Война и рабочий класс.— 1943.— № 6.— С. 13—14.
90. Т р а й н и н А. Н. Об уголовной ответственности гитлеровцев. Стенограмма публичной лекции. На правах рукописи.— М., 1943.— 20 с.
91. Т р а й н и н А. Н. Стратегия милосердия // Война и рабочий класс.— 1944.— № 19.— С. 14—17.
92. Т р а й н и н И. П. Гитлеровский военный разбой и законы войны. Стенограмма публичной лекции.— М., 1943.— 29 с.
93. Т р а й н и н И. П. Гитлеровским преступникам не уйти от ответственности.— М.: Госполитиздат, 1943.— 48 с.

94. Трайнин И. П. Ответственность гитлеровской Германии за злодеяния и ущерб, нанесенный агрессией // Витебск АН СССР.— 1944.— № 1—2.— С. 47—51.
95. Уроки Нюрнберга. Материалы к международной конференции. Вып. 2.— М., 1986.— 209 с.
96. Утевский Б. С. Преступления гитлеровцев против мирного населения.— М.: Юридическое издательство Министерства юстиции СССР, 1946.— 48 с.
97. Утевский Б. С. Судебные процессы о злодеяниях немецко-фашистских войск на территории СССР.— М.: Юридическое изд-во Министерства юстиции СССР, 1946.— 60 с.
98. Хлестов О. Н. Режим раненых и больных во время вооруженного конфликта: Дис. ... канд. ист. наук.— М., 1958.
99. Щелокова Т. А. К вопросу об уголовном преследовании иностранных военнопленных в СССР (1943—1956) // Современная преступность: состояние, тенденции, средства преодоления.— Екатеринбург: УрГЮА, 1999.
100. Щелокова Т. А. Правовой статус иностранных военнопленных в СССР (1939—1956 гг.): Дис. ... канд. юрид. наук.— Екатеринбург, 2000.
101. Щелокова Т. А. Правовой статус иностранных военнопленных на территории Кировской области в 1942—1956 гг. (К постановке проблемы) // Актуальные проблемы гуманитарного и экономического образования в негосударственных вузах.— Киров: МГЭИ.— 1998.
102. Щелокова Т. А. Советское законодательство о военнопленных (1939—1941 гг.) // Российская государственность на пороге XXI века.— Киров: ВятГПУ, 2000.
103. Якушевский А. Расстрел в клеверном поле // Новое время.— 1993.— № 25.— С. 40—42.
104. Bährens K. Deutsche in Straflagern und Gefängnissen der Sowjetunion // Zur Geschichte der deutschen Kriegsgefangenen des Zweiten Weltkrieges.— Bd. V.— München, 1965.
105. Bauer K. Gedächtnisprotokoll. Ein Prozess in Minsk.— Herford, 1990.
106. Becke E. Das Rätsel des Ukas 43 und eine Erkundung des Archipel Gulag.— Hamburg, 1991.
107. Besymenski L. Kriegsverbrecher oder Kriegsgefangene? // Sowjetunion heute.— 1990.— № 10.— S. 38—41.
108. Frey G. Das Strafverfahren gegen deutsche Kriegsgefangene in der Sowjetunion. Zur formalrechtlichen Seite der Verurteilungen // Osteuropa Recht.— 1995.— № 1.— H.1.— S. 31—37.
109. Kargner S. Schuld und Sühne? Der Prozeß gegen den Chef der Gendarmerie von Černigov von 1941—1943: Karl Ortner // Graz in der

NS-Zeit 1938-1945 / Hrsg. S. Karner. Wiss. Veröff. d. L.-Boltzmann-Inst. f. Kriegsfolgen-Forschung, Sbd. 1, 2. Aufl., Graz — Wien — Klagenfurt, 1999.— S. 159—178.

110. Konasov V., Dehnel R. Zwischen zwei Kirchentagen (Aus der Geschichte deutscher Kriegsgefangener).— Hamburg, 1996.

111. Kozlov V. A. Politische Einstellung und Stimmung der deutschen Kriegsgefangenen und der wegen Kriegsgefangenen und der wegen Kriegsverbrechen Verurteilten in den Jahren 1944—1955. Ein quellenwissenschaftlicher Überblick aus Dokumenten des Sekretariats des NKVD (MVD) der UdSSR // "Gefangen in Rußland": Die Beiträge des Symposiums auf der Schallenburg 1995 / Hrsg. S. Karner. Graz — Wien: Selbstverlag des Ludwig Boltzmann — Instituts für Kriegsfolgen.— Forschung — München, 1995.— S. 113—151.

112. Krupenikov A. Gerichtsverfahren gegen Kriegsverbrecher Ende der vierziger und Anfang der fünfziger Jahre // Die Tragödie der Gefangenschaft in Deutschland und in der Sowjetunion 1941—1956.— Köln — Weimar, 1998.— S. 197—214.

113. Kupiec V. I. Die Rehabilitierung von verurteilten Deutschen und Österreichern durch Russland seit 1991 // Der Krieg gegen die Sowjetunion 1941—1945 / Hrsg. St. Karner, G. Schapher. Unsere Zeitgeschichte.— Graz, 1998. Bd. 4.

114. Kupiec V. Probleme bei der Rehabilitierung politisch verfolgter deutscher Staatsbürger // Die Tragödie der Gefangenschaft in Deutschland und in der Sowjetunion 1941—1956.— Köln — Weimar, 1998.— S. 425—438.

115. Lang M. Stalins Strafjustiz gegen deutsche Soldaten. Die Massenprozesse gegen deutsche Kriegsgefangene in den Jahren 1949 und 1950 in historischer Sicht.— Herford, 1981.

116. Laun R. Die Haager Landkriegsordnung. Das Übereinkommen über die Gesetze und Gebrauche des Landkrieges.— Wolfenbüttel — Hannover, 1947.

117. Maurach R. Die Kriegsverbrecherprozesse gegen deutsche Gefangene in der Sowjetunion.— Hamburg, 1950.

118. Meissner B. Sowjetunion und Haager LKO.— Hamburg, 1950.

119. Messerschmidt M. Der Minsker Prozeß 1946. Gedanken zu einem Sowjetischen Kriegsverbrechertribunal // Vernichtungskrieg. Verbrechen der Wehrmacht 1941—1944 / Hrsg. H. Heer, K. Naumann.— Hamburg, 1995.— S. 551—568.

120. Nikiskin K. Repression auf dem Verwaltungswege: Probleme der Rehabilitierung Deutscher // Die Tragödie der Gefangenschaft in Deutschland und in der Sowjetunion 1941—1956.— Köln — Weimar, 1998.— S. 413—416.

121. Petrov N. Außergerichtliche Repressionen gegen Kriegsgefangene Deutsche 1941 bis 1956 // Die Tragödie der Gefangenschaft in Deutschland und in der Sowjetunion 1941—1956.— Köln — Weimar, 1998.— S. 175—196.

122. Petrov N. V. Deutsche Kriegsgefangene unter der Justiz Stalins. Gerichtsprozesse gegen Kriegsgefangene der deutschen Armee in der

UdSSR 1943—1952 // "Gefangen in Rußland": Die Beiträge des Symposiums auf der Schallaburg 1995 / Hrsg. S. Karner. Graz — Wien: Selbstverlag des Ludwig Boltzmann — Instituts für Kriegsfolgen — Forschung — München, 1995.— S. 176—220.

123. **P e t r o v N. V. Verurteilung deutscher und österreichischer Kriegsverbrecher in der Sowjetunion 1943 — 1952 // Der Krieg gegen die Sowjetunion 1941—1945 / Hrsg. St. Karner, G. Schapher. Unsere Zeitgeschichte.— Graz, 1998. Bd. 4.**

124. **Rapport du Comite International de la Croix-Rouge.— Geneve, 1948.**

125. **S c h e i d l F. Die Kriegsgefängenschaft von den ältesten Zeiten bis zur Gegenwart. Eine völkerrechtliche Monographie.— Berlin, 1943.**

126. **Sowjetische Dokumente zur Lagerpolitik. Eingel. und beard. von Rauf Possekell (Sowjetische Speziallager in Deutschland 1945 bis 1950, Bd. 2).— Berlin, 1998.**

127. **Stalins Willkürjustiz gegen die deutschen Kriegsgefangenen. Dokumentation und Analyse / Hrsg. G. Wagenlehner.— Bonn, 1993.**

128. **Streim A. Die Verbrechen der Einsatzgruppen in der Sowjetunion // NS-Prozesse. Nach 25 Jahren Strafverfolgung: Möglichkeiten — Grenzen — Ergebnisse.— Karlsruhe, 1971.— S. 65—106.**

129. **T r a j n i n A. N. Hitlerite Responsibility under Criminal Law.— London, 1945.**

130. **U e b e r s c h ä r G. R. Anmerkungen zur Reaktion der deutschen Führung auf die sowjetischen Kriegsverbrecherprozesse // Die Tragödie der Gefangenschaft in Deutschland und in der Sowjetunion 1941—1956.— Köln — Weimar, 1998.— S. 215—224.**

131. **Ü b e r s c h ä r G. R. Deutsche Gefangene der Stalins Tribunalen. Die Kriegsverbrecherprozesse gegen deutsche Kriegsgefangene in der USSR. 1943—1950 // Kriegsgefangene im Zweiten Weltkrieg / Hrsg. v: Rolf Steiniger.— Frankfurt-Main, 1996.**

132. **Ü b e r s c h ä r G. R. Die sowjetischen Prozesse gegen deutsche Kriegsgefangene 1943—1952 // Der Nationalsozialismus vor Gericht / Hrsg. G.R. Ueberschär.— Frankfurt-Main, 1999.— S. 240—261.**

133. **V e s n o v s k a j a G. Das Rehabilitierungsgesetz vom 18. Oktober 1991 und seine Anwendung auf deutsche Bürger // Die Tragödie der Gefangenschaft in Deutschland und in der Sowjetunion 1941—1956.— Köln — Weimar, 1998.— S. 417—424.**

134. **W a g e n l e h n e r G. Die Verurteilung der deutschen Kriegsgefangenen durch sowjetische Militärtribunale 1941—1953 // Проблемы военного плена: история и современность: Материалы Международной научно-практической конференции 23—25 октября 1997 г. в г. Вологде. Ч.2.— Вологда, 1997.— С. 95—100.**

135. **W a g e n l e h n e r G. Die Willkürjustiz der Stalin-Ara-der Ükas 43 // Der Heimkehrer.— Bonn.— 1992.— 15 Mai.**

136. Z e i d l e r M. Stalinjustiz contra NS. – Verbrechen. Die Kriegsverbrechenprozesse gegen deutsche Kriegsgefangene in der UdSSR in den Jahren 1943—1952. Kenntnisstand und Forschungsprobleme.— Dresden, 1996.

Прием, учет, размещение и материально-бытовое обеспечение:

1. А р н т ц Г. Людские потери во Второй мировой войне // Типпельскирх К., Кессельринг А., Гудериан Г. и др. Итоги Второй мировой войны. Выводы побежденных / Пер. с нем. Л.К. Камоловой.— СПб.: Полигон, 1999.— С. 593—604.
2. Б а р а н о в а Н. В. Доктор Вессель // Губернские вести.— 1997.— 7 июня.
3. Б а р а н о в а Н. В. Советская медицина и немецкие военнопленные (1944—1949 гг.) // Вестник Верхневолжского отделения Академии военно-исторических наук: Материалы научной конференции, посвященной 55-летию Великой Победы.— Ярославль, 2000.
4. Б е з б о р о д о в а И. В. Дела персонального учета военнопленных как источник по истории деятельности Управления по делам военнопленных и интернированных НКВД-МВД СССР // Вестник архивиста.— 1992.— № 1 (37).— С. 78—82.
5. Б е з б о р о д о в а И. В. Иностранные военнопленные и интернированные в СССР: Из истории деятельности Управления по делам военнопленных и интернированных НКВД-МВД СССР в послевоенный период (1945—1953) // Отечественная история.— 1997.— № 5.— С. 165—173.
6. Б е з б о р о д о в а И. В. Лагерь № 27 // Независимое военное обозрение.— 1997.— № 20.— С. 5.
7. Б е з б о р о д о в а И. В. Управление по делам военнопленных и интернированных НКВД-МВД СССР (193—1953): Дис. ... канд. ист. наук.— М., 1997.— 371 с.
8. Б е з б о р о д о в а И. В. Управление по делам военнопленных и интернированных НКВД-МВД СССР (1939—1953).— М., 1997.— 40 с.— Деп. в ОЦНТИ по документоведению и архивному делу, 01.07.97., № 180—97.
9. Б е з р у к о в а Л. Не будем с вами удивляться... (По материалам альбомов военнопленных из Германии) // Преступление и наказание.— 1992.— № 6.— С. 24—27.
10. Б о б р е н е в В., Р я з а н ц е в В. Варсонофьевские призраки, или Как испытывались яды для тайных убийств НКВД // Родина.— 1995.— № 11.— С. 52—57.
11. Б у д к о А. А., Г р и б о в с к а я Г. А. Опыт следования законам и обычаям войн при медицинском обслуживании раненых и больных немецких военнопленных в период Второй мировой войны (по материалам архива Военно-медицинского музея МО России) // Трагедия войны — трагедия плена: Сборник материалов Международной научно-практической конференции, посвященной 55-летию образования антифашистских

- организаций военнопленных в СССР, проблемам и перспективам развития музея «Трагедия плена» / Мемориальный музей немецких антифашистов, Академия военных наук.— М., 1999.— С. 58—62.
12. Букин С. С. В России не было лагерей смерти // Вечерний Новосибирск.— 2000.— 29 сентября.
13. Букин С. С. Жизнь и смерть военнопленных // Советская Сибирь.— 1999.— 9 апреля.
14. Букин С. С. Лагеря для военнопленных и интернированных в Сибири (1943—1949 гг.) // Региональные процессы в Сибири в контексте российской и мировой истории: Материалы Всероссийской научной конференции.— Новосибирск: Институт истории Сибирского отделения РАН, 1998.— С. 166—169.
15. Букин С. С. «На, Фриц, закури!». Немецкие военнопленные в российской глубинке // Родина.— 1998.— № 2.— С. 88—91.
16. Букин С. С. Сибирская одиссея немецких военнопленных // Новосибирские новости.— 1993.— 22—25 сентября.
17. Букин С. С. Сибирская эпопея немецких военнопленных // Немецкий этнос в Сибири: Альманах гуманитарных исследований. Вып. 1.— Новосибирск, 1999.— С. 94—107.
18. Букин С. С. Смертность военнопленных в лагерях Сибири в годы Второй мировой войны и послевоенный период // Народонаселенные процессы в региональной структуре России XVIII—XX вв.: Материалы международной научной конференции.— Новосибирск, 1996.— С. 167—170.
19. Букин С. С., Долголюк А. А. Военнопленные в Сибири: условия лагерного быта // Сибирь в XVI—XX веках: Экономика, общественно-политическая жизнь и культура.— Новосибирск: Изд-во Сибирского отделения РАН, 1997.— С. 220—236.
20. Букин С. С., Долголюк А. А. Медицинская помощь военнопленным в сибирских лагерях (1943—1948 гг.) // Социальные проблемы сибирских городов в ретроспективе XX века: Сборник научных трудов.— Новосибирск: Институт истории Сибирского отделения РАН, 2001.— С. 126—142.
21. Букин С. С., Долголюк А. А. Продовольственная проблема в сибирских лагерях для военнопленных (1943—1949 гг.) // Социокультурное развитие Сибири XVII—XX веков. Бахрушинские чтения: Межвузовский сборник научных трудов.— Новосибирск, 1998.— С. 131—144.
22. Букин С. С., Долголюк А. А. Формирование лагерей военнопленных и интернированных в Сибири // Гуманитарные науки в Сибири.— 2000.— № 2.— С. 49—53.
23. Букин С. С., Тимошенко А. И. Военнопленные в Новосибирске (1944—1948 гг.) // Левобережье в Новосибирске: Страницы истории.— Новосибирск, 1999.— С. 190—192.

24. В л а с о в а И. В. Документы НКВД о работе с военнопленными противника в годы Великой Отечественной войны // Вестник архивиста.— 1995.— № 6.— С. 61—67.
25. В л а с о в а И. В. Работа с военнопленными в тыловых районах советских фронтов в годы Великой Отечественной войны: Дис. ... канд. ист. наук.— М., 1994.— 236 с.
26. В л а с о в а И. В. Эвакуация военнопленных в годы Великой Отечественной войны // Трагедия войны — трагедия плена: Сборник материалов Международной научно-практической конференции, посвященной 55-летию образования антифашистских организаций военнопленных в СССР, проблемам и перспективам развития музея «Трагедия плена» / Мемориальный музей немецких антифашистов, Академия военных наук.— М., 1999.— С. 20—24.
27. В л а с о в а И. В. Эвакуация военнопленных в годы Великой Отечественной войны // Трагедия плена: Сборник материалов Международной научно-практической конференции «Окончание войны, завершение деятельности НКСГ, СНО и начало депатриации военнопленных». Москва / Красногорск 31 октября — 2 ноября 1995 года.— Красногорск: Мемориальный музей немецких антифашистов, 1996.— С. 157—159.
28. В о й т е н к о М. Ф., Г р и б о в с к а я Г. А. Гуманизм советской военной медицины // Военно-медицинский журнал.— 1985.— № 5.— С. 67—72.
29. В с е в о л о д о в В. А. «Арифметика» и «алгебра» учета военнопленных и интернированных в системе УПВИ НКВД-МВД СССР в период 1939—1956 гг. // Трагедия войны — трагедия плена: Сборник материалов Международной научно-практической конференции, посвященной 55-летию образования антифашистских организаций военнопленных в СССР, проблемам и перспективам развития музея «Трагедия плена» / Мемориальный музей немецких антифашистов, Академия военных наук.— М., 1999.— С. 24—58.
30. В с е в о л о д о в В. А. О тех, кто был в плену // Источник.— Вологда: Изд-во Вологодского института повышения квалификации педагогических кадров.— 1995.— № 3.— С. 14—17.
31. В ы ц л а н М. Они все-таки прошли по Москве... // Диалог.— 1995.— № 4.— С. 21—25.
32. Г а л и ц к и й В. П. Вражеские военнопленные в СССР (1941—1945) // Военно-исторический журнал.— 1990.— № 9.— С. 39—46.
33. Г а л и ц к и й В. П. Социально-психологические аспекты межгрупповых отношений в условиях военного плена // Социологические исследования.— 1991.— № 10.— С. 48—63.
34. Г а л и ц к и й В. П. Там, в Бекетовке под Сталинградом // Военно-исторический журнал.— 1993.— № 2.— С. 18—22.
35. Г о р б у н о в И. Ю. Пребывание немецких военнопленных в СССР: условия содержания, медицинское обеспечение (по документам)

там ГА РФ) // Проблемы военного плена: история и современность: Материалы Международной научно-практической конференции 23 – 25 октября 1997 г. в г. Вологде. Ч. 2.— Вологда, 1997.— С. 134—143.

36. Грибовская Г. А. Организация медицинского обслуживания раненых и больных военнопленных в период Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. // НКСГ — 50 лет: Сборник материалов российско-германской научно-практической конференции. Москва / Красногорск 7—9 сентября 1993 г.— Красногорск: Мемориальный музей немецких антифашистов, 1994.— С. 143—146.

37. Гуркин В. В., Круглов А. И. Кровавая расплата агрессора // Военно-исторический журнал.— 1996.— № 3.— С. 29—36.

38. Долголюк А. А. Продовольственное снабжение военнопленных в СССР // Проблемы военного плена: история и современность: Материалы Международной научно-практической конференции 23—25 октября 1997 г. в г. Вологде. Ч. 2.— Вологда, 1997.— С. 73—77.

39. Егоров М. Бунт генералов // Уральский рабочий.— 1992.— 7 апреля.

40. Елисеева Н. Е. «Ответственность за смертность... возложить на начальников конвоев» // Военно-исторический журнал— 2000.— № 4.— С. 71—77.

41. Емельянов Н. Череповецкий лагерь НКВД для военнопленных № 158 // Известия Вологодского общества изучения Северного края. Вып. IX.— Вологда: Древности Севера, 2001.— С. 111—113.

42. Ерин М. Е., Баранова Н. В. Немцы в советском плену (по архивным материалам Ярославской области) // Отечественная история.— 1995.— № 6.— С. 133—142.

43. Ерин М., Баранова Н. Пленный враг — уже не враг // Золотое кольцо.— 1994.— 12 апреля.

44. Ерин М., Смирнов В. Судьба военнопленных немцев // Северный рабочий.— 1991.— 21 ноября.

45. За колючей проволокой (по материалам В.Б. Конасова и В.В. Судакова) // «Московский комсомолец» в Вологде.— 1999.— 7—14 октября.— С. 11.

46. Иванов В. А. О настроениях среди пленных немецких генералов и офицеров Курляндской группы армий в майские дни 1945 г. (по материалам фронтового пункта военнопленных № 1 в пос. Тиркилишский Литовской ССР) // Проблемы военного плена: история и современность: Материалы Международной научно-практической конференции 23—25 октября 1997 г. в г. Вологде. Ч. 2.— Вологда, 1997.— С. 45—50.

47. Ирха Е. Предателями не считать! // Архангельск.— 1998.— 17 сентября.

48. Калганов А. Как Иван и Василий рейхсфюрера СС поймали // Труд.— 2000.— 16—22 марта.— С. 9.

49. Киевский «марш» немецких военнопленных. Документы «Особой папки» И.В. Сталина. 1944 / Публ. подгот. М.А. Выцлан // Исторический архив.— 1997.— № 1.— С. 66—68.
50. Киселев А. А. Военнопленные на Кольском полуострове // Проблемы военного плена: история и современность: Материалы Международной научно-практической конференции 23—25 октября 1997 г. в г. Вологде. Ч. 2.— Вологда, 1997.— С. 230—234.
51. Кокшаров В. Лагерь военнопленных в Телегове // Знамя.— 1990.— 5 апреля.
52. Конасов В. Б. За колючей проволокой // Конасов В.Б., Судаков В.В. Эхо минувшей войны.— Вологда: Изд-во Вологодского института повышения квалификации педагогических кадров, 1994.— С. 67—78.
53. Конасов В. Б. Как лечили военнопленных // Резонанс.— 1990.— № 19.— С. 14—16.
54. Конасов В. Б. К вопросу о численности немецких военнопленных в СССР // Вопросы истории.— 1994.— № 11.— С. 187—189.
55. Конасов В. Б. К дискуссии о численности немецких военнопленных в СССР // Актуальные проблемы археографии, источниковедения и историографии: Материалы к Всероссийской научной конференции, посвященной 50-летию Победы в Великой Отечественной войне.— Вологда, 1995.— С. 41—43.
56. Конасов В. Б., Богатырь О. А. Зона милосердия // Военно-исторический журнал.— 1999.— № 3.— С. 93—96.
57. «Конвоирование начато в 11 часов утра» // Источник.— 1995.— № 2.— С. 135—139.
58. Корибут-Дашкевич Е. Немецкие офицеры в Воркутлаге // Мемориал-Аспект.— 1994.— № 7—8.— С. 5.
59. Крылова Н. Б. Между жизнью и смертью: состояние военнопленных 6-й немецкой армии // Сталинградская битва: Материалы научных конференций, прошедших в Москве и Волгограде к 50-летию сражения.— Волгоград, 1994.
60. Кузьмин С. И. К вопросу об условиях содержания немецких военнопленных в СССР // Проблемы военного плена: история и современность: Материалы Международной научно-практической конференции 23—25 октября 1997 г. в г. Вологде. Ч. 2.— Вологда, 1997.— С. 124—134.
61. Кузьмины А. Л. Из истории Вологодского лагеря НКВД для военнопленных // Молодые исследователи — региону: Материалы межрегиональной научной конференции студентов и аспирантов.— Вологда: ВоГТУ, 2002.— С. 147—150.
62. Кузьмины А. Л. Историография вопроса о медицинском обеспечении иностранных военнопленных в СССР (1941—1956 гг.) // Традиции в контексте русской культуры: Межвузовский сборник научных работ. Вып. 8.— Череповец: ЧГУ, 2001.— С. 330—336.

63. Левенштейн О. Г. Военнопленные германской армии в МАССР в 1941—1945 гг.: некоторые страницы истории // Марийский археографический вестник.— 1999.— № 9.— С. 132—140.
64. Марасанов Р. А., Мельничук А. Н. Медицинское обеспечение раненых и больных немецких военнопленных в годы Великой Отечественной войны // Военно-медицинский журнал.— 1981.— № 5.— С. 19—22.
65. Мильчаков А. «Гулаг» на Москве-реке // Вечерняя Москва.— 1991.— 28 ноября.
66. Мильчаков А., Матросов А. Без вести пропавшие // Вечерняя Москва.— 1991.— 3 октября.
67. Мотревич В. П. Иностранные граждане на Урале в 40-е годы // Урал в Великой Отечественной войне. 1941—1945 гг.— Екатеринбург, 1995.— С. 98—99.
68. Мотревич В. П., Капустин А. Они «дошли» до Урала // Уральский рабочий.— 1991.— 31 мая.
69. Мотревич В. П., Суржикова Н. В. Вещевое снабжение военнопленных в лагерях Свердловской области // Урал в стратегии Второй мировой войны: Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 55-летию Победы в Великой Отечественной войне.— Екатеринбург, 2000.— С. 123—125.
70. Мотревич В. П., Суржикова Н. В. Иностранные военнопленные Второй мировой войны в Свердловске // Екатеринбург: вчера, сегодня, завтра: Тезисы научно-практической конференции.— Екатеринбург, 1998.— С. 143—145.
71. Мухин В. В. Системы и органы пленения, учета, обеспечения и эвакуации советских и немецких военнопленных 1941—1945 гг. во фронтовой полосе // Трагедия войны — трагедия пленя: Сборник материалов Международной научно-практической конференции, посвященной 55-летию образования антифашистских организаций военнопленных в СССР, проблемам и перспективам развитий музея «Трагедия пленя» / Мемориальный музей немецких антифашистов, Академия военных наук.— М., 1999.— С. 6—20.
72. Нахопетова Б. А. Некоторые вопросы истории организации медицинской помощи в советских лагерях для военнопленных // Военно-медицинский журнал.— 1995.— № 3.— С. 71—74.
73. Немецкие военнопленные в СССР // СССР и германский вопрос: 1941—1949 гг. Документы из Архива внешней политики Российской Федерации. Т. 2: 9 мая 1945 г.— 3 октября 1946 г. / Сост. Г.П. Кынин и Й. Лауфер.— М.: Международные отношения, 2000.— С. 85—86.
74. Немцы на улицах Москвы: год 1944-й / Публ. подгот. Ю.М. Дягтерев // Отечественные архивы.— 1997.— № 4.— С. 39—48.
75. Нестеренко А. В поисках правды // Красный Крест России.— 2000.— № 2.— С. 20—24.

76. Никитина Ю. Я. Немецкие военнопленные в Переяславле-Залесском // Воинский подвиг защитников Отечества: традиции, преемственность, новации: Материалы межрегиональной научно-практической конференции. Ч. 3. – Вологда: Вологодский институт развития образования, 2000.— С. 271—278.
77. «Организовали экскурсии военнопленных немцев» / Публ. подгот. М. Леушин // Источник.— М., 1997.— № 2.— С. 84—85.
78. Писарев Е. Н. Рада, Потьма, тьма ГУЛАГа [Очерк истории лагеря для военнопленных и интернированных № 188].— Тамбов: Пролетарский светоч, 1999.— 68 с.
79. Полканова О. Из истории одного лагеря // Сборник научных работ студентов и аспирантов ВГПУ. Вып. IX.— Вологда: Изд-во Вологодского государственного педагогического университета, 2001.— С. 87—90.
80. Последние дни Гиммлера. Новые документы из Центрального архива ФСБ РФ / Публ. подгот. А.Н. Калянов и Б.Л. Хавкин // Новая и новейшая история.— 2001.— № 1.— С. 129—151.
81. Пребывание немецких военнопленных в госпиталях Вологодской области в 1944—1947 гг. / Публ. подгот. О.А. Богатырь // Историческое краеведение и архивы: Материалы IV научно-практической конференции. Вып. 4.— Вологда, 1997.— С. 30—37.
82. Рожкова Е. К. Иностранные военнопленные в Оренбуржье (1943—1950 гг.) // Научные труды молодых ученых ОГПУ.— Оренбург, 1997.— С. 173—177.
83. Рожкова Е. К. К вопросу об истории Управления по делам военнопленных и интернированных НКВД-МВД СССР (1939—1950 гг.) // Правоохранительные органы Южного Урала: история и современность: Материалы научно-практической конференции.— Оренбург, 2000.— С. 142—147.
84. Рожкова Е. К. Организация спецгоспиталей для иностранных военнопленных в годы Великой Отечественной войны // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета.— Оренбург, 1999.— № 2 (12): Исторические науки.— С. 125—131.
85. Рожкова Е. К. Условия содержания и медицинского обеспечения немецких военнопленных в СССР // Южный Урал в годы Великой Отечественной войны: Материалы научно-практической конференции.— Оренбург, 2000.— С. 84—90.
86. Сидоров С. Г. В далеком 1943: К вопросу о судьбе военнопленных в СССР // Сарепта и народы Поволжья в истории России.— Волгоград, 1998.— С. 10—19.
87. Сидоров С. Г. Военнопленные и интернированные в СССР. 1939—1956 гг.: связь с родиной // Вестник Волгоградского государственного университета.— Сер. 4: История. Философия. Вып. 3.— Волгоград, 1998.— С. 30—44.

88. Сидоров С. Г. Лагеря немецких военнопленных на территории Сталинградской области в 1943—1954 гг. // Стрежень.— Волгоград: Изд-во Волгоградского государственного университета, 2000.— С. 175—184.
89. Сидоров С. Г. Организация питания военнопленных в СССР в 1941—1955 гг. // Вестник Волгоградского государственного университета.— Сер. 4: История. Философия. Вып. 1.— 1996.— С. 71—82.
90. Сидоров С. Г. Продовольственное обеспечение военнопленных в СССР в 1941—1955 гг. // Сталинградская битва в истории России.— СПб.: Издательство Санкт-Петербургского госуниверситета, 1997.— С. 85—105.
91. Смыкалин А. С. Иностранные военнопленные на территории Урала // Исторический журнал.— 2001.— № 1.— С. 28—38.
92. Суржикова М. Н. Немецкие пилоты 5-го воздушного флота в советском плена // Проблемы военного плена: история и современность: Материалы Международной научно-практической конференции 23—25 октября 1997 г. в г. Вологде. Ч. 2.— Вологда, 1997.— С. 236—239.
93. Суржикова Н. В. Военнопленные Второй мировой войны в Свердловской области // Высшая школа России в преддверии XXI века: Тезисы докладов научной студенческой конференции, посвященной 75-летию со дня основания Уральского государственного университета.— Екатеринбург, 1995.— С. 140—144.
94. Суржикова Н. В. Иностранные военнопленные Второй мировой войны в Невьянске (1945—1947 гг.) // Первые Невьянские Демидовские чтения: Тезисы докладов и сообщений.— Екатеринбург, 2000.— С. 67—69.
95. Суржикова Н. В. Иностранные военнопленные на Среднем Урале: условия содержания и обеспечения // Этнокультурная история Урала XVI—XX вв.: Материалы международной конференции.— Екатеринбург, 2000.— С. 90—94.
96. Суржикова Н. В. К вопросу о медицинском обслуживании военнопленных в лагерях Среднего Урала (1942—1956 гг.) // Орел шестого легиона: Тезисы докладов научно-практической конференции студентов и молодых ученых исторического факультета Уральского государственного университета.— Екатеринбург, 2000.— С. 143—146.
97. Суржикова Н. В. К вопросу о размещении иностранных военнопленных Второй мировой войны на Среднем Урале // Третьи Татищевские чтения: Тезисы докладов и сообщений.— Екатеринбург, 2000.— С. 247—250.
98. Суржикова Н. В. К вопросу о численности и составе иностранных военнопленных Второй мировой войны на Среднем Урале // Урал на пороге третьего тысячелетия: Тезисы докладов и сообщений Всероссийской научной конференции.— Екатеринбург, 2000.— С. 321—325.
99. Точенов С. В. Лагерь № 48 // Отечественная история.— 2001.— № 4.— С. 112—125.

100. Федорова А. В. Военнопленные в период Великой Отечественной войны: медицинский аспект // Трагедия войны – трагедия пленца: Сборник материалов Международной научно-практической конференции, посвященной 55-летию образования антифашистских организаций военнопленных в СССР, проблемам и перспективам развития музея «Трагедия пленца» / Мемориальный музей немецких антифашистов, Академия военных наук.— М., 1999.— С. 62—68.
101. Федорова А. В. Военнопленные в период Великой Отечественной войны: медицинский аспект // Трагедия пленца: Сборник материалов Международной научно-практической конференции «Окончание войны, завершение деятельности НКСГ, СНО и начало репатриации военнопленных». Москва / Красногорск 31 октября — 2 ноября 1995 года.— Красногорск: Мемориальный музей немецких антифашистов, 1996.— С. 99—103.
102. Федорова А. В. Военнопленные вражеских армий на Южном Урале (на примере Оренбургской области) // Роль Урала как арсенала Победы: Тезисы докладов региональной научной конференции.— Челябинск, 2000.— С. 64—67.
103. Федорова А. В. Иностранцы на Южном Урале в годы Второй мировой войны и отношение к ним местного населения // История Оренбургского края: события, судьбы, реальность: Сборник научных трудов.— Оренбург, 1994.— С. 43—56.
104. Федорова А. В. Иностранцы на Южном Урале в годы Отечественной войны (1941—1943 гг.) // Победа, достигнутая единством народа: Сборник материалов научной конференции, посвященной 50-летию Победы.— СПб., 1994.— С. 158—166.
105. Филимонов А. В. Немецкие военнопленные в Пскове // Проблемы военного пленца: история и современность: Материалы Международной научно-практической конференции 23—25 октября 1997 г. в г. Вологде. Ч. 2.— Вологда, 1997.— С. 197—201.
106. Хавкин Б. Л. Германские генералы в советском плену // Человек.— 1999.— № 2.— С. 125—141.
107. Чудиновских Е. Н. Военнопленные Второй мировой в Вятском kraе // Отечественные архивы.— 2000.— № 2.— С. 98—100.
108. Чулихин Н. Фельдмаршал Паульс обожал винегреты // Трибуна.— 2000.— 10 июня.
109. Шаркоу А., Палулоу У. Выкарыйстанне працы ваенноплонных і інтерніраваных у ад науленні народнай гаспадаркі Беларусі // Беларус. гіст. час.— Мінск.— 1998.— № 2.— С. 71—79.
110. Шильников А. С. Немецкие военнопленные и узники Второй мировой войны на Верхней Волге // «Минувшее, сливаясь с настоящим...» (Тихомировские чтения).— Ярославль, 1993.— С. 90—91.
111. Шильников А. С., Горобченко В. А. Лагерь-пересылка военнопленных и узников Второй мировой войны под Ры-

бинском // Проблемы военного плена: история и современность: Материалы Международной научно-практической конференции 23—25 октября 1997 г. в г. Вологде. Ч. 1.— Вологда, 1997.— С. 156—160.

112. Шильников А. С., Гробченко В. А. Немецкие военнопленные и узники Второй мировой войны в Рыбинском крае (о некоторых направлениях историко-поисковой работы) // «Война — жесточе нету слова...» — Рыбинск, 1995.— С. 20—24.

113. Шильников А. С., Гробченко В. А. Немецкие военнопленные на территории Ярославской области в середине — второй половине 1940-х годов (К вопросу о некоторых направлениях поисковой работы) // Проблемы истории СССР и Германии 20—40-х годов: Материалы научной конференции преподавателей исторического факультета и факультета общественных наук Ярославского и Касельского университетов (15—20 апреля 1991 года).— Ярославль, 1991.— С. 96—104.

114. Bach D., Leyendecker J. Ich habe geweint vor Hunger. Deutsche und russische Gefangene in Lagern des zweiten Weltkrieges.— Wuppertal, 1993.

115. Böhm K. Die deutschen Kriegsgefangenen in sowjetischer Hand. Eine Bilanz // Zur Geschichte der deutschen Kriegsgefangenen des Zweiten Weltkrieges. Bd. VII.— München, 1966.

116. Cartellieri D. Die deutschen Kriegsgefangenen in der Sowjetunion. Die Lagergesellschaft. Eine Untersuchung der zwischenmenschlichen Beziehungen in der Kriegsgefangenenlagern // Zur Geschichte der deutschen Kriegsgefangenen des Zweiten Weltkrieges. Bd. II.— München, 1967.

117. Dehnel R. Deutsche Kriegsgefangene im Gebiet Wologda 1942—1949.— Hamburg, 1995.

118. Eliseeva N. Die NKVD — Begleittruppen für Kriegsgefangentransporte // Die Tragödie der Gefangenschaft in Deutschland und in der Sowjetunion 1941—1956.— Köln — Weimar, 1998.— S. 69—82.

119. Epifanov A. E., Mayer H. Die Tragödie der deutschen Kriegsgefangenen in Stalingrad von 1942 bis 1956 nach russischen Archivunterlagen.— Osnabrück, 1996.

120. Fleischhacker H. Die deutschen Kriegsgefangenen in sowjetischer Hand. Der Faktor Hunger // Zur Geschichte der deutschen Kriegsgefangenen des Zweiten Weltkriegs. Bd. III.— München, 1965.

121. Gefangene in deutschem und sowjetischem Gewahrsam 1941—1956: Dimensionen und Definitionen / Hrsg. von M. Ziedler und U. Schmidt.— Dresden, 1999.

122. Gorbunov I. Deutsche Kriegsgefangene in der Sowjetunion: Unterbringung und medizinische Versorgung // Die Tragödie der Gefangenschaft in Deutschland und in der Sowjetunion 1941—1956.— Köln — Weimar, 1998.— S. 43—52.

123. Hoffmann Y. Stalins Vernichtungskrieg 1941—1945.— München, 1996.

124. J e s k e N. Kritische Bemerkungen zu den sowjetischen Speziallagerstatistiken // Studien und Berichte / Hrsg. von A. Plato (Sowjetische Speziallager in Deutschland 1945 bis 1950. Bd. 1.). — Berlin, 1998. — S. 457—480.

125. K o s t e n e c k i j A. Deutsche Kriegsgefangene in der Sowjetunion: Heimatkontakte und Rückkehr // Die Tragödie der Gefangenschaft in Deutschland und in der Sowjetunion 194—1956. — Köln — Weimar, 1998. — S. 53—68.

126. K u z ' m i n S. Die Unterbringung der deutschen Kriegsgefangenen auf sowjetischem Territorium // Die Tragödie der Gefangenschaft in Deutschland und in der Sowjetunion 1941—1956. — Köln-Weimar, 1998. — S. 91—106.

127. L e y e n d e c k e r J. Gesundheit und Tod, Flucht und Selbstmord // Ich habe geweint vor Hunger. Deutsche und russische Gefangene in Lagern des Zweiten Weltkrieges / Hrsg. v. D. Bach, J. Leyendecker. — Wuppertal, 1993. — S. 118—124.

128. M a s c h k e E. Die deutschen Kriegsgefangenen des Zweiten Weltkrieges. Eine Zusammenfassung // Zur Geschichte der deutschen Kriegsgefangenen des Zweiten Weltkrieges. Bd. XV. — München, 1974.

129. M u c h i n V. Das System der Gefangennahme, Erfassung, Versorgung und Weiterleitung sowjetischer und deutscher Kriegsgefangener in frontnahen Gebieten 1941 bis 1945. Eine vergleichende Analyse // Die Tragödie der Gefangenschaft in Deutschland und in der Sowjetunion 1941 — 1956. — Köln — Weimar, 1998. — S. 107—128.

130. N o h r M. Freizeitgestaltung im Lager // Ich habe geweint vor Hunger. Deutsche und russische Gefangene in Lagern des zweiten Weltkrieges / Hrsg. v. D. Bach, J. Leyendecker. — Wuppertal, 1993. — S. 107—111.

131. N o l t e H. - H. Der deutsche Überfall auf die Sowjetunion 1941. Text und Dokumentation. — Hannover, 1991.

132. P o s s e k e l R. Strukturelle Grausamkeit. Die sowjetische Innternierungspolitik in Deutschland als Produkt sowjetischer Herrschaftspraktiken 1945 bis 1950 // Die Tragödie der Gefangenschaft in Deutschland und in der Sowjetunion 1941—1956. — Köln — Weimar, 1998. — S. 225—254.

133. S c e r b a k o v a I. Über die Verhaftungen und die Umstände der Internierungen in der sowjetischen Besatzungszone in Deutschland 1945—1950 // "Gefangen in Rußland": Die Beiträge des Symposiums auf der Schallenburg 1995 / Hrsg. S. Karner. Graz — Wien: Selbstverlag des Ludwig Boltzmann-Instituts für Kriegsfolgen. — Forschung — München, 1995. — S. 67—75.

134. S c h w a r z W. Die deutschen Kriegsgefangenen in der Sowjetunion. Aus dem kulturellen Leben // Zur Geschichte der deutschen Kriegsgefangenen des Zweiten Weltkrieges. Bd. VI. — München, 1969.

135. S m i t h A. Die "vermißte Million". Zum Schicksal deutscher Kriegsgefangenen nach dem Zweiten Weltkrieg. Schriftenreihe der

vierteljahreshefte für Zeitgeschichte. Bd. 65.— R. Oldenbourg: Verlag GmbH.— München, 1992.

136. S m i t h A. Heimkehr aus dem Zweiten Weltkrieg. Die Entlassung der deutschen Kriegsgefangenen.— Stuttgart, 1985.

137. Speziallager — Internierungslager. Internierungspolitik im besetzten Nachkriegsdeutschland.— Berlin — Hohenschönhausen, 1997.

138. S t e i n b a c h P. Zur Sozialgeschichte der deutschen Kriegsgefangenschaft in der Sowjetunion im Zweiten Weltkrieg und in der Frühgeschichte der DDR. Ein Beitrag zum Problem historischer Kontinuität // Zeitgeschichte.— 1989.— № 1.— S. 1—18.

139. S t e l z l B. Alltag in Karaganda: Zur Geschichte des Kriegsgefangenen-Lagers 99 Spasozavodsk // Проблемы военного плена: история и современность: Материалы Международной научно-практической конференции 23—25 октября 1997 г. в г. Вологде. Ч. 2.— Вологда, 1997.— С. 202—225.

140. Z a y a s A. Die Wehrmacht — Untersuchungsstelle. Deutsche Ermittlungen über alliierte Völkerrechtsverletzungen im Zweiten Weltkrieg.— München, 1980.

Трудовое использование немецких военнопленных и их вклад в восстановление народного хозяйства СССР:

1. Б а р а н о в а Н. В. Вермахт на улицах Ярославля // Золотое кольцо.— 1997.— 9 мая.

2. Б а р а н о в а Н. В. Вермахт на «химии» // Ярославская неделя.— 1997.— 18 апреля.

3. Б а р а н о в а Н. В. Материальный ущерб, нанесенный промышленности Верхнего Поволжья в годы Великой Отечественной войны и привлечение к ее восстановлению немецких военнопленных (1941—1949): Дис. ... канд. ист. наук.— Ярославль, 1998.— 214 с.

4. Б а р а н о в а Н. В. Немецкие военнопленные в Ярославской области (их участие в восстановительных работах и реконструкции промышленности) // Проблемы военного плена: история и современность: Материалы Международной научно-практической конференции 23—25 октября 1997 г. в г. Вологде. Ч. 2.— Вологда, 1997.— С. 226—230.

5. Б е з б о р д о в а И. В. Организация трудоиспользования военнопленных и интернированных в лагерях НКВД-МВД СССР в годы Второй мировой войны // Проблемы военного плена: история и современность: Материалы Международной научно-практической конференции 23—25 октября 1997 г. в г. Вологде. Ч. 2.— Вологда, 1997.— С. 50—58.

6. Б и к м е т о в Р. С. Трудоиспользование немецких военнопленных на шахтах Кузбасса в годы Второй мировой войны (1943 г.— август 1945 г.) // Германия и Россия в XX веке: две тоталитарные диктатуры, два пути к демократии: Тезисы докладов участников международ-

ной научной конференции, посвященной 10-летию объединения Германии (Кемерово, 19—22 сентября 2000 г.).— Кемерово, 2000.— С. 34—35.

7. Б у к и н С. С. Немецкие военнопленные на советских предприятиях // ЭКО.— 1999.— № 1.— С. 132—142.

8. Б у к и н С. С. Роль военнопленных в социально-экономическом развитии Западной Сибири (1943—1949 гг.) // Память о войне. 55-летию Победы посвящается: Материалы музейных чтений.— Новосибирск, 2000.— С. 59—64.

9. Б у к и н С. С. Условия труда и содержания военнопленных в Советском Союзе // Сибирь: вклад в Победу в Великой Отечественной войне: Материалы Всероссийской научной конференции.— Омск, 1995.— С. 257—262.

10. Б у к и н С. С., Д о л г о л ю к А. А. Трудовое использование военнопленных в Сибири // Из прошлого Сибири: Межвузовский сборник научных трудов. Вып. 3: Ч. 2.— Новосибирск: Новосибирский государственный университет, 1999.— С. 106—125.

11. Б у к и н С. С., П е р е г о е д о в а О. Н., Т и м о ш е н к о А. И. Труд немецких военнопленных в контексте социально-экономического развития Новосибирска (1944—1948 гг.) // Проблемы истории местного управления Сибири конца XVI—XX веков: Материалы 3-й региональной научной конференции 19—20 ноября 1998 г. в г. Новосибирске.— Новосибирск, 1998.— С. 133—136.

12. Г а л и ц' к и й В. П. Немецкие военнопленные в восстановлении хозяйства СССР // Вторая мировая война и преодоление тоталитаризма. Российско-германская конференция историков.— М.: Памятник исторической мысли, 1997.— С. 63—69.

13. Д а н и л о в В. Н. Государственный Комитет Обороны и использование иностранной рабочей силы в СССР (1941—1945 гг.) // Военно-исторические исследования в Поволжье. Вып. 1.— Саратов, 1997.— С. 81—90.

14. И в а н о в В. А. Военнопленные на Северо-Западе РСФСР в восстановительный период // Проблемы воспитания патриотизма у молодежи и современность: Материалы научных докладов международной научно-практической конференции (22—23 сентября 1995 г.).— СПб.: ВВКУ ВВ МВД России, 1995.

15. К о л е р о в М. Военнопленные на стройках коммунизма. По материалам «Особой папки» Л.П. Берии (1946—1950) // Родина.— 1997.— № 9.— С. 79—83.

16. К о л е р о в М. Рабсила для страны Советов. Немецкие и японские военнопленные на стройках коммунизма // Зеркало.— Вологда, 2001.— 1 августа.— С. 13.

17. К о н а с о в В. Б. Историография вопроса о трудовом использовании немецких военнопленных в СССР // Германия и Россия: Материалы международной научной конференции «Россия и Германия: опыт и уроки отношений в XIX—XX вв.». Вып. 3.— Воронеж, 2000.— С. 211—214.

18. Маркдорф Н. М. Немецкие военнопленные на предприятиях юга Кузбасса // Германия и Россия в XX веке: две тоталитарные диктатуры, два пути к демократии: Тезисы докладов участников международной научной конференции, посвященной 10-летию объединения Германии (Кемерово, 19—22 сентября 2000 г.).— Кемерово, 2000.— С. 41—42.
19. Наш островок «архипелага ГУЛАГ». К 60-летию Архангельского ЦБК // Правда Севера.— 2000.— 29 июля.
20. Полян П. М. «Репарации трудом»: мотивы и предыстория послевоенного трудоиспользования «интернированных и мобилизованных» немецких гражданских лиц в СССР // Проблемы военного плена: история и современность: Материалы Международной научно-практической конференции 23—25 октября 1997 г. в г. Вологде. Ч. 2.— Вологда, 1997.— С. 59—67.
21. Пушкарёв Г. Неизвестная стройка // Уральский рабочий.— 1999.— 17 декабря.
22. Рожкова Е. К. Использование иностранных военнопленных на промышленных предприятиях Чкаловской области (1943—1950 гг.) // Проблемы военного плена: история и современность: Материалы Международной научно-практической конференции 23—25 октября 1997 г. в г. Вологде. Ч. 2.— Вологда, 1997.— С. 239—242.
23. Рожкова Е. К. История использования труда военнопленных в СССР и в Оренбуржье // Материалы XXI преподавательской и XXXIX студенческой научно-практической конференции.— Оренбург: Оренбургский государственный педагогический университет, 1997.— С. 116—117.
24. Рожкова Е. К. К вопросу об использовании труда военнопленных и условиях их содержания в Оренбургской области // Материалы XX преподавательской и XXXVIII студенческой научно-практической конференции.— Оренбург: Оренбургский государственный педагогический институт, 1996.— С. 140—141.
25. Рожкова Е. К. Проблема использования военнопленных на промышленных предприятиях города Чкалова (1943—1950 гг.) // Тезисы докладов региональной конференции молодых учёных и специалистов.— Оренбург, 1997.— С. 206—207.
26. Сидоров С. Г. Использование военнопленных в угольной промышленности СССР в 1941—1949 гг. // Экономическая история России: проблемы, поиски, решения. Ежегодник. Вып. 1.— Волгоград: Изд-во Волгоградского государственного университета, 1999.— С. 204—212.
27. Сидоров С. Г. Использование иностранных военнопленных в народном хозяйстве СССР (1939—1956 гг.) // Актуальная Россия (вопросы экономической теории и практики) / Под ред. Ю.М. Осипова, О.В. Иншакова, М.М. Гузева, Е.С. Зотовой. В 2-х т.: Т. 1.— Москва — Волгоград: Изд-во Волгоградского государственного университета, 2000.— С. 431—438.

28. С и д о р о в С. Г. Использование труда военнопленных в СССР на строительстве автомобильных дорог. 1945—1949 гг. // Вестник Волгоградского государственного университета.— Сер. 3: Экономика. Экология. Вып. 3.— Волгоград, 1998.— С. 119—126.
29. С и д о р о в С. Г. Использование труда военнопленных на восстановлении Сталинграда в 1943—1949 гг. // Окончание войны в Сталинграде и Кельне. 1943—1945: Материалы Международной научной конференции (Волгоград, апрель 1995 г.).— Волгоград: Изд-во Волгоградского государственного университета, 1997.— С. 78—94.
30. С и д о р о в С. Г. Труд военнопленных в СССР в 1939—1956 гг.— Волгоград: Изд-во Волгоградского государственного университета, 2001.— 505 с.
31. С и д о р о в С. Г. Труд военнопленных в СССР в 1939—1956 гг.: Дис. ... д-ра ист. наук.— Волгоград, 2001.
32. С мыкалин А. С. Строители из дивизии «СС» // Уральский рабочий.— 1995.— 17 января.
33. С у р ж и к о в а Н. В. Организация трудоиспользования военнопленных Второй мировой войны на Среднем Урале // Урал индустриальный: Материалы второй региональной научной конференции.— Екатеринбург, 1998.— С. 157—160.
34. Т а л а ш о в а В. А. Улицы Вологды еще помнят... (К вопросу о материальных памятниках пребывания немецких военнопленных в Вологде) // Проблемы военного плена: история и современность: Материалы Международной научно-практической конференции 23—25 октября 1997 г. в г. Вологде. Ч. 2.— Вологда, 1997.— С. 262—263.
35. H i l'g e r A. Deutsche Kriegsgefangene im Wiederaufbau der Sowjetunion: Arbeitsorganisation und Leistung im Licht deutscher und russischer Quellen // Проблемы военного плена: история и современность: Материалы Международной научно-практической конференции 23—25 октября 1997 г. в г. Вологде. Ч. 2.— Вологда, 1997.— С. 68—73.
36. К а г п е г S. Prisoners-of-war in the economy of the Former Soviet Union: 1941—1945 // The System of Centrally Planned Economies in Central-Eastern and South-Eastern Europe after World War II and the Causes of its Decay / Ed. by V. Prucha. 11th International Economic History Congress.— Milan, 1994.
37. К а г п е г S., М а г х В. World War II prisoners-of-war in the Soviet Union economy // International Committee for the history of the Second World War 1945. Consequences and sequels of the Second World War.— Paris, 1995.— Р. 191—201.
38. К о л е г о в М. А. Arbeitsverwendung der Kriegsgefangenen und Internierten in der UdSSR (1946—1950). Nach dem Material in den Sondermappen des Sekretariats des NKVD — MVD der UdSSR // "Gefangen in Rußland": Die Beiträge des Symposiums auf der Schallaburg

1995 / Hrsg. S. Karner. Graz — Wien: Selbstverlag des Ludwig Boltzmann-Instituts für Kriegsfolgen. — Forschung — München, 1995. — S. 76—112.

39. Ratzka W. Die deutschen Kriegsgefangenen in der Sowjetunion. Der Faktor Arbeit // Zur Geschichte der deutschen Kriegsgefangenen des Zweiten Weltkrieges. Bd. IV. — München, 1973.

40. Vahrenkamp M. Arbeit und Norm // Ich habe geweint vor Hunger. Deutsche und russische Gefangene in Lagern des zweiten Weltkrieges // Hrsg. v. D. Bach, J. Leyendecker. — Wuppertal, 1993. — S. 97—102.

Организация антифашистской работы. Деятельность НКСГ и СНО:

1. Айнзидель фон Г. Национальный комитет — 50 лет спустя // Трагедия плена: Сборник материалов Международной научно-практической конференции «Окончание войны, завершение деятельности НКСГ, СНО и начало репатриации военнопленных». Москва / Красногорск 31 октября — 2 ноября 1995 года. — Красногорск: Мемориальный музей немецких антифашистов, 1996. — С. 16—31.

2. Арнольд С. Р. Музей немецких антифашистов в Красногорске (От верности идеям к исторической достоверности) // Национальный комитет «Свободная Германия» и Союз немецких офицеров / Перевод издания Герда Р. Юбершера. — Красногорск: Мемориальный музей немецких антифашистов, 1996. — С. 172—184.

3. Бабиченко Л. Г. Антифашистские школы и курсы немецких военнопленных в СССР — система подготовки актива движения «Свободная Германия», кузница кадров для будущей ГДР // Трагедия плена: Сборник материалов Международной научно-практической конференции «Окончание войны, завершение деятельности НКСГ, СНО и начало репатриации военнопленных». Москва / Красногорск 31 октября — 2 ноября 1995 года. — Красногорск: Мемориальный музей немецких антифашистов, 1996. — С. 59—68.

4. Бабиченко Л. Г. О становлении и деятельности Национального комитета «Свободная Германия». Мифы и реальность // Национальный комитет «Свободная Германия» и Союз немецких офицеров / Перевод издания Герда Р. Юбершера. — Красногорск: Мемориальный музей немецких антифашистов, 1996. — С. 71—84.

5. Бабиченко Л. Г. Отражение проблем истории создания Национального комитета «Свободная Германия» в документах Российского центра хранения и изучения документов новейшей истории // НКСГ — 50 лет: Сборник материалов российско-германской научно-практической конференции. Москва / Красногорск 7—9 сентября 1993 г. — Красногорск: Мемориальный музей немецких антифашистов, 1994. — С. 73—74.

6. Баранова И. Д. Обзор документальных материалов Центрального музея вооруженных сил о деятельности Национального комитета «Свободная Германия» и Союза немецких офицеров // Проблемы военного пленя: история и современность: Материалы Между-

народной научно-практической конференции 23—25 октября 1997 г. в г. Вологде. Ч.1.— Вологда, 1997.— С. 119—125.

7. Б а р а н о в а И. Д. Обзор документальных материалов Центрального музея вооруженных сил о деятельности Национального комитета «Свободная Германия» и Союза немецких офицеров // Трагедия плены: Сборник материалов Международной научно-практической конференции «Окончание войны, завершение деятельности НКСГ, СНО и начало репатриации военнопленных». Москва / Красногорск 31 октября — 2 ноября 1995 года.— Красногорск: Мемориальный музей немецких антифашистов, 1996.— С. 165—170.

8. Б а р а н о в а Н. В. К истории антифашисткой и оперативно-розыскной работы в советских лагерях военнопленных (1944—1949) // Российский исторический журнал.— 1998.— № 4.— С. 18—22.

9. Б а с и с т о в Ю. В. На языке правды. Политическая работа среди войск противника на Ленинградском фронте в годы Великой Отечественной войны.— Л., 1985.

10. Б а с и с т о в Ю. В. Пропаганда бывает белая, серая и черная. Психологическая борьба на фронтах Второй мировой войны // Петербургский час пик.— 1998.— 18 февраля.

11. Б е з ю м е н с к и й Л. А. Германские генералы — с Гитлером и без него.— М: Соцэкиз, 1961.— 368 с.

12. Б е р н и к о в Н. Н. За объективность и историческую точность // Трагедия плены: Сборник материалов Международной научно-практической конференции «Окончание войны, завершение деятельности НКСГ, СНО и начало репатриации военнопленных». Москва / Красногорск 31 октября — 2 ноября 1995 года.— Красногорск: Мемориальный музей немецких антифашистов, 1996.— С. 183—193.

13. Б е р н и к о в Н. Н. Некоторые особенности пропагандистской деятельности Национального комитета «Свободная Германия» и его место в движении Сопротивления гитлеризму // «За Германию — против Гитлера!»: Документы и материалы о создании и деятельности Национального комитета «Свободная Германия» и Союза немецких офицеров.— Москва / Красногорск: Мемориальный музей немецких антифашистов, 1993.— С. 16—26.

14. Б е р н и к о в Н. Н. Некоторые особенности пропагандистской деятельности Национального комитета «Свободная Германия» и его место в движении Сопротивления гитлеризму // НКСГ — 50 лет: Сборник материалов российско-германской научно-практической конференции. Москва / Красногорск 7—9 сентября 1993 г.— Красногорск: Мемориальный музей немецких антифашистов, 1994.— С. 166—174.

15. Б е р н и к о в Н. Н. Презентация книги «За Германию — против Гитлера!» // НКСГ — 50 лет: Сборник материалов российско-германской научно-практической конференции. Москва / Красногорск

7—9 сентября 1993 г.— Красногорск: Мемориальный музей немецких антифашистов, 1994.— С. 184—186.

16. Б е р н и к о в Н. Н. Пропагандистская деятельность НКСГ и СНО и их сотрудничество с политорганами Красной Армии во время войны в 1943—1945 гг. // Национальный комитет «Свободная Германия» и Союз немецких офицеров / Перевод издания Герда Р. Юбершера.— Красногорск: Мемориальный музей немецких антифашистов, 1996.— С. 104—111.

17. Б л а н к А. С. Движение «Свободная Германия» и Коммунистическая партия Германии // Вопросы истории КПСС.— 1962.— № 4.— С. 130—142.

18. Б л а н к А. С. КПГ в борьбе против фашистской диктатуры (1933—1945). — М.: Мысль, 1964. — 397 с.

19. Б л а н к А. С. Национальный комитет «Свободная Германия» — центр антифашистской борьбы немецких патриотов. 1943—1945.— Вологда: Кн. изд-во, 1963.— 93 с.

20. Б л а н к А. С. Прозрение фельдмаршала Паулюса // Волга.— 1976.— № 2.— С. 114—151.

21. Б л а н к А. С., Г о л о в а н ь В. И. Из истории антифашистской пропаганды политорганов Советской Армии среди военнослужащих гитлеровского вермахта (1941—1943 гг.) // Дружба и сотрудничество СССР и ГДР — яркое воплощение ленинских идей социалистического интернационализма.— Волгоград, 1974.— С. 68—74.

22. Б л а н к А. С., Л е в е л ь Б. Наша цель — свободная Германия. Из истории антифашистского движения «Свободная Германия» 1943—1945 гг.— М.: Мысль, 1969.— 293 с.

23. Б л а н к А. С., Х а в к и н Б. Л. Вторая жизнь фельдмаршала Паулюса.— М.: Патриот, 1990.— 206 с.

24. Б о р о з н я к А. И. Антифашистское движение Сопротивления: научное наследие А.С. Бланка и современные дискуссии в ФРГ // Уроки и проблемы изучения Второй мировой войны: Тезисы российской научно-практической конференции.— Вологда, 1995.— С. 16—19.

25. Б о р о з н я к А. И. Генерал-фельдмаршал Паульс: «Покончить с войной и насилием!» // Нестор: Историко-культурные исследования.— Вып. 2.— Воронеж, 1993.— С. 127—134.

26. Б о р о з н я к А. И. Генерал-фельдмаршал Фридрих Паульс: эволюция мировоззрения // НКСГ — 50 лет: Сборник материалов российско-германской научно-практической конференции. Москва / Красногорск 7—9 сентября 1993 г.— Красногорск: Мемориальный музей немецких антифашистов, 1994.— С. 75—80.

27. Б о р о з н я к А. И. Германское Сопротивление в трактовках отечественной исторической науки // Германия и Россия: События, образы, люди: Сборник российско-германских исследований.— 1998.— Вып. 1.— С. 160—180.

28. Б о р о з н я к А. И. История движения «Свободная Германия» в трактованиях российских и германских исследователей // Проблемы военного плена: история и современность: Материалы Международной научно-практической конференции 23—25 октября 1997 г. в г. Вологде. Ч.1.— Вологда, 1997.— С. 74—80.

29. Б о р о з н я к А. И. [Рец. на книгу] «За Германию — против Гитлера!»: Документы и материалы о создании и деятельности Национального комитета «Свободная Германия» и Союза немецких офицеров.— Москва / Красногорск: Мемориальный музей немецких антифашистов, 1993.] // Вопросы истории.— 1995.— № 3.— С. 168—170.

30. Б о р о з н я к А. И. Российская историография НКСГ // Вторая мировая война и преодоление тоталитаризма.— М.: Памятники исторической мысли, 1997.— С. 43—48.

31. Б о р о з н я к А. И. Советская и российская историография о НКСГ и СНО. 1943 — 1993 гг. // Национальный комитет «Свободная Германия» и Союз немецких офицеров / Перевод издания Герда Р. Юбершера.— Красногорск: Мемориальный музей немецких антифашистов, 1996.— С. 168—171.

32. Б о р о з н я к А. И., С м и р н о в Д. А. Вклад Берлинского мемориального центра «Германское сопротивление» в изучение истории Национального комитета «Свободная Германия» и Союза немецких офицеров // Трагедия войны — трагедия плена: Сборник материалов Международной научно-практической конференции, посвященной 55-летию образования антифашистских организаций военнопленных в СССР, проблемам и перспективам развития музея «Трагедия плена» / Мемориальный музей немецких антифашистов, Академия военных наук.— М., 1999.— С. 202—210.

33. Б р о д с к и й Е. А. Славная страница пролетарского интернационализма. Немецкие антифашисты в борьбе против гитлеризма.— М.: Мысль, 1980.— 270 с.

34. Б р о д с к и й Е. А. Это известно немногим.— Красногорск: Мемориальный музей немецких антифашистов, 1996.— 392 с.

35. Б р ю л ь Р., В о л ь ф В. Участие немецких антифашистов в вооруженной борьбе против фашизма // Вторая мировая война. Движение Сопротивления в Европе. Кн. 3.— М., 1965.

36. Б у л д а к о в А. А. Антифашистская деятельность Лутпольда Штайдле // НКСГ — 50 лет: Сборник материалов российско-германской научно-практической конференции. Москва / Красногорск 7—9 сентября 1993 г.— Красногорск: Мемориальный музей немецких антифашистов, 1994.— С. 133—134.

37. Б у н г е р т Х. «Сломить волю немцев к сопротивлению» (Англо-американские планы создания немецкого комитета как ответная мера на образование НКСГ) // Национальный комитет «Свободная Германия» и Союз немецких офицеров / Перевод издания Герда Р. Юбер-

шера.— Красногорск: Мемориальный музей немецких антифашистов, 1996.— С. 46—56.

38. Б у р ц е в М. И. Борьба за прозрение // Новая и новейшая история.— 1979.— № 4.— С. 71—91; № 5.— С. 77—98; № 6.— С. 70—92.

39. Б у р ц е в М. И. О влиянии НКСГ на послевоенное развитие Германии // Трагедия плены: Сборник материалов Международной научно-практической конференции «Окончание войны, завершение деятельности НКСГ, СНО и начало депатриации военнопленных». Москва / Красногорск 31 октября — 2 ноября 1995 года.— Красногорск: Мемориальный музей немецких антифашистов, 1996.— С. 31—36.

40. Б у р ц е в М. И. Спецпропаганда без тайн // Красная звезда.— 1990.— 12 октября.

41. Б у р ц е в М. И. Участие германских антифашистов в идеологической борьбе Советской Армии против гитлеровских захватчиков // Военно-исторический журнал.— 1969.— № 10.— С. 41—49.

42. В а р и н В. И. Опыт организации и проведения советской пропаганды среди немецко-фашистских войск в завершающей кампании 3-го периода Великой Отечественной войны (январь—май 1945 г.): Дис. ... канд. ист. наук.— М., 1963.

43. В и н ц е р О. 12 лет борьбы против фашизма и войны: Очерки по истории Коммунистической партии Германии в период с 1933 по 1945 гг. / Пер. с нем.— М.: Изд-во иностранной литературы, 1956.— 256 с.

44. В о льф В. На стороне Красной Армии. К деятельности Национального комитета «Свободная Германия» на советско-германском фронте с 1943 по 1945 гг. / Пер. с нем.— М.: Воениздат, 1976.— 264 с.

45. В с е в о л о д о в В. А. Взаимодействие полигонов Красной Армии и Национального комитета «Свободная Германия» в борьбе против фашизма (1943—1945 гг.): Дис. ... канд. ист. наук.— М., 1991.— 252 с.

46. В с е в о л о д о в В. А. Национальный комитет «Свободная Германия» в аспекте международных отношений (Некоторые проблемы историографии и источниковедения).— Депонир. в ИИОН АН СССР за № 45145 от 01.08.91.— 31 с.

47. В с е в о л о д о в В. А. НКСГ — в контексте истории, науки и политики // «За Германию — против Гитлера!»: Документы и материалы о создании и деятельности Национального комитета «Свободная Германия» и Союза немецких офицеров.— Москва / Красногорск: Мемориальный музей немецких антифашистов, 1993.— С. 27—30.

48. В с е в о л о д о в В. А. НКСГ — в свете истории, науки и политики // НКСГ — 50 лет: Сборник материалов российско-германской научно-практической конференции. Москва / Красногорск 7—9 сентября 1993 г.— Красногорск: Мемориальный музей немецких антифашистов, 1994.— С. 130—132.

49. В с е в о л о д о в В. А. «Образ врага» (К вопросу о характере советской пропаганды накануне и в период войны) // Трагедия плены:

Сборник материалов Международной научно-практической конференции «Окончание войны, завершение деятельности НКСГ, СНО и начало депатриации военнопленных». Москва / Красногорск 31 октября — 2 ноября 1995 года.— Красногорск: Мемориальный музей немецких антифашистов, 1996.— С. 144—147.

50. В с е в о л о д о в В. А. Осуждение немецкими военнопленными преступлений вермахта // Трагедия войны — трагедия плена: Сборник материалов Международной научно-практической конференции, посвященной 55-летию образования антифашистских организаций военнопленных в СССР, проблемам и перспективам развития музея «Трагедия плены» / Мемориальный музей немецких антифашистов, Академия военных наук.— М., 1999.— С. 242—262.

51. В с е в о л о д о в В. А. Подготовка пропагандистских кадров политорганов Красной Армии и немецких антифашистов для ведения работы по разложению немецко-фашистских войск.— Депонир. в ИНИОН АН СССР за № 45580 от 10.11.91.— 34 с.

52. В с е в о л о д о в В. А. Пропагандистская деятельность НКСГ и СНО (взгляд из Москвы) // Национальный комитет «Свободная Германия» и Союз немецких офицеров / Перевод издания Герда Р. Юбершера.— Красногорск: Мемориальный музей немецких антифашистов, 1996.— С. 112—122.

53. В с е в о л о д о в В. А., К у п ц о в а Н. С. 50-летие образования Национального комитета «Свободная Германия» // Новая и новейшая история.— 1994.— № 2.— С. 247—248.

54. Г а г л о в И. И. Пролетарский интернационализм в действии. Об идеино-политическом сотрудничестве советских и немецких коммунистов в годы Великой Отечественной войны // Вопросы истории КПСС.— 1984.— № 2.— С. 94—107.

55. Г а л и ц к и й В. П. Гитлеровцы против Гитлера. Создание антифашистского движения среди немецких военнопленных офицеров в 1941—1945 гг. // Военно-исторический журнал.— 1995.— № 1.— С. 18—25.

56. Г а л и ц к и й В. П. Роль немецких военнопленных офицеров в создании Национального комитета «Свободная Германия» в лагерях для военнопленных НКВД СССР // Трагедия войны — трагедия плены: Сборник материалов Международной научно-практической конференции, посвященной 55-летию образования антифашистских организаций военнопленных в СССР, проблемам и перспективам развития музея «Трагедия плены» / Мемориальный музей немецких антифашистов, Академия военных наук.— М., 1999.— С. 121—126.

57. Г а л и ц к и й В. П. Участие немецких военнопленных офицеров в антифашистском движении в плену СССР. 1941—1951 гг. // НКСГ — 50 лет: Сборник материалов российско-германской научно-практической конференции. Москва / Красногорск 7—9 сентября 1993 г.— Красногорск: Мемориальный музей немецких антифашистов, 1994.— С. 100—118.

58. Гинцберг Л. И. Борьба немецких патриотов против фашизма (1939—1945). — М.: Наука, 1987. — 334 с.
59. Гинцберг Л. И. Национальный комитет «Свободная Германия» и заговор 20 июля 1944 г. // НКСГ — 50 лет: Сборник материалов российско-германской научно-практической конференции. Москва / Красногорск 7—9 сентября 1993 г. — Красногорск: Мемориальный музей немецких антифашистов, 1994. — С. 86—96.
60. Гинцберг Л. И. Отважные борцы против фашизма (Борьба немецких антифашистов против гитлеровской тирании). — М.: Знание, 1984. — 64 с.
61. Гинцберг Л. И., Драбкин Я. С. Немецкие антифашисты в борьбе против гитлеровской диктатуры (1933—1945). — М.: Изд-во АН СССР, 1961. — 152 с.
62. Гончаров В. С. Политическая работа среди военнопленных в оперативном тылу действующей армии (По опыту Великой Отечественной войны 1941—1945): Дис. ... канд. ист. наук. — М., 1979.
63. Горыня В. Бывшие участники движения «Свободная Германия» в военных учреждениях ГДР // Трагедия плена: Сборник материалов Международной научно-практической конференции «Окончание войны, завершение деятельности НКСГ, СНО и начало депатриации военнопленных». Москва / Красногорск 31 октября — 2 ноября 1995 года. — Красногорск: Мемориальный музей немецких антифашистов, 1996. — С. 79—85.
64. Дащинский С. Н. Листовки политорганов Карельского фронта, Северного флота и партийных комитетов Мурманской области о боевых действиях в Советском Заполярье в годы Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.) // Вопросы истории Европейского Севера: Межвузовский сборник. — Петрозаводск, 1977. — С. 73—87.
65. Деренберг С. Участники немецкого движения Сопротивления в армиях антигитлеровской коалиции // Трагедия войны — трагедия плена: Сборник материалов Международной научно-практической конференции, посвященной 55-летию образования антифашистских организаций военнопленных в СССР, проблемам и перспективам развития музея «Трагедия плена» / Мемориальный музей немецких антифашистов, Академия военных наук. — М., 1999. — С. 126—136.
66. Ежова Г. В. Великая Отечественная война и антифашистское движение «Свободная Германия»: историко-сравнительный анализ российской и немецкой литературы: Дис. ... д-ра ист. наук. — СПб., 1998. — 402 с.
67. Ежова Г. В. Великая Отечественная война и движение «Свободная Германия». — СПб.: Нестор, 1998. — 202 с.
68. Ежова Г. В. Национальный комитет «Свободная Германия». Некоторые проблемы источниковедения и историографии: Дис. ... канд. ист. наук. — Л., 1987.

69. Е ж о в а Г. В. Немецкие антифашисты на фронтах Великой Отечественной войны: Учебное пособие.— СПб.: Нестор, 1998.— 50 с.
70. За антифашистскую демократическую Германию: Сборник документов 1945—1949 гг.— М.: Политиздат, 1969.— 704 с.
71. «За Германию — против Гитлера!»: Документы и материалы о создании и деятельности Национального комитета «Свободная Германия» и Союза немецких офицеров.— Москва / Красногорск: Мемориальный музей немецких антифашистов, 1993.— 512 с.
72. Зарождение народных армий стран-участниц Варшавского договора. 1941—1949 гг.— М.: Наука, 1975.— 391 с.
73. З е б р о в Д. К. Листовки Национального комитета «Свободная Германия» // Журналистика и жизнь. Вып. 4.— Л., 1975.
74. З е б р о в Д. К. Пропаганда немецких антифашистов среди солдат и офицеров фашистского вермахта на советско-германском фронте в 1941—1943 гг.: Дис. ... канд. ист. наук.— Л., 1972.— 297 с.
75. И ль м е - Т у х е ль Б. Комиссия по делам церкви при НКСГ // Национальный комитет «Свободная Германия» и Союз немецких офицеров / Перевод издания Герда Р. Юбершера.— Красногорск: Мемориальный музей немецких антифашистов, 1996.— С. 57—70.
76. К образованию Национального комитета «Свободная Германия» // Война и рабочий класс.— 1943.— № 56.— С. 6—8.
77. К а ш и н Р. Г. Образование НКСГ и дискуссии в средствах массовой информации Великобритании на завершающем этапе войны // Проблемы военного плена: история и современность: Материалы Международной научно-практической конференции 23—25 октября 1997 г. в г. Вологде. Ч.1.— Вологда, 1997.— С. 80—85.
78. К и р х н е р К. Власов против Сталина, Зейдлиц против Гитлера // Родина.— 1997.— № 8.— С. 72—74.
79. К и р х н е р К. Военные листовки // Родина.— 1996.— № 5.— С. 61—64.
80. К и р х н е р К. Листовки Национального комитета «Свободная Германия» // Трагедия плена: Сборник материалов Международной научно-практической конференции «Окончание войны, завершение деятельности НКСГ, СНО и начало депатриации военнопленных». Москва / Красногорск 31 октября — 2 ноября 1995 года.—Красногорск: Мемориальный музей немецких антифашистов, 1996.— С. 73—76.
81. Ко на с о в В. Б. «В душе у Сталина» // Эхо планеты.— 1994.— № 36.— С. 19—20.
82. Ко на с о в В. Б., Д з ю б а О. Фельдмаршал снова сдается // Эхо планеты.— 1995.— № 17.— С. 25—28.
83. Ко на с о в В. Б., П е т е л и н Б. В. Слово о книге «Национальный комитет “Свободная Германия” и Союз немецких офицеров» // Проблемы военного плена: история и современность: Материалы

Международной научно-практической конференции 23—25 октября 1997 г. в г. Вологде. Ч. 1.— Вологда, 1997. С. 104—111.

84. Ко насов В. Б., Петелин Б. В. Сопротивление и плен: Документы и материалы по истории антифашистского движения Сопротивления и военного плена в Германии и СССР. 1939—1955 гг.: Учебное пособие. Ч. 1.— Вологда: Изд-во Вологодского института развития образования, 2000. — 140 с.

85. Коруский А. Р. Опыт изучения политических взглядов солдат вермахта во время Великой Отечественной войны // Социологические исследования.— 1975.— № 46.— С. 171—177.

86. Котляр Л. К. Окончание Второй мировой войны, завершение деятельности Национального комитета «Свободная Германия», начало репатриации военнопленных // Трагедия плена: Сборник материалов Международной научно-практической конференции «Окончание войны, завершение деятельности НКСГ, СНО и начало репатриации военнопленных». Москва / Красногорск 31 октября — 2 ноября 1995 года.— Красногорск: Мемориальный музей немецких антифашистов, 1996.— С. 13—16.

87. Крайнюков К. В. Оружие особого рода.— М.: Воениздат, 1977.— 671 с.

88. Кром Э.-Г. Немецкий солдат в противоречии между субъективно понимаемым чувством долга и преступлением // Трагедия пленя: Сборник материалов Международной научно-практической конференции «Окончание войны, завершение деятельности НКСГ, СНО и начало репатриации военнопленных». Москва / Красногорск 31 октября — 2 ноября 1995 года.— Красногорск: Мемориальный музей немецких антифашистов, 1996.— С. 141—143.

89. Купеников А. А. Восстание совести // «За Германию — против Гитлера!»: Документы и материалы о создании и деятельности Национального комитета «Свободная Германия» и Союза немецких офицеров. — Москва / Красногорск: Мемориальный музей немецких антифашистов, 1993.— С. 6—15.

90. Купеников А. А. Восстание совести // НКСГ — 50 лет: Сборник материалов российско-германской научно-практической конференции. Москва / Красногорск 7—9 сентября 1993 г.— Красногорск: Мемориальный музей немецких антифашистов, 1994.— С. 45—51.

91. Купеников А. А. Политическая обстановка как мотивация патриотической борьбы НКСГ и СНО против Гитлера // Национальный комитет «Свободная Германия» и Союз немецких офицеров / Перевод издания Герда Р. Юбершера.— Красногорск: Мемориальный музей немецких антифашистов, 1996.— С. 96—103.

92. Кюгельген фон Б. В чем состоят успехи Национального комитета и Союза немецких офицеров? // Трагедия пленя: Сборник материалов Международной научно-практической конференции «Окончание войны, завершение деятельности НКСГ, СНО и начало

репатриации военнопленных». Москва / Красногорск 31 октября — 2 ноября 1995 года.— Красногорск: Мемориальный музей немецких антифашистов, 1996.— С. 37—40.

93. Л а п т е в а М. П. К вопросу о политической культуре немецких военнопленных // Проблемы военного плена: история и современность: Материалы Международной научно-практической конференции 23—25 октября 1997 г. в г. Вологде. Ч.1.— Вологда, 1997.— С. 116—119.

94. Л е в е л ь Б. Движение «Свободная Германия» и его роль в развертывании антифашистской борьбы немецкого народа (1943—1945 гг.): Дис. ... канд. ист. наук.— М., 1960.— 382 с.

95. М а р к о в ч и н В. В. Фельдмаршал Паулюс: от Гитлера к Сталину.— М.: Детектив — Пресс, 2000.— 320 с.

96. М е р ц а л о в а Л. А. Немецкое антифашистское Сопротивление в освещении современной западно-германской исторической литературы: Дис. ... канд. ист. наук.— М., 1979.

97. М е р ц а л о в а Л. А. Немецкое Сопротивление в историографии ФРГ.— М.: Наука, 1990.— 222 с.

98. М и х а й л о в Г. С. Вклад Национального комитета «Свободная Германия» и Союза немецких офицеров в военное поражение фашистской Германии // НКСГ — 50 лет: Сборник материалов российско-германской научно-практической конференции. Москва / Красногорск 7—9 сентября 1993 г.— Красногорск: Мемориальный музей немецких антифашистов, 1994.— С. 61—63.

99. М о р р е Й. Институт 99 (К вопросу о входжения НКСГ в административные структуры СССР) // Национальный комитет «Свободная Германия» и Союз немецких офицеров / Перевод издания Герда Р. Юбершера. — Красногорск: Мемориальный музей немецких антифашистов, 1996. — С. 123 — 130.

100. М у х а м е д ж а н о в М. М. Самоликвидация или роспуск НКСГ и СНО? // Трагедия плены: Сборник материалов Международной научно-практической конференции «Окончание войны, завершение деятельности НКСГ, СНО и начало репатриации военнопленных». Москва / Красногорск 31 октября — 2 ноября 1995 года.— Красногорск: Мемориальный музей немецких антифашистов, 1996.— С. 54—58.

101. «Мы здесь гости Рокоссовского». Контрразведчик о жизни Паулюса в плену // Источник.— М., 1995.— № 2.— С. 123—130.

102. М ю л л е р - Э н б е р г с Г. Манифест НКСГ от 13 июля 1943 г. (инициатива, авторство и цели) // Национальный комитет «Свободная Германия» и Союз немецких офицеров / Перевод издания Герда Р. Юбершера.— Красногорск: Мемориальный музей немецких антифашистов, 1996.— С. 85—95.

103. Наши жертвы были не напрасны: Немецкие коммунисты в борьбе против фашизма и войны. 1933—1945. Том 2 / Пер. с нем.— М.: Политиздат, 1988.— 413 с.

104. Неизвестный проект фельдмаршала Паулюса: «Большая часть военнопленных пополнит ряды социалистической единой партии Германии» / Публ. подгот. Л.Е. Решин // Источник.— М., 1994.— № 3.— С. 103—107.
105. «Новая Германия не может существовать без помощи СССР» / Публ. подгот. Л. Бабиченко // Источник.— М., 1996.— № 1.— С. 48—61.
106. Оружием правды: Листовки к войскам и населению противника, изданные политорганами Советской Армии во время Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.).— М.: Воениздат, 1971.
107. Особый фронт.— М.: Воениздат, 1986.
108. П а п а д о п о у л о с - К и л л и у с Р. «Есть две Германии...» (Из бесед Роземари Пападопоулос-Киллиус с очевидцами событий и участниками НКСГ) // Национальный комитет «Свободная Германия» и Союз немецких офицеров / Перевод издания Герда Р. Юбершера.— Красногорск: Мемориальный музей немецких антифашистов, 1996.— С. 185—202.
109. Первая конференция пленных младших командиров немецкой армии // Правда. — 1942. — 19 марта.
110. П е т е л и н Б. В. Деятельность Национального комитета «Свободная Германия» в исторических трудах А.С. Бланка // НКСГ — 50 лет: Сборник материалов российско-германской научно-практической конференции. Москва / Красногорск 7—9 сентября 1993 г.— Красногорск: Мемориальный музей немецких антифашистов, 1994.— С. 123—129.
111. П о г р е б н о й Н. Г. Деятельность немецких антифашистов в Советском Союзе в годы Великой Отечественной войны: Дис. ... канд. ист. наук.— Киев, 1964. — 311 с.
112. П о г р е б н о й Н. Г. Участие немецких антифашистов в боях против гитлеровских захватчиков в годы Великой Отечественной войны // Украинский исторический журнал.— 1964.— № 2.— С. 64—69.
113. Под знаком Красной Звезды / Пер. с нем.— М.: Прогресс, 1977.— 448 с.
114. Псевдоним — «Свобода»: Из истории организаций, созданных для разложения войск и тыла противника. 1943—1944 гг. / Публ. подгот. Л.Е. Решин // Исторический архив.— 1994.— № 5.— С. 136—164.
115. Р а к о в Г. И. Политическая работа среди войск противника в период окружения и ликвидации немецко-фашистской группировки под Сталинградом (ноябрь 1942 — февраль 1943): Дис. ... канд. ист. наук.— М., 1957.
116. Р е ш и н Л. Е. Агентурно-политические организации из военнопленных на советско-германском фронте 1941—1945 гг. // Проблемы военного пленя: история и современность: Материалы Международной научно-практической конференции 23—25 октября 1997 г. в г. Вологде. Ч.1.— Вологда, 1997.— С. 85—92.
117. Р ё ш и н Л. Е. Генерал артиллерии Вальтер Александр фон Зайдлиц в советском плену. 1943—1955 гг. // НКСГ — 50 лет: Сборник

материалов российско-германской научно-практической конференции. Москва / Красногорск 7—9 сентября 1993 г.— Красногорск: Мемориальный музей немецких антифашистов, 1994.— С. 175—183.

118. Р е ш и н Л. Е. Генерал фон Зайдлиц, СНО и вопрос о немецкой освободительной армии // Национальный комитет «Свободная Германия» и Союз немецких офицеров / Перевод издания Герда Р. Юбершера.— Красногорск: Мемориальный музей немецких антифашистов, 1996.— С. 209—223.

119. Р е ш и н Л. Е. Инициатива советского руководства по распуску Национального комитета «Свободная Германия» и Союза немецких офицеров. Сентябрь — ноябрь 1945 года // Трагедия плена: Сборник материалов Международной научно-практической конференции «Окончание войны, завершение деятельности НКСГ, СНО и начало депатриации военнопленных». Москва / Красногорск 31 октября — 2 ноября 1995 года.— Красногорск: Мемориальный музей немецких антифашистов, 1996.— С. 46—50.

120. Р е ш и н Л. Е. Как из Паулюса Власова делали // Совершенно секретно.— 1996.— № 5.— С. 12—13.

121. Р е ш и н Л. Е. О привлечении пленного генерал-фельдмаршала Фридриха Паулюса к деятельности Национального комитета «Свободная Германия» и Союза немецких офицеров (1943—1944) // Трагедия плена: Сборник материалов Международной научно-практической конференции «Окончание войны, завершение деятельности НКСГ, СНО и начало депатриации военнопленных». Москва / Красногорск 31 октября — 2 ноября 1995 года.— Красногорск: Мемориальный музей немецких антифашистов, 1996.— С. 50—54.

122. Р е ш и н Л. Е. Усилия по привлечению генерал-фельдмаршала Паулюса к работе в НКСГ и СНО в зеркале московских документов // Национальный комитет «Свободная Германия» и Союз немецких офицеров / Перевод издания Герда Р. Юбершера.— Красногорск: Мемориальный музей немецких антифашистов, 1996.— С. 224—234.

123. Р е ш и н Л. Е. Фон Зайдлиц против Гитлера // Кентавр.— 1995.— № 3.— С. 69—81.

124. Р у к а в и ц ы н П. М. Взаимодействие НКСГ и СНО с организациями спецпропаганды // НКСГ — 50 лет: Сборник материалов российско-германской научно-практической конференции. Москва / Красногорск 7—9 сентября 1993 г.— Красногорск: Мемориальный музей немецких антифашистов, 1994.— С. 97—99.

125. Р ы к и н В. С. [Рец. на кн.: Бродский Е.А. Это известно немногим.— Красногорск: Мемориальный музей немецких антифашистов, 1996.— 392 с.] // Новая и новейшая история.— 1997.— № 5.— С. 240—242.

126. С а п о ж н и к о в а Г. Н. Национальный комитет «Свободная Германия» и антифашистское движение в концлагерях Германии // НКСГ — 50 лет: Сборник материалов российско-германской научно-

практической конференции. Москва / Красногорск 7—9 сентября 1993 г.—Красногорск: Мемориальный музей немецких антифашистов, 1994.—С. 119—122.

127. Селезнев И. А. Война и идеологическая борьба.—М.: Воениздат, 1974.—238 с.

128. Селезнев К. Л. Геноссе политрук Артур Пик // Новая и новейшая история.—1985.—№ 2.—С. 113—127.

129. Смирнов Д. А. Берлинский Мемориальный центр «Германское Сопротивление» // Германия и Россия: события, образы, люди: Материалы Международной научной конференции.—Вып. 3.—Воронеж, 2000.—С. 174—184.

130. Смирнов Д. А. Берлинский Мемориальный центр «Германское Сопротивление»: общественно-политическая и научная деятельность: Дис. ... канд. ист. наук.—Воронеж, 2000.

131. Смирнов Д. А. Современные концепции истории германского Сопротивления // Вехи минувшего: Ученые записки исторического факультета ЛГПИ.—Вып. 1.—Липецк, 1999.

132. «Союз немецких офицеров». Немецкие военнопленные на советско-германском фронте // Источник.—1993.—№ 0.—С. 86—106.

133. Тестов Л. В. Репатрированные немецкие военнопленные и антифашистские традиции в послевоенной Германии // Проблемы военного плена: история и современность: Материалы Международной научно-практической конференции 23—25 октября 1997 г. в г. Вологде. Ч. 1.—Вологда, 1997.—С. 99—104.

134. Фай Р. Акции гитлеровского фашизма, направленные против НКСГ и СНО // Трагедия плены: Сборник материалов Международной научно-практической конференции «Окончание войны, завершение деятельности НКСГ, СНО и начало репатриации военнопленных». Москва / Красногорск 31 октября — 2 ноября 1995 года.—Красногорск: Мемориальный музей немецких антифашистов, 1996.—С. 92—96.

135. Фай Р. Решающий час. Фронтовая организация Национального комитета «Свободная Германия» // Трагедия войны — трагедия плены: Сборник материалов Международной научно-практической конференции, посвященной 55-летию образования антифашистских организаций военнопленных в СССР, проблемам и перспективам развития музея «Трагедия плены» / Мемориальный музей немецких антифашистов, Академия военных наук.—М., 1999.—С. 118—121.

136. Фоглер Я. Г. [Рец. на кн.: «За Германию — против Гитлера!»: Документы и материалы о создании и деятельности Национального комитета «Свободная Германия» и Союза немецких офицеров.—Москва / Красногорск: Мемориальный музей немецких антифашистов, 1993.—512 с.] // Новая и новейшая история.—1995.—№ 4.—С. 229—231.

137. Фризэр К.-Х. Национальный комитет «Свободная Германия»: «Война за колючей проволокой» в советских лагерях для

военнопленных // Вторая мировая война: Дискуссии, основные тенденции, результаты исследований / Под ред. В. Михалки.— М., 1996.— С. 576—587.

138. Хайдер П. НКСГ и СНО в историографии ГДР и «Комитет бывших офицеров» // Национальный комитет «Свободная Германия» и Союз немецких офицеров / Перевод издания Герда Р. Юбершера.— Красногорск, 1996.— С. 149—167.

139. Хилько Б. В. Организация психологической борьбы с войсками противника в ходе Сталинградской битвы // Сталинградская битва: Материалы научных конференций, прошедших в Москве и Волгограде к 50-летию сражения.— Волгоград, 1994.

140. Черкасов Н. С. Проблемы немецкого антифашистского движения Сопротивления в историографии ФРГ // Методологические и историографические вопросы исторической науки. Вып. 3.— Томск, 1965.

141. Шаур Г.-Э. Образование Национального комитета «Свободная Германия» // Трагедия войны — трагедия плена: Сборник материалов Международной научно-практической конференции, посвященной 55-летию образования антифашистских организаций военнопленных в СССР, проблемам и перспективам развития музея «Трагедия плена» / Мемориальный музей немецких антифашистов, Академия военных наук.— М., 1999.— С. 116—118.

142. Шевченко А. М. Национальный комитет «Свободная Германия» в действии // Ежегодник германской истории.— М.: Наука, 1974.— С. 402—410.

143. Шилинцев Н. На стороне Красной Армии (О деятельности антифашистской организации в период Великой Отечественной войны) // Коммунист Молдавии.— 1984.— № 8.— С. 48—52.

144. Штайнбах П. Между предательством и сопротивлением (Спор вокруг НКСГ и СНО — как историко-политический симптом на презентации экспозиции Мемориала Немецкого Сопротивления) // Национальный комитет «Свободная Германия» и Союз немецких офицеров / Перевод издания Герда Р. Юбершера.— Красногорск: Мемориальный музей немецких антифашистов, 1996.— С. 11—26.

145. Штайнбах П., Юбершер Г. Историография о НКСГ и СНО в Федеративной Республике Германия и западных странах // Национальный комитет «Свободная Германия» и Союз немецких офицеров / Перевод издания Герда Р. Юбершера.— Красногорск: Мемориальный музей немецких антифашистов, 1996.— С. 131—148.

146. Штаркулла Х. О распространении листовок НКСГ // Национальный комитет «Свободная Германия» и Союз немецких офицеров / Перевод издания Герда Р. Юбершера.— Красногорск: Мемориальный музей немецких антифашистов, 1996.— С. 203—208.

147. Штейдле Л. Национальный комитет «Свободная Германия» и его роль в борьбе против германского империализма // Германский им-

периализм и Вторая мировая война: Материалы научной конференции и комиссии историков СССР и ГДР в Берлине (14—19 декабря 1959 г.) / Пер. с нем.— М.: Изд-во иностранной литературы, 1961.— С. 337—345.

148. Ю б е р ш е р Г. Р. Значение битвы под Сталинградом для немецкого движения Сопротивления и для НКСГ/СНО // НКСГ — 50 лет: Сборник материалов российско-германской научно-практической конференции. Москва / Красногорск 7—9 сентября 1993 г.— Красногорск: Мемориальный музей немецких антифашистов, 1994.— С. 52—60.

149. Ю б е р ш е р Г. Р. Избранные документы о НКСГ и СНО // Национальный комитет «Свободная Германия» и Союз немецких офицеров / Перевод издания Герда Р. Юбершера.— Красногорск: Мемориальный музей немецких антифашистов, 1996.— С. 248—283.

150. Ю б е р ш е р Г. Р. НКСГ и СНО в борьбе против Гитлера 1943—1945 гг. // Национальный комитет «Свободная Германия» и Союз немецких офицеров / Перевод издания Герда Р. Юбершера.— Красногорск: Мемориальный музей немецких антифашистов, 1996.— С. 27—45.

151. Ю б е р ш е р Г. Р. НКСГ и СНО в новой историографии Федеративной Республики Германия // Германия и Россия: события, образы, люди: Материалы международной научной конференции «Россия и Германия: опыт и уроки отношений в XIX—XX вв.». Вып. 3.— Воронеж, 2000.— С. 137—144.

152. Ю б е р ш е р Г. Р. НКСГ и СНО в новой историографии Федеративной Республики Германия // Трагедия плена: Сборник материалов Международной научно-практической конференции «Окончание войны, завершение деятельности НКСГ, СНО и начало депатриации военнопленных». Москва / Красногорск 31 октября — 2 ноября 1995 года.— Красногорск: Мемориальный музей немецких антифашистов, 1996.— С. 40—46.

153. Я к у ш е в с к и й А. С. Участие Национального комитета «Свободная Германия» в пропаганде среди немецко-фашистских войск // НКСГ — 50 лет: Сборник материалов российско-германской научно-практической конференции. Москва / Красногорск 7—9 сентября 1993 г.— Красногорск: Мемориальный музей немецких антифашистов, 1994.— С. 81—85.

154. B e c h l e r B. Das Nationalkomitee "Freies Deutschland" im Kampf gegen Faschismus und Krieg. Zum zwanzigsten Jahrestag der Gründung des Nationalkomitee // Militärwesen.— 1963.— № 7.— S. 849—858.

155. B e c h l e r B. Das Nationalkomitee "Freies Deutschland" — nationales Zentrum des antifaschistischen Widerstandskampfes. Zum 25. Jahrestag der Gründung des Nationalkomitees "Freies Deutschland" // Militärwesen.— 1968.— № 12.— S. 883—892.

156. B e l z W. Deutsche gegen Hitler // Herrschaft und Gesellschaft im NS-Staat.— Frankfurt-Main, 1990.— S. 180—186.

157. B e l z W. Soldat gegen Hitler. Ein Antikriegsbuch.— Köln, 1987.

158. Bernikow N. N. Die propagandistische Tätigkeit des Nationalkomitees "Freies Deutschland" // Mitteilungsblatt der Arbeitsgemeinschaft ehemaliger Offiziere.— 1968.— № 7.— S. 11—14.
159. Blank A. Die deutsche antifaschistische Widerstandsbewegung im Lichte der sowjetischen Geschichtsschreibung // Zeitschrift für Geschichtswissenschaft.— 1965.— № 13.— S. 538—540.
160. Blank A. Die Zusammenkunft Wilhelm Piecks mit kriegsgefangenen Generalen und Offizieren der Hitlerwehrmacht in Susdal // Beiträge zur Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung.— 1963.— № 5.— S. 675—678.
161. Blank A. Unter kriegsgefangenen deutschen Offizieren im Lager Susdal // Mitteilungsblatt der Arbeitsgemeinschaft ehemaliger Offiziere.— 1969.— № 8.— S. 5—8; 1969.— № 9.— S. 7f.; 1969.— № 11.— S. 6—8.
162. Braginski J. S., Doernberg S. Im Kampf gegen Krieg und Faschismus. Zum 30. Jahrestag der Gründung des Nationalkomitees "Freies Deutschland" 1943 // Einheit.— 1973.— № 8.— S. 975—986.
163. Brühl R. Das Nationalkomitee "Freies Deutschland" und seine militärpolitische Bedeutung // Das Nationalkomitee "Freies Deutschland".— Potsdam, 1963.— S. 9—48.
164. Burzew M. I. Deutsche Antifaschisten an der Seite der Roten Armee im Großen Vaterländischen Krieg der Sowjetunion. Gedanken und Erinnerungen // Zeitschrift für Militärgeschichte.— 1969.— № 8.— S. 416—431.
165. Burzew M. I. Mit Wilhelm Pieck in den Tagen des Zweiten Weltkriegs // Mitteilungsblatt der Arbeitsgemeinschaft ehemaliger Offiziere.— 1971.— № 10.— S. 339—347.
166. Carnes D. - J. General zwischen Hitler und Stalin. Das Schicksal des Walter von Seydlitz. Aus dem Englischen von Dr. Friedrich Forstmeier.— Düsseldorf, 1980.
167. Charisius E. Die Arbeit des Nationalkomitees "Freies Deutschland" an der Front // Mitteilungsblatt der Arbeitsgemeinschaft ehemaliger Offiziere.— 1963.— № 7.— S. 7—9.
168. Das Nationalkomitee "Freies Deutschland" und der Bund Deutscher Offiziere / Hrsg. G.R. Überschär.— Frankfurt-Main: Fischer Taschenbuch Verlag, 1995.
169. Das Nationalkomitee "Freies Deutschland" und seine militärpolitische Bedeutung. Protokoll der Konferenz des Instituts für deutsche Militärgeschichte am 27—28 März 1963.— Potsdam.
170. Der antifaschistische Widerstandskampf der KPD im Spiegel des Flugblattes.— Berlin, 1978.
171. Deutsche, wohin? Protokolle der Gründungsversammlung des Nationalkomitees "Freies Deutschland" und des Bundes deutscher Offiziere. (Hrsg.: Latein-Amerikanisches Komitee der Freien Deutschen).— Mexiko, 1944.

172. Die Front war überall. Erlebnisse und Berichte vom Kampf des Nationalkomitees "Freies Deutschland" / Hrsg. von Else und Bernt Kügelgen (2. Stark erw. Aufl.).— Berlin, 1963.
173. Diener D. Antifaschistische Weltanschauung // Diener D. Kreislaufe Nationalsozialismus und Gedächtnis.— Berlin, 1995.— S. 77—95.
174. Diesenner G. Unterrichtsmaterial zur deutschen Geschichte an der Antifa-Schule Krasnogorsk // Beiträge zur Geschichte der Arbeiterbewegung.— 1985.— № 2.
175. Dörrberg S. Der historische Platz des Nationalkomitees "Freies Deutschland" // Einheit.— 1973.— № 8.— S. 975—986.
176. Durchstehen nach dem Kampf.— Bonn, 1965.
177. Dusek H. H. Die Flugblätter des Nationalkomitees "Freies Deutschland" 1943—1945 // Jahresbibliographie der Bibliothek für Zeitgeschichte, 1985.
178. Eidermann W. Die Antifaschule. Erinnerungen an eine Frontschule der Roten Armee.— Berlin: Dietz, 1985.
179. Einsiedel H. G. Das Nationalkomitee — 50 Jahre danach // НКСГ — 50 лет: Сборник материалов российско-германской научно-практической конференции. Москва / Красногорск 7—9 сентября 1993 г.— Красногорск: Мемориальный музей немецких антифашистов, 1994.— С. 7—44.
180. Einsiedel H. G. Die Freiheit sollte aus Moskau kommen. Zum Dokumentarspiel "Das Haus Lunjowo". Gespräch mit Graf Einsiedel über das Nationalkomitee "Freies Deutschland" // Süddeutsche Zeitung vom 29. 1. 1970.— S. 10.
181. Einsiedel H. G. Verlorene Siege der Vernunft. Zum 25. Jahrestag des "Bund Deutscher Offiziere" // Vorwärts vom 12. 9. 1968.— S. 13.
182. Einsiedel H. G. Tagebuch der Versuchung 1942—1950.— Frankfurt-Main — Berlin — Wien, 1985.
183. Endörfer M. Damals und heute. Das Nationalkomitees "Freies Deutschland" — ein Beispiel erfolgreicher Bündnispolitik // Mitteilungsblatt der Arbeitsgemeinschaft ehemaliger Offiziere.— 1964.— № 7.— S. 10—13.
184. Endörfer M. Die Offiziere im Nationalkomitee "Freies Deutschland" und ich // Mitteilungsblatt der Arbeitsgemeinschaft ehemaliger Offiziere.— 1968.— № 7.— S. 6—8.
185. Endörfer M. Vor 20 Jahren scheiterte Hitlers Unternehmen "Zitadelle". Eine Erinnerung an die Frontarbeit des Nationalkomitees "Freies Deutschland" // Mitteilungsblatt der Arbeitsgemeinschaft ehemaliger Offiziere.— 1963.— № 9.— S. 14—16.
186. Endörfer M. Rückkehr an die Front. Erlebniss eines deutschen Antifaschisten.— Berlin: Militärverlag der DDR, 1972.
187. "Er traute den Sowjets zu sehr". General von Seydlitz: Verräter oder Widerstandskämpfer (Interview Walter Reißig mit Wilhelm Wilde von Wildemann) // Der Heimkehrer vom 15. 2. 1978.— S. 5.

188. First Conference of German Prisoners of War, Privates und Noncommissioned Officers in the Sowjet-Union (Foreign Language Publication House). — Moskau, 1941.
189. Fischer A. Die Bewegung "Freies Deutschland" in der Sowjetunion: Widerstand hinter Stacheldraht? // Der Widerstand gegen den Nationalsozialismus / Hrsg. J. Schmadeke, P. Steinbach.— München, 1985.
190. Flugblätter des Nationalkomitees "Freies Deutschland". Ausstellungskataloge 36. Ausstellung 29. September — 2. November 1989. Staatsbibliothek Preussischer Kulturbesitz.— Berlin, 1989.
191. Frieser K. - H. Krieg hinter Stacheldraht. Die deutschen Kriegsgefangenen in der Sowjetunion und das Nationalkomitee "Freies Deutschland".— Mainz: v. Hase&Koehler Verlag, 1981.
192. Genthen F. H. Die Ostpolitik des Nationalkomitees "Freies Deutschland" und ihre Traditionen // Mitteilungsblatt der Arbeitsgemeinschaft ehemaliger Offiziere.— 1963.— № 10.— S. 8—10.
193. Gestapo-Berichte über den antifaschistischen Widerstandskampf der KPD 1943—1945. B. 3: (September 1943 bis Anfang 1945).— Berlin: Diezt Verlag, 1990.
194. Giulini U. Stalingrad und mein zweites Leben.— Neustadt a. d. Weinstraße, 1978.
195. Gosztony P. Porträt eines deutschen Generals. General der Artillerie Walter von Seydlitz-Kurzbach. // Allgemeine schweizerische Militärzeitschrift.— 1971.— № 137.— H. 7.
196. Görilitz W. Paulus und Stalingrad. Lebensweg des Generalfeldmarschalls Friedrich Paulus.— Frankfurt-Main, 1964.
197. Grubbom G. Zwischen Widerstand und Verrat Der Fall Seydlitz vor dem Reichskriegsgericht // Europäische Wehrkunde.— 1977.— № 26.
198. Groehler O. Das Nationalkomitee "Freies Deutschland" und die Westmächte // Mitteilungsblatt der Arbeitsgemeinschaft ehemaliger Offiziere.— 1963.— № 8.— S. 10—13.
199. Hammacher G. Als Frontbeauftragter des Nationalkomitees "Freies Deutschland" im Einsatz // Zeitschrift für Militärgeschichte.— 1968.— № 7.— S. 355—369.
200. Hans R. Deutsche Opposition gegen Hitler. Neue erw. Auflage.— Frankfurt-Main, 1958.
201. Heider P. Zum Rußlandbild im NKFD und BDO // Das Rußlandbild im Dritten Reich / Hrsg. v. H.-E. Volkman.— Köln— Weimar — Wien, 1994.
202. Heilbrunn O. Der Sowjetische Geheimdienst.— Frankfurt-Main, 1956.
203. Heinz M. Kampftage in Berlin. Ein deutscher Antifaschist und Internationalist berichtet.— Berlin, 1973.
204. Im Bunde mit dem Feind. Deutsche auf alliierter Seite / Hrsg. v. Stefan Doernberg.— Berlin, 1965.

205. K e h l e r E. Einblicke und Einsichten. Errinnerungen.— Berlin, 1989.
206. K e r n E. Verrat an Deutschland — Spione und Saboteure gegen das eigene Vaterland.— Göttingen, 1963.
207. K e s s l e r H. Das NKFD im Traditionsbild der NVA // Militärgeschichte.— 1973.— № 12.
208. K i e ß l i c h - K ö c h e r H. Die Nutzung deutscher Kriegsgefangenen für die Flugblattpropaganda durch die Sowjetarmee // Проблемы военного плена: история и современность: Материалы Международной научно-практической конференции 23—25 октября 1997 г. в г. Вологде. Ч.1.— Вологда, 1997.— С. 111—116.
209. K i r c h n e r K. Darstellung der Lebensumstände deutscher Kriegsgefangene auf sowjetischen Kriegsflugblättern 1941—1945 // Проблемы военного плена: история и современность: Материалы Международной научно-практической конференции 23 — 25 октября 1997 г. в г. Вологде. Ч.1.— Вологда, 1997.— С. 92—99.
210. K i r c h n e r K. Flugblattpropaganda im 2 Weltkrieg. Band 15. Flugblätter aus der UdSSR.— Erlangen, 1996.
211. K i r c h n e r K. Zur geplanten Gesamtedition der Flugblätter des Nationalkomitees "Freies Deutschland" // НКСГ — 50 лет: Сборник материалов российско-германской научно-практической конференции. Москва / Красногорск 7—9 сентября 1993 г.— Красногорск: Мемориальный музей немецких антифашистов, 1994.— С. 147—165.
212. K l a u s c h H. - P. Antifaschisten in SS-Uniform. Schicksal und Widerstand der deutschen politischen KZ-Häftlinge, Zuchthaus- und Wehrmachtstrafgefangenen in der SS-Sonderformation Dirlewanger. Edition Temmen.— Bremen, 1993.
213. K n i t t e l F. Die KPD — die einzige führende und organisierende Kraft des antifaschistischen Widerstandskampfes in Deutschland. 1933—1945 // Zeitschrift für Geschichtswissenschaft.— 1958.
214. K o r f e s O. Das Nationalkomitees "Freies Deutschland" / Juni 1941: Beiträge zur Geschichte des hitlerfaschistischen Überfalls auf die Sowjetunion.— Berlin, 1961.
215. K ü g e l g e n von B. Die Front war überall. Erlebnisse und Berichte vom Kampf des Nationalkomitees "Freies Deutschland".— Berlin: Nation, 1968.
216. K ü g e l g e n von B. Die Nacht der Entscheidung.— Köln, 1984.
217. L a n g h o f f W. Die Bewegung "Freies Deutschland" und Ihre Ziele.— Zürich, 1945.
218. L e w e r e n z H. Am Kessel von Korzun. Vom Einsatz des Nationalkomitees "Freies Deutschland"// Mitteilungsblatt der Arbeitsgemeinschaft ehemaliger Offiziere.— 1969.— № 2.— S. 8—11.
219. L e w e r e n z H. Zum Entstehen des "Bundes deutscher Offiziere" // Zeitschrift für Militärgeschichte.— 1963.— № 2.— S. 167—179.

220. L e w e r e n z H. Zur Entstehungsgeschichte des "Bundes deutscher Offiziere" // Mitteilungsblatt der Arbeitsgemeinschaft ehemaliger Offiziere.— 1963.— № 10.— S. 11—14.
221. L e y e n d e c k e r J. Von der Anpassung bis zur Huldigung — Der Einfluß der Antifa // Ich habe geweint vor Hunger. Deutsche und russische Gefangene in Lagern des zweiten Weltkrieges / Hrsg. v. D. Bach, J. Leyendecker.— Wuppertal, 1993.— S. 136—140.
222. L ö m m e l B. Die Gründung des NKVD im Lichte der Entwicklung der Strategie und Taktik der KPD // Beiträge zur Geschichte der Arbeiterbewegung.— 1963.
223. M a r t e n s H. General von Seydlitz 1942—1945. Analyse eines Konfliktes. - Berlin, 1971.
224. M ü l l e r — E n b e r g s H. Ein Aspekt zur Vorgeschichte des Nationalkomitee Freies Deutschland // НКСГ — 50 лет: Сборник материалов российско-германской научно-практической конференции. Москва / Красногорск 7—9 сентября 1993 г.— Красногорск: Мемориальный музей немецких антифашистов, 1994.— С. 64—72.
225. Museum deutscher Antifaschisten.— Moskau, 1987.
226. O t t o E. Die Antifa-Schule Talizy // Kriegsgefangenschaft. Berichte über das Leben in Gefangenengelagern der Alliierten von Otto Engelbert, Kurt Glaser, Hans Jonitz und Heinz Pust / Hrsg. W. Benz und A. Schardt.— München, 1991.— S. 65—85.
227. Paulus und Stalingrad. Lebensweg des Generalfeldmarschalls Friedrich Paulus.— Frankfurt-Main, 1964.
228. P e c h K. An der Seite der Resistance. Zum Kampf der Bewegung "Freies Deutschland" für den Westen in Frankreich (1943—1945).— Berlin, 1974.
229. P e c h K., D i e s s e n e r G. Zur Entstehung und zum Wirken der Bewegung "Freies Deutschland" // Zeitschrift für Geschichtswissenschaft.— 1988.— № 7.
230. P e t r i c k B. "Freies Deutschland" — die Zeitung des Nationalkomitees "Freies Deutschland" (1943—1945).— München, 1979.
231. P i k a r s k i M., U e b e l G. Die KPD lebt! Flugblätter aus dem antifaschistischen Widerstandskampf 1933—1945.— Berlin, 1980.
232. P u t t k a m m e r J. Irrtum und Schuld. Geschichte des Nationalkomitees "Freies Deutschland".— Neuwied — Berlin, 1948.
233. Q u i t t n e r G. Weiter Weg nach Krasnogorsk.— Wien — München — Zürich, 1971.
234. R e n t z s c h H. Ich hörte seine Stimme zum erstenmal an der Wolga. Begegnung mit Walter Ulbricht bei dessen Tätigkeit im Nationalkomitee "Freies Deutschland" // Volksarmee.— 1963.— № 3.— S. 4—6.
235. R e n t z s c h H. Mein Weg zum Frontbeauftragten des Nationalkomitees "Freies Deutschland" // Im Kampf bewährt.— Berlin, 1969.— S. 367—417.

236. R e s i n L. Geheimdienstlich-politische Kriegsgefangenenorganisationen an der sowjetisch-deutschen Front 1941 bis 1945: NKFD, BDO, Wlassow-Bewegung // Die Tragödie der Gefangenschaft in Deutschland und in der Sowjetunion 1941—1956.— Köln — Weimar, 1998.— S. 161—174.
237. R e s i n L. General zwischen den Fronten. Walter von Seydlitz in sowjetischer Gefangenschaft und Haft 1943—1955.— Berlin, 1995.
238. R o b e l G. Die deutschen Kriegsgefangenen in der Sowjetunion. Antifa // Zur Geschichte der deutschen Kriegsgefangenen des Zweiten Weltkrieges. Bd. VIII.— München, 1974.
239. S c h e u r i g B. "Freies Deutschland".— Köln, 1984.
240. S c h e u r i g B. "Freies Deutschland". Das Nationalkomitee und der Bund Deutscher Offiziere in der Sowjetunion 1943 bis 1945.— München, 1960.
241. S c h e u r i g B. Im Katalog: Flugblätter des Nationalkomitees "Freies Deutschland". Staatsbibliothek Preussischer Kulturbesitz.— Berlin, 1989.
242. S c h e u r i g B. NKFD. Rückblick nach 50 Jahren // Das Parlament.— № 29—30 v. 16 — 23.7.1993.
243. S c h e u r i g B. Verräter oder Patrioten? Das Nationalkomitee und der Bund Deutscher Offiziere in der Sowjetunion 1943 bis 1945.— Frankfurt-Main, 1993.
244. S c h e u r i g B. Walther von Seydlitz. General im Schatten Stalingrads.— Berlin, 1983.
245. S c h m a d e k e J. Der Widerstand gegen den Nationalsozialismus.— München, 1985.
246. S c h n a b e l R. Mißbrauchte Mikrofone. Deutsche Rundfunkpropaganda im Zweiten Weltkrieg. Eine Dokumentation.— Wien, 1967.
247. S e l e s n j o w J. A. Krieg und der ideologischer Kampf.— Berlin/Ost, 1977.
248. S e l e s n j o w K. L. Mit Walter Ulbricht im sowjetischen Kriegsgefangenlager // Beiträge zur Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung.— 1969.— № 6.— S. 809—819.
249. Sie kämpften für Deutschland. Zur Geschichte des Kampfes der Bewegung "Freies Deutschland" bei der I. Ukrainischen Front der Sowjetarmee.— Berlin: Verlag des Ministeriums für Nationale Verteidigung, 1959.
250. S t e i n b a c h P. Aufstand des Gewissens. Der militärische Widerstand gegen Hitler und das NS-Regime 1933—1945 / E.S. Mittler und Sohn.— Herford — Bonn, 1987.
251. S t e i n b a c h P. Das NKFD und der Widerstand gegen den Nationalsozialismus // Exilforschung. Ein internationales Jahrbuch. Bd. 8.— München, 1990.
252. S t e i n b a c h P. Widerstandsforschung im politischen Spannungsfeld // Aus Politik und Zeitgeschichte. Beilage zur Wochenzeitung Das Parlament.— № B. 28/88. v.8.7.1988.— S. 3—21.

253. **S t r a ß n e r R.** Verräter. Das Nationalkomitee "Freies Deutschland" — Keimzelle der sogenannten DDR.— München — Lochhausen, 1960.

254. **V e r r a t h i n t e r S t a c h e l d r a h t ?** Das NKFD und BDO in der Sowjetunion 1943-1945 / Hrsg. v. Bodo Scheurig.— München, 1965.

255. **W a g e n l e h n e r G.** Widerstand im sowjetischen Kriegsgefangenlager // "Gefangen in Rußland": Die Beiträge des Symposiums auf der Schallenburg 1995 / Hrsg. S. Karner. Graz — Wien: Selbstverlag des Ludwig Boltzmann-Instituts für Kriegsfolgen.— Forschung — München, 1995.— S. 152—175.

256. **W e g n e r - K o r f e s S.** Der 20. Juli und das Nationalkomitee "Freies Deutschland" // Zeitschrift für Geschichtswissenschaft.— 1979.— № 6.

257. **W e g n e r - K o r f e s S.** Weimar — Stalingrad — Berlin. Das Leben des deutschen Generals Otto Korfes. Biographie.— Weiden, 1994.

258. **W e i n e r t E.** Das Nationalkomitee "Freies Deutschland" (1943—1945). Bericht über seine Tätigkeit und seine Auswirkung.— Berlin, 1957.

259. **W i n z e r O.** Zwölf Jahre Kampf gegen Faschismus und Krieg. Ein Beitrag zur Geschichte der Kommunistischen Partei Deutschland 1933 bis 1945.— Berlin, 1955.— S. 295—307.

260. **W i t z l e b e n J.** Kritik und Bibliographie zur marxistischen Literatur über den Kampf und die Tätigkeit des Nationalkomitees und der Bewegung "Freies Deutschland" // Zeitschrift für Geschichtswissenschaft.— 1963.— № 2.— S. 240—247.

261. **W o l f W.** An der Seite der Roten Armee. Zum Wirken des Nationalkomitees "Freies Deutschland" an der sowjetisch-deutschen Front 1943 bis 1945.— Berlin, 1973.

262. **W o l f W.** Dokumente von Politorganen der Roten Armee zur Fronttätigkeit des Nationalkomitee "Freies Deutschland" // Zeitschrift für Geschichtswissenschaft.— 1973.— № 8.— S. 950—969.

263. **W o l f W.** Zu der antifaschistischen Bewegung unter den deutschen Kriegsgefangenen in der UdSSR bis zur Gründung des Nationalkomitees "Freies Deutschland" // Die Große Sozialistische Oktoberrevolution und Deutschland. Bd. 2.— Berlin, 1967.— S. 231—258.

Репатриация:

1. **Б е з б о р о д о в а И. В.** Деятельность Управления по делам военнопленных и интернированных НКВД-МВД СССР по организации репатриации в 1947—1950-х гг. // Социальные проблемы в истории Отечества. Вып. 3.— М.: МГСУ — Союз, 1997.— С. 83—94.

2. **Б и ч е х в о с т А. Ф.** Репатриация советских и иностранных граждан: внутриполитические и международные аспекты (1944—1953 гг.): Дис. ... д-ра ист. наук.— Саратов, 1996.— 380 с.

3. **Б о ж е н к о А.** Что скрывается за шумихой о военнопленных // Красная звезда.— 1953.— 23 октября.

4. Васильев В. По поводу одной фальшивки (о проблеме репатриации военнопленных и перемещенных лиц после Второй мировой войны) // Международная жизнь.— 1978.— № 8.— С. 124—128.

5. Военнопленные и интернированные граждане Германии: путь на родину из СССР (1940—1950 гг.): Документы, факты, комментарии / Сост. Н.Ф. Бугай; Авт. comment. В.Б. Конасов.— М.: Готика, 2001.— 304 с.

6. Галицкий В. П. Репатриационная политика советского правительства во Второй мировой войне и после нее // Трагедия плена: Сборник материалов Международной научно-практической конференции «Окончание войны, завершение деятельности НКСГ, СНО и начало репатриации военнопленных». Москва / Красногорск 31 октября — 2 ноября 1995 года.— Красногорск: Мемориальный музей немецких антифашистов, 1996.— С. 110—112.

7. Жульнические маневры вокруг вопроса о военнопленных // Правда.— 1953.— 8 сентября.

8. Иванчик Г. М. Репатриация немецких военнопленных из Советского Союза // Трагедия плена: Сборник материалов Международной научно-практической конференции «Окончание войны, завершение деятельности НКСГ, СНО и начало репатриации военнопленных». Москва / Красногорск 31 октября — 2 ноября 1995 года.— Красногорск: Мемориальный музей немецких антифашистов, 1996.— С. 118—122.

9. Кампхаузен Г. Переговоры о возвращении немецких военнопленных из СССР в 1952—1953 гг. // Трагедия плена: Сборник материалов Международной научно-практической конференции «Окончание войны, завершение деятельности НКСГ, СНО и начало репатриации военнопленных». Москва / Красногорск 31 октября — 2 ноября 1995 года.— Красногорск: Мемориальный музей немецких антифашистов, 1996.— С. 113—118.

10. Конасов В. Б. Вопрос об освобождении немецких военнопленных на переговорах в Москве осенью 1955 г.: историографический аспект проблемы // Источник.— Вологда: Изд-во Вологодского института повышения квалификации педагогических кадров.— 1997.— № 1.— С. 95—99.

11. Конасов В. Б. Освобождение последних немецких военнопленных в контексте установления дипломатических отношений между СССР и ФРГ // Проблемы военного плена: история и современность: Материалы Международной научно-практической конференции 23 —25 октября 1997 г. в г. Вологде. Ч. 2.— Вологда, 1997.— С. 176—193.

12. Конасов В. Б. Переговоры в Москве осенью 1955 года и освобождение немецких военнопленных // Отечественные архивы.— 1998.— № 1.— С. 61—66.

13. Конасов В. Б. Преемники Сталина и проблема немецких военнопленных // Отечественная история.— 1998.— № 5.— С. 167—174.

14. Конасов В. Б. Репатриация последних немецких военнопленных осенью 1955 года (По материалам российских архивов) // Вестник архивиста.— 1997.— № 5.— С. 72—84.
15. Конасов В. Б. «Узники войны»: попытки решения проблемы на дипломатическом уровне // Трагедия плена: Сборник материалов Международной научно-практической конференции «Окончание войны, завершение деятельности НКСГ, СНО и начало репатриации военнопленных». Москва / Красногорск 31 октября — 2 ноября 1995 года.— Красногорск: Мемориальный музей немецких антифашистов, 1996.— С. 138—141.
16. Конасов В. Б., Терещук А. В. Долгий путь на родину (Репатриация немецких военнопленных из СССР) // Новый Часовой.— 1994.— № 2.— С. 53—75.
17. Конасов В. Б., Терещук А. В. Долгий путь на родину (Репатриация немецких военнопленных из СССР) // Новый Часовой.— 1995.— № 3.— С. 67—75.
18. Костенецкий А. В. Военнопленные в СССР: связь с родиной и возвращение домой (По материалам ГА РФ) // Проблемы военного плена: история и современность: Материалы Международной научно-практической конференции 23—25 октября 1997 г. в г. Вологде. Ч. 2.— Вологда, 1997.— С. 143—147..
19. Петелин Б. В. Плен и политика: ХДС/ХСС и проблема немецких военнопленных в 1945 — 1955 гг. // Проблемы военного плена: история и современность: Материалы Международной научно-практической конференции 23—25 октября 1997 г. в г. Вологде. Ч. 2.— Вологда, 1997.— С. 148—152.
20. Ридель М. Этос политического диалога // СССР — ФРГ: навстречу друг другу. Духовные предпосылки и проблемы сотрудничества.— М.: Международные отношения, 1990.— С. 181—193.
21. Семиряга М. И. Возвращение немецких военнопленных на родину и их участие в демократизации Германии // Трагедия войны — трагедия плена: Сборник материалов Международной научно-практической конференции, посвященной 55-летию образования антифашистских организаций военнопленных в СССР, проблемам и перспективам развития музея «Трагедия плена» / Мемориальный музей немецких антифашистов, Академия военных наук.— М., 1999.— С. 148—168.
22. Танин С. Позорный провал одной клеветы // Труд.— 1950.— 17 мая.
23. Das Deutsche Rote Kreuz, Konrad Adenauer und das Kriegsgefangenenproblem. Die Rückführung der deutschen Kriegsgefangenen aus der Sowjetunion (1952—1955). Dokumentation und Kommentar / Hrsg. D. Riesenberger — Bremen, 1994.
24. Ihme - Tuchel B. Die SED und die deutschen Kriegsgefangenen in der Sowjetunion zwischen 1949 und 1955 // Deutschland Archiv.— 1994.— № 27.

25. I h m e - T u c h e l B. Entlassung der deutschen Kriegsgefangenen im Herbst 1955 im Spiegel der Diskussion zwischen SED und KPdSU. Dokumentation // Militärgeschichtliche Mitteilungen.— 1994.— № 53.— S. 449—465.

26. K a r n e r S. Für Rüstung und Wiederaufbau. Der Arbeitseinsatz der deutschen Kriegsgefangenen in der Sowjetunion und ihre Repatriierung // Kriegsgefangene — Военнопленные. Sowjetische Kriegsgefangene in Deutschland. Deutsche Kriegsgefangene in der Sowjetunion (Hg. vom Haus der Geschichte der Bundesrepublik Deutschland).— Düsseldorf, 1995.

27. K o n a s o v V. Bemühungen des Internationalen Komitees vom Roten Kreuz zur Erleichterung des Schicksals von Kriegsgefangenen. Ein Fallbeispiel // Die Tragödie der Gefangenschaft in Deutschland und in der Sowjetunion 1941—1956.— Köln-Weimar, 1998.— S. 155—159.

28. N i e m ö l l e r J. Erkundung gegen den Storm. 1952: Martin Niemöller reist nach Moskau. Eine Dokumentation.— Berlin, 1994.

29. N o w i k F. Konrad Adenauers Besuch in Moskau. Die Aufnahme diplomatischer Beziehungen zwischen der UdSSR und der Bundesrepublik Deutschland. 1955. // Kriegsgefangene-Военнопленные. Sowjetische Kriegsgefangene in Deutschland. Deutsche Kriegsgefangene in der Sowjetunion (Hg. vom Haus der Geschichte der Bundesrepublik Deutschland).— Düsseldorf, 1995.— S. 92—99.

30. T i s c h n e r W. Die Auseinandersetzungen um deutsche Kriegsgefangene und Zivilinternierte zwischen der katholischen Kirche und der sowjetischen Militärdistribution in Deutschland 1945—1950 // Проблемы военного пленя: история и современность: Материалы Международной научно-практической конференции 23—25 октября 1997 г. в г. Вологде. Ч. 2.— Вологда, 1997.— С. 152—168.

Проблема захоронений немецких военнопленных:

1. Б е м В. Судьба кладбищ немецких военнопленных // Уроки гнева и любви: Сборник воспоминаний о годах репрессий.— СПб., 1993.— С.149—170.

2. Б у к и н С. С. В чужой земле: Памяти военнопленных, умерших в Новосибирской области в 1944—1948 гг.— Новосибирск: Издво «Гуманитарные технологии», 2000.— 311 с.

3. Б у к и н С. С. Захоронения военнопленных в Новосибирской области // Актуальные проблемы социально-политической истории Сибири (XVII—XX вв.). Бахрушинские чтения: Межвузовский сборник научных трудов.— Новосибирск, 2001.— С. 192—205.

4. Б у к и н С. С. На этих могилах не ставят крестов...: Неизвестные кладбища немецких военнопленных в Сибири // Труд.— 1993.— 24 сентября.

5. В а с и л ь е в Л. Вторая битва на Волге // Человек и закон.— 2001.— № 7.— С. 19—21.

6. Галицкий В. П. [Рец. на кн.: Конасов В.Б., Судаков В.В., Быстрицкий А.Н. ...Пока не похоронен последний солдат: Очерки и документы.— Вологда — Москва: Изд-во Вологодского института повышения квалификации и переподготовки педагогических кадров, 1997.— 100 с.] // Вопросы истории.— 1998.— № 7.— С. 166—167.
7. Герасимов П. У креста примирения // Воин России.— 1998.— № 9.— С. 97—108.
8. Епифанов Ю. На Вологодчине строили конторы прямо на костях немецких военнопленных // Премьер.— 2000.— 28 июня.— С. 5.
9. Ерин М. Е. О судьбе захоронений немецких военнопленных в Ярославской области // Проблемы военного плена: история и современность: Материалы Международной научно-практической конференции 23—25 октября 1997 г. в г. Вологде. Ч.1.— Вологда, 1997.— С. 144—149.
10. Захоронения иностранных военнопленных на территории Красногорского района / Публ. подгот. О.Д. Флид, В.А. Всеходов // Трагедия войны — трагедия плены: Сборник материалов Международной научно-практической конференции, посвященной 55-летию образования антифашистских организаций военнопленных в СССР, проблемам и перспективам развития музея «Трагедия плены» / Мемориальный музей немецких антифашистов, Академия военных наук.— М., 1999.— С. 328—346.
11. Зиновьев И. На могилах погибших врагов // Родина.— 1999.— № 6.— С. 14—16.
12. Ибатуллин Т. Г. Деятельность Санкт-Петербургского центра «Примирение», его цели и задачи // Трагедия плена: Сборник материалов Международной научно-практической конференции «Окончание войны, завершение деятельности НКСГ, СНО и начало депатриации военнопленных». Москва / Красногорск 31 октября — 2 ноября 1995 года.— Красногорск: Мемориальный музей немецких антифашистов, 1996.— С. 97—98.
13. Конасов В. Б. Встанет ли обелиск примирения? // Мезон.— 2001.— № 6.— С. 4—6.
14. Конасов В. Б., Судаков В. В., Быстрицкий А. Н. ...Пока не похоронен последний солдат: Очерки и документы.— Вологда — Москва: Изд-во Вологодского института повышения квалификации и переподготовки педагогических кадров, 1997.— 100 с.
15. Кузьмины А. Л. Проблема захоронений иностранных военнопленных Второй мировой войны на территории СССР // PER ASPERA...: Материалы конференции молодых ученых.— Череповец: ЧГУ, 2001.— С. 16.
16. Лебедев В. Г. К вопросу об установлении судьбы и о местах погребения иностранных военнопленных в России // Трагедия плена: Сборник материалов Международной научно-практической конференции «Окончание войны, завершение деятельности НКСГ,

СНО и начало депатриации военнопленных». Москва / Красногорск 31 октября — 2 ноября 1995 года.— Красногорск: Мемориальный музей немецких антифашистов, 1996.— С. 160—164.

17. Лебедев В. Г. К вопросу об установлении судьбы и о местах погребения иностранных военнопленных в России // Трагедия войны — трагедия плены: Сборник материалов Международной научно-практической конференции, посвященной 55-летию образования антифашистских организаций военнопленных в СССР, проблемам и перспективам развития музея «Трагедия плены» / Мемориальный музей немецких антифашистов, Академия военных наук.— М., 1999.— С. 220—226.

18. Лебедев В. Г. О судьбе захоронений иностранных военнопленных в России // Проблемы военного плена: история и современность: Материалы Международной научно-практической конференции 23—25 октября 1997 г. в г. Вологде. Ч.1.— Вологда, 1997.— С. 138—144.

19. Мотревич В. П. Иностранные воинские захоронения в Свердловской области // Проблемы военного плена: история и современность: Материалы Международной научно-практической конференции 23—25 октября 1997 г. в г. Вологде. Ч.1.— Вологда, 1997.— С. 149—154.

20. Мотревич В. П. Погибли на Урале // Архивы Урала.— 1996.— № 1.— С. 210—212.

21. Мотревич В. П., Суржикова Н. В. Захоронения интернированных иностранных граждан и военнопленных Второй мировой войны на Среднем Урале (состояние источников базы) // Документ. Архив. История. Современность: Материалы научно-практической конференции, посвященной 30-летию историко-архивной специальности Уральского государственного университета. Ч. 1.— Екатеринбург, 2000.— С. 190—194.

22. Мотревич В. П., Суржикова Н. В. Захоронения интернированных иностранных граждан и военнопленных Второй мировой войны на Среднем Урале // Проблемы создания единого электронного банка данных жертв политических репрессий в пределах СССР: Сборник докладов участников международной научно-практической конференции.— Нижний Тагил, 2000.— С. 97—102.

23. Новикова Н. Н. Гертруда Меркель: Россия больше не отпустит меня // Проблемы военного плена: история и современность: Материалы Международной научно-практической конференции 23—25 октября 1997 г. в г. Вологде. Ч.1.— Вологда, 1997.— С. 154—156.

24. Сизов И. Мертвым не мстят // Российская газета.— 1996.— 29 февраля.

СПРАВОЧНО-ПОНЯТИЙНЫЙ АППАРАТ

Авитаминозы (а... и лат. *vita* — жизнь) — такие заболевания, как рахит, цинга, пеллагра, бери-бери, развивающиеся вследствие длительного неполноценного питания. Были широко распространены среди военнопленных, что объяснялось отсутствием в их рационе витаминов группы В, С и D (см. *витаминотерапия*).

Агенттура (от лат. *agentis* — действующий) — сеть лагерных агентов, занимавшихся сбором сведений о причастности того или иного военнопленного к совершению зверств и злодеяний на советской земле, подготовке *побегов* и *диверсий* на производстве, политических настроениях за колючей проволокой. В условиях лагеря агенты могли получить на явочных объектах небольшое вознаграждение, как правило, в виде продуктов питания. Помимо использования в лагерях, оперативно-чекистский отдел вербовал агентов для ведения «закордонной работы», т. е. разведывательной деятельности за границей. К маю 1950 г. ГУПВИ МВД отобрало и передало советским спецслужбам 986 агентов, подготовленных для работы в Германии и некоторых других странах.

Агитатор (от лат. *agitatio* — приведение в движение) — лицо, пропагандирующее политические, общественные, религиозные и иные идеалы. В Советском Союзе *а.* прежде всего призывал к верности большевистской партии и ее вождю И.В. Сталину, активному строительству социализма и коммунизма. В лагерях УПВИ-ГУПВИ НКВД-МВД *а.* назначали из числа политически подготовленных, прошедших *антифашистские школы* и курсы военнопленных. Их работой руководил начальник лагеря по политической части и его аппарат. В период 1943—1945 гг. деятельность *а.* также контролировали функционеры НКСГ и СНО.

Агитационно-пропагандистская работа — углубленное разъяснение и распространение каких-либо идей, учений, взглядов. В советских лагерях для военнопленных — инструмент идеологической «перековки» военнослужащих вражеских армий. Непосредственное участие в *a.-п. р.* с пленными немцами в годы войны принимали НКСГ и СНО. Поскольку большая часть военнослужащих германской армии, оказавшихся за колючей проволокой, разделяла фашистскую идеологию, то именно ее преодоление и искоренение считалось первоочередной задачей. Вели *a.-п. р.*, как правило, *агитаторы*, политработники, докладчики из числа антифашистов, немецкие коммунисты-политэмигранты Э. Вайнерт, В. Пик, В. Ульбрихт. После разгрома фашистского государства акцент сместился на пропаганду ударного труда по восстановлению народного хозяйства СССР, разоблачение агрессивной политики западных держав, подготовку кадров для новой социалистической Германии. Согласно докладной записке министра внутренних дел С.Н. Круглова от 24 мая 1950 г., в лагерях УПВИ-ГУПВИ НКВД-МВД за время их существования работали 5 000 лекторов-пропагандистов, 85 000 членов антифашистского актива. Основными формами *a.-п. р.* являлись следующие: устная пропаганда (политинформации, беседы, доклады, общие собрания, тематические вечера); печатная пропаганда (брошюры, газеты, стенгазеты, листовки); наглядная пропаганда (кинофильмы, лозунги, плакаты, рисунки).

Адрес военнопленного (от фран. *adresse*) — условное обозначение на открытке Красного Креста места пребывания военнопленного. В Советском Союзе информация о том, где находится тот или иной военнопленный, считалась секретной. Лица, находившиеся, к примеру, в лагере № 150 (Вологодская область, г. Грязовец), на почтовой открытке писали: СССР, Москва, Красный Крест, почтовый ящик № 150, военнопленному (фамилия, имя). Во избежание расшифровки мест пребывания военнопленных в Советском Союзе цензорская служба осуществляла конфискацию почтовой открытки, в которой усматривала малейший намек на координаты лагеря.

Акт (от лат. *actus* — действие) — документ, фиксировавший факт смерти и погребения, законность применения оружия при поимке беглеца, получение производственной травмы и прочие случаи, связанные с жизнью и работой военнопленных. Под-

писывался врачами, начальником конвоя, администрацией строек и предприятий, иными уполномоченными на то лицами.

Активное следствие — следствие, проводившееся с применением таких методов получения информации, как пытки и побои, заключение допрашиваемого в карцер. В повседневной работе органов НКВД-МВД и на лагерном жаргоне *а. с.* имелось еще как «следствие с пристрастием». Получение от пленных какой-либо информации путем *а. с.* категорически запрещалось Женевской конвенцией 1929 года. О масштабах *а. с.* в отношении военнопленных архивные материалы информации не содержат. Германский историк М. Ланг, основываясь на результатах анкетирования депатрированных, приводит следующие цифры: к концу 1949 г. среди немецких военнопленных было выявлено около 25 тыс. «военных преступников», но при этом в ходе дознания почти в 63 % случаев применялись угрозы и пытки, еще в 26,8 % случаев протоколы допросов остались неподsignedными.

Актрисование — заключение врачебной комиссии о том, что тот или иной осужденный военнопленный по состоянию своего здоровья более не может содержаться в тюремных или лагерных условиях. Решение медиков еще не было гарантией того, что осужденный получит свободу и будет депатриирован на родину. Заключение врачебной комиссии передавалось в судебные инстанции, которые и выносили окончательный вердикт. Данных о количестве германских граждан, получивших свободу в результате *а. с.*, пока не выявлено.

Амнистия (от греч. *amnestia* — забвение, прощение) — освобождение от наказания лиц, совершивших преступления, либо замена этим лицам назначенного судом наказания более мягким. В СССР после смерти И.В. Сталина прошло несколько *а.*, которые коснулись и осужденных немецких военнопленных. Так, 27 марта 1953 г. Президиум Верховного Совета СССР издал указ об *а.*, под действие которого, наряду с советскими гражданами, попали и 2 219 иностранных подданных, в т. ч. военнопленные немцы. Позднее указом от 28 сентября 1955 г. были досрочно освобождены более 9 тыс. германских граждан, осужденных советскими судами. Амнистированные, в зависимости от их постоянного места жительства, передавались властям Западной или Восточной Германии.

Антифашистские школы — специализированные учебные заведения для подготовки агитаторов и пропагандистов из числа военнопленных. Весной 1942 г. на базе Оранского лагеря № 74 в Горьковской области создается первая *а. ш.* Набор составил всего 60 слушателей. В течение трех месяцев курсанты изучали такие разделы программы, как «Правда о гитлеровской Германии», «Советский Союз — страна социализма», «Вторая мировая война и неизбежность поражения Германии», «Общество и государство». В школе преподавали известные немецкие коммунисты Г. Гофман, Г. Матерн, Э. Гернле, Р. Линдау. Было прочитано более 1 000 лекций и докладов. В 1947 г. в Советском Союзе работали 3 центральные антифашистские школы, в которых обучались 13 780 человек. Уже в конце войны руководство антифашистской работой было передано в руки оперативно-чекистских отделений. Это делалось в целях усиления режима секретности *а. ш.*, которым поручалась подготовка из числа слушателей руководящих работников государственных учреждений, промышленных и сельскохозяйственных предприятий советской зоны оккупации Германии. Некоторые из выпускников *а. ш.* позднее заняли правительственные посты в Германской Демократической Республике. К примеру, Г. Кесслер стал заместителем министра национальной обороны, а Л. Штейдле — министром здравоохранения.

АПП, или *армейские приемные пункты* — мобильные фронтовые пункты, основной задачей которых был прием военнопленных от боевых частей Красной Армии, их временное содержание и передача конвойным войскам НКВД для последующей эвакуации. Доставка вражеских военнопленных на *АПП* осуществлялась силами войск действующей армии. Обычно *АПП* устраивались в 25—30 км от линии фронта.

Барак — основной вид лагерной постройки, предназначенный для жилья военнопленных. Как правило, *б.* был одноэтажным, с двухъярусными, реже — с трехъярусными нарами. Временные *б.* строились из горбыля и утеплялись землей. Стационарные *б.* были каркасно-засыпного типа. Пустоты между стенами засыпались опилками или шлаком. Крыша у *б.* была двускатной, обшивалась досками и крылась толем. *Б.* обычно состоял из двух секций, разделенных проходом. В секции помещалось от 60 до 120 человек. Для отопления использовалась

печка, изготовленная из металлической бочки. Согласно инструкции, каждый *б.* должен был иметь электрическое освещение из расчета одна лампочка на секцию. Для санитарно-гигиенических нужд в *б.* устанавливались умывальники с «сосками» и пара бочек с водой.

Бригада (от фран. *brigade*) — группа военнопленных численностью от 15 до 35 человек, выполнявшая единое трудовое задание и несшая коллективную ответственность за результаты работы. Каждой *б.* присваивался порядковый номер, но обслуживающий персонал и охрана чаще называли *б.* по фамилии ее *бригадира*. Так, оповещая военнопленных о необходимости приступить к работе, кричали: «Бригада Кречмера на выход!» Лагерная администрация вовлекала *б.* в социалистическое соревнование. Бригады, перевыполнившие производственный план, лучше питались, им выделялись более благоустроенные бараки. В некоторых лагерях после завершения трудового дня отличившиеся *б.* встречал оркестр. Помимо обычных существовали и *штрафные бригады*.

Бригадир (от нем. *Brigadier*) — руководитель производственной бригады, назначавшийся из числа военнопленных, реже — из числа вольнонаемных. Обязанности *б.* заключались в расстановке пленных по рабочим местам и контроле за выполнением каждым производственного задания. По окончанию работы *б.* писал подробный отчет. От его умения составить отчет, который мог бы удовлетворить лагерное начальство, зачастую зависело питание всей бригады — решающее обстоятельство в поддержании физической формы военнопленных.

БС, или бригада содействия — группа поиска бежавших военнопленных, в которую входили граждане, проживавшие в радиусе 25—50 км от лагеря. Согласно инструкции, *б. с.* должны были создаваться из партийно-комсомольского актива колхозов и МТС, из работников других организаций, если эти работники «безусловно преданы Родине». Однако в реальной жизни в *б. с.* включали также женщин и подростков, находившихся на полевых работах и лесозаготовках. *Б. с.* использовались для оцепления районов, куда предположительно бежали военнопленные; для наблюдения за дорогами и тропами, прилегающими к лагерю; для прочесывания лесных массивов, где

могли укрыться беглецы. При этом членам *б. с.* запрещалось выдавать холодное и огнестрельное оружие. Лица из состава *б. с.*, отличившиеся при поимке беглецов, могли представляться к правительственные наградам.

«Бюро изобретательства» (от франц. *bureau* — коллегиальный орган) — группа военнопленных, занимавшаяся разработкой научно-технических проектов, внесением рационализаторских предложений и внедрением технических новинок. Под «*б. и.*», как правило, выделялось одно- или двухкомнатное помещение, укомплектованное необходимым оборудованием и материалами (чертежные столы, бумага, карандаши, тушь и т. д.). Соответствующие директивы ГУПВИ рекомендовали, наряду с лазаретом, библиотекой и другими лагерными объектами, использовать «*б. и.*» для встреч оперативных работников с агентами и осведомителями из числа военнопленных.

Вагон (от франц. *wagon* — повозка) — транспортное средство, использовавшееся для перевозки военнопленных по железной дороге на большие расстояния. Чаще всего пленных транспортировали не в пассажирском, а в товарном *в.*, на скорую руку приспособленном для перевозки людей. Такой *в.* оборудовался сплошными двухъярусными нарами, в полу прорезалось отверстие, выполнявшее функции параши. Не имелось ни умывальников, ни освещения. В *в.*, рассчитанный на 45 человек, нередко помещали по 60 и более военнопленных.

Вагон-изолятор — особый вагон, в который помещали военнопленных, у которых в пути следования выявлялись инфекционные заболевания. *В.-и.* укомплектовывался медицинским персоналом, лечебными и дезинфекционными препаратами. При эвакуации пленных из фронтового района в тыл *в.-и.*, в нарушение существовавших инструкций, к железнодорожному составу прицеплялся крайне редко. В процессе *репатриации* военнопленных на родину данное правило обычно соблюдалось.

Вахта — проходная будка, располагавшаяся рядом с контрольно-пропускными воротами лагеря. *В.* устанавливалась с таким расчетом, чтобы из нее хорошо просматривался проход в лагерь, а также пространство внутри и за пределами лагерной зоны. На *в.* круглосуточно дежурили один или два *вахтера*. При

входе на территорию лагеря вооруженный персонал должен был сдать огнестрельное оружие вахтерам. Делалось это с целью предотвращения его возможного захвата военнопленными. *В.* соединялась прямым проводом с помещением *дежурного офицера*.

Вахтер (от нем. *Wächter* — дежурный сторож) — сотрудник лагеря, охраняющий проход через зону лагерных ограждений. Его обязанности заключались в проверке пропусков и наблюдении за контрольно-пропускными воротами. *В.* пропускал в лагерь конвоируемых с работы военнопленных, проверяя по списку наличный состав. Результаты проверки докладывал *дежурному офицеру*. Не пропускал ту или иную бригаду в лагерь до тех пор, пока отсутствовал хотя бы один человек или пока на отсутствующего не предъявлялся оправдательный документ.

Вербовка (от нем. *werben* — набирать, искать) — привлечение спецслужбами отдельных военнопленных для работы в качестве агентов и осведомителей. Как правило, *в.* предшествовали получение на военнопленного компрометирующего материала, оказание кандидату в агента или осведомителя незаметно для окружающих небольших услуг, выполнение им отдельных поручений лагерного начальства, беседы с оперативным работником. Обязательным элементом *в.* являлась подпись о сотрудничестве с органами НКВД-МВД. Она писалась пленным собственноручно на его родном языке.

Вермахт (нем. *Wehrmacht* от *Wehr* — оружие, оборона и *Macht* — сила) — вооруженные силы фашистской Германии в 1935—1945 гг. Создан на базе рейхсвера. Личный состав *в.* к 1939 г. насчитывал 3 млн., в 1943 г. — 11 млн. человек. В состав *в.* входили сухопутные войска, BBC и ВМФ. Бывшие военнослужащие *в.* составляли большую часть иностранных военнопленных Второй мировой войны, находившихся в Советском Союзе.

Вещблок, или *вещевой блок* — контора со складом *вещевого довольствия*, располагавшаяся в одной из лагерных построек.

Вещдовольствие, или *вещевое довольствие* — система мероприятий по удовлетворению потребностей военнопленных в одежде и обуви по сезону, а также в постельных принадлежностях. Согласно приказу народного комиссара внутренних дел СССР № 250 от 7 апреля 1943 г., военнопленные обеспечива-

лись летними и зимними головными уборами, шинелями, гимнастерками, шароварами, сапогами, рубахами, кальсонами, портянками, рукавицами, одеялами, наволочками, простынями и прочими вещами. По причине нехватки **в.** военнопленные, как правило, получали отремонтированное красноармейское или трофейное обмундирование. Так, похоронные команды, сформированные из захваченных под Сталинградом немцев, *погребение* трупов производили без шинелей, сапог и головных уборов. Снятое с мертвцев обмундирование использовалось затем для обеспечения военнопленных.

Витаминотерапия (от лат. *vita* — жизнь и греч. *therapeia* — забота, уход, лечение) — применение витаминов с лечебной целью при заболеваниях, обусловленных витаминной недостаточностью. При **в.** использовались медикаментозные средства (инъекции витаминов С и РР), а также препараты растительного (настои хвои, шиповника) и животного (бычья кровь и т. д.) происхождения. Согласно распоряжению наркома внутренних дел СССР № 133 от 21 июня 1945 г. в лагерях военнопленных создавались бригады для сбора, заготовки и переработки дикорастущей съедобной зелени, плодов и ботвы огородных культур. Кроме того, велась заготовка грибов и ягод в целях консервирования на зиму, собирались щавель, кислица, крапива, борщевик, подорожник, одуванчик и другие дикорастущие растения.

Военнопленные — захваченные во время войны противником и находящиеся в его власти *комбатанты* и другие лица, на которых распространяется режим военного плена. Этот режим регулировался Положением о законах и обычаях сухопутной войны, являвшимся приложением к 4-й Гаагской конвенции 1907 г., а также Женевскими конвенциями 1929 и 1949 гг. об обращении с военнопленными. В соответствии с указанными документами с **в.** надлежало обращаться гуманно, без какой-либо дискриминации по расовым, этническим, религиозным, национальным, политическим, социальным и иным признакам. К **в.** нельзя было применять акты насилия, запугивания или оскорбления, они имели право на уважение их личности. Согласно Положению о военнопленных от 1 июля 1941 г., в категорию **в.** попадали: 1) лица, принадлежащие к составу вооруженных сил государств, находящихся в состоянии войны с Советским Союзом, а также граждане этих государств, интернированные на территории

СССР; 2) лица, входящие в состав вооруженных отрядов, не принадлежащих к вооруженным силам противника, если они открыто носят оружие; 3) гражданские лица, сопровождающие с соответствующего разрешения армию и флот неприятеля, как-то: корреспонденты, поставщики и другие лица, захваченные в ходе военных действий. Наличие многомиллионных армий у сражающихся сторон, огромные масштабы операций, проводившихся на советско-германском фронте в 1941—1945 гг., объективно влекли за собой появление значительного количества *в.* Всего за 1941—1956 гг. через *лагеря, спецгоспитали и отдельные рабочие батальоны* НКВД-МВД прошло более 4 млн. военнопленных — представителей более 60 национальностей. Основной костяк лагерного контингента составили солдаты германской армии. По данным МВД СССР от 28 сентября 1956 г., через советские лагеря и тюрьмы прошло в общей сложности 2 389 560 немецких военнопленных.

Военнопленные-специалисты (от лат. *specialis* — особый) — военнопленные, обладающие специальными знаниями и навыками в какой-либо отрасли производства, науки, техники. При нудительным вывозом специалистов немецкой национальности с территории оккупированной Германии занимались органы НКВД и военная контрразведка «*Смерши*». В лагерях ГУПВИ их выявлением занимались оперативно-чекистские отделы. Специальные или особые конструкторские бюро, в которые привлекали немецких специалистов, имели в послевоенные годы почти все ведущие промышленные наркоматы. К 1948 г. численность немецких специалистов в научно-исследовательских, конструкторских учреждениях, а также на опытном и промышленном производстве составляла несколько тысяч человек. Уже летом 1945 г. в Красногорске было собрано свыше 100 немецких специалистов-полиграфистов, которые помогали осваивать типографское оборудование, прибывшее в СССР по reparационным поставкам из Германии. С деятельностью немецких специалистов связан крупный прорыв СССР в области ракетостроения. Так, на острове Городомля, который находится на озере Селигер, в 1945 г. был оборудован ракетный полигон, персонал которого почти что полностью состоял из немецких специалистов соответствующего профиля. В 1946 г. был построен Центральный полигон реактивной техники в Капустном Яру, оснащен-

ный преимущественно трофеевым оборудованием. Первые запуски ракет осуществлялись при участии таких известных конструкторов, как Г. Герттруп, К. Магнус, Т. Шмидт, Г. Хох. Немецкие специалисты явились создателями ряда крупных научно-технических изобретений. Так, группа военнопленных в количестве 42 человек во главе с бывшим техническим директором фирмы «Аргус» доктором технических наук Х.М. Рудольфом разработала проект турбореактивного двигателя. Немецкие специалисты находились в более «привилегированном» положении по сравнению со своими соотечественниками, содержавшимися в лагерях, спецгоспиталях и отдельных рабочих батальонах НКВД. Они получали более высокие нормы питания, квалифицированное медицинское обслуживание и лучшее жилье. 14 апреля 1954 г. вышло постановление Совета Министров СССР за № 711—310 о *репатриации* военнопленных, занятых на секретных объектах, а также немецких специалистов, вывезенных после войны в Советский Союз.

Военные переводчики — специалисты, владевшие языком противника и комплексом знаний о его стране и вооруженных силах. Планомерная подготовка *в. п.* началась уже в первые месяцы войны на военном факультете и краткосрочных курсах при 2-м Московском педагогическом институте иностранных языков. В 1942 г. был создан Военный институт иностранных языков, который за годы войны выпустил около 4,5 тыс. *в. п.* Значительная часть из них проходили стажировку в лагерях военнопленных. По ее окончании на каждого курсанта составлялась характеристика, которая направлялась в Оперативное управление ГУПВИ НКВД-МВД СССР. С 1943 г. при разведывательных отделах штабов армий и фронтов были созданы специальные подразделения *в. п.*, с помощью которых производился допрос пленных. В связи с этим каждый *в. п.* был обязан знать организацию германской армии, иметь осведомленность о личных документах солдат и офицеров вермахта, квалифицированно владеть техникой допроса пленных. При этом, как говорилось в «Руководстве по немецкому переводу», он не имел права забывать, что «является одновременно разведчиком» и «должен сосредоточить внимание на главном и основном». *В. п.* также участвовали в работе по разложению войск противника, выступали в качестве парламентеров, передавая командованию

окруженных войск требования о капитуляции. В лагерях в условиях нехватки *в. п.* в их качестве нередко использовались немцы-антифашисты, владевшие русским языком.

Военные преступники — лица, виновные в совершении военных преступлений, т. е. в нарушении законов и обычаев войны. Уголовная ответственность фашистских *в. п.* была провозглашена в ряде международных договоров, в частности, в Московской декларации от 30 октября 1943 года. Для учета злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их пособников, определения причиненного ими ущерба, а также установления личности преступников, виновных в организации или совершении злодеяний на территории СССР, в 1942 г. была образована *Чрезвычайная государственная комиссия*. Следующим шагом стало издание Указа Президиума Верховного Совета от 19 апреля 1943 г., узаконившего ответственность *в. п.* за зверства и насилия на советской земле. Начиная с 1945 г. в Советском Союзе проходили открытые и закрытые судебные процессы над *в. п.* На 1 марта 1952 г. в лагерях и тюрьмах содержалось 14 194 немецких военнопленных, подавляющее большинство которых были осуждены как *в. п.* Ответственность главных *в. п.* была предусмотрена Лондонским соглашением, подписанным 8 августа 1945 г. СССР, США, Великобританией и временным правительством Франции. 20 декабря 1945 г. был принят Устав Международного военного трибунала. На основании этих документов был проведен *Нюрнбергский процесс* над главными *в. п.* фашистской Германии. В 1967 г. специальная декларация ООН провозгласила принцип, согласно которому *в. п.* не может быть предоставлено право убежища. Неприменение сроков давности к *в. п.* предусмотрела конвенция Генеральной Ассамблеи ООН от 26 ноября 1968 года. Тем не менее, многим немецким *в. п.* удалось уйти от ответственности за свои противоправные действия.

Вскрытие — анатомирование трупа, производимое с целью установления причин смерти. В соответствии с инструкцией Управления НКВД № 001067 от 7 августа 1941 г. *в.* следовало производить в каждом случае смерти военнопленного. На практике заключение о причине летального исхода нередко выносилось без проведения *в.*

ВТК, или *врачебно-трудовая комиссия* — специальная комиссия, осуществлявшая медицинское освидетельствование военнопленных и определявшая группу их трудоспособности. Таковых устанавливалось четыре. К первой группе относились военнопленные, способные выполнять тяжелую физическую работу, ко второй — ограниченно годные к физическому труду, к третьей — способные трудиться на легких физических работах, к четвертой — инвалиды. Соответственно, все виды работ по своей трудоемкости распределялись на 4 группы: 1) тяжелые физические работы; 2) физические работы средней степени тяжести; 3) легкие физические работы; 4) специальные работы для инвалидов. Комиссия проводила освидетельствование лагерного контингента четыре раза в год, данные о состоянии здоровья заносились в личную *медицинско-санитарную карту* каждого военнопленного.

Второй выстрел — выстрел по военнопленному, предпринявшему попытку побега. По инструкции конвойной службы первый выстрел, производившийся в воздух, считался предупредительным. По каждому случаю применения оружия в течение суток проводилось служебное расследование. При неоправданном применении (или неприменении) оружия виновные привлекались к ответственности в дисциплинарном или судебном порядке. Такие факты не были исключением, что подтверждает распоряжение МВД СССР № 357 от 22 июня 1948 г., в котором говорится о нарушении личным составом конвойных войск правил применения оружия.

Вышка сторожевая — деревянное сооружение для охраны лагерной территории и предотвращения побегов заключенных. Находясь на сторожевой вышке, часовой наблюдал за вверенным ему участком или сектором. В лагерях военнопленных *в. с.*, как правило, устанавливались по всем углам периметра ограждения лагеря на высоте 3—4 метров от поверхности земли. Каждая *в. с.* оборудовалась прожектором, огнетушителями, средствами связи и сигнализации. Конструкция вышки позволяла вести свободный круговой обзор и обстрел. Вход на *в. с.* оборудовался лесенкой, устанавливаемой с внешней стороны ограждения лагерной зоны.

Гаагская конвенция 1907 года — конвенция «О законах и обычаях сухопутной войны», принятая на Международной

конференции 1907 г. в Гааге делегациями от 44 государств. Этот документ, в частности, определял состав *комбатантов*, т. е. участников боевых действий, которые имели право на статус военнопленных. Обращение с ними основывалось на принципах гуманности и уважения к человеческой личности. Многие положения *Г. к.* получили свое дальнейшее развитие в *Женевских конвенциях 1929 и 1949 гг.* Руководство СССР первое время негативно относилось к *Г. к.* На XIV съезде ВКП(б) в декабре 1925 г. И.В. Сталин назвал этот документ «образцом беспримерного лицемерия буржуазной дипломатии», за напыщенными фразами которого скрывается «подготовка к новой войне». Тем не менее, вскоре после начала Великой Отечественной войны Советское правительство *нотой от 17 июля 1941 г.* признало *Г. к.* и обязалось соблюдать ее на условиях взаимности. Фашистская Германия сочла инициативу СССР «фарсом» и «пропагандистским мероприятием». 7 марта 1955 г. в ответ на ноту правительства Нидерландов относительно того, считает ли себя Советское правительство обязанным выполнять положения *Г. к.*, последовал положительный, но несколько уклончивый ответ Кремля.

Гауптвахта (от нем. Haupt wache — главный караул) — специальное помещение для содержания военнопленных под строгим арестом до 20 суток. Провинившегося пленного помещали в отдельную камеру, не выводили на работу, горячую пищу выдавали через день. Доставленного на *г.* дежурный регистрировал в специальном журнале, указывая в нем дату, время и основание ареста. Постельные принадлежности арестованному не выдавались, продолжительность сна устанавливалась б часов в сутки. При этом запрещалось пользоваться играми (шахматами, шашками, домино), курить, петь и т. д. Как правило, *г.* оборудовалась в отдельном помещении и изолировалась от остальных построек сплошным деревянным забором. Окна *г.* с внешней стороны заделялись решетками.

ГлавПУ РККА — Главное политическое управление Рабоче-Крестьянской Красной Армии. Руководило партийно-политической работой в Красной Армии. Образовано решением ЦК ВКП(б) 16 июля 1941 г. путем реорганизации Главного управления политической пропаганды РККА, работало на правах отдела Центрального Комитета партий. Начальниками *ГлавПУ РККА* являлись следующие лица: с июля 1941 г. член

ЦК ВКП(б) Л.З. Мехлис (армейский комиссар 1-го ранга), с июня 1942 г.— секретарь ЦК и кандидат в члены Политбюро ЦК ВКП(б) А.С. Щербаков (генерал-полковник с 1943 г.). В составе *ГлавПУ РККА* находилось *Седьмое управление*, проводившее работу по разложению войск противника. К этой работе активно привлекались военнопленные-антифашисты.

Гражданство — устойчивая политico-правовая связь физического лица с государством, выражаясь в совокупности их взаимных прав и обязанностей. Такие вопросы, как принятие или лишение г., решаются внутренним законодательством каждого государства. В личном деле военнопленного обязательно указывалось его г. Этот признак, помимо национальности и классовой принадлежности, был для УПВИ-ГУПВИ неотъемлемым условием, дающим представление о социально-политическом портрете пленного. От г. военнопленного напрямую зависели сроки его *репатриации*. Поэтому граждане Германии, находившиеся в советском плену, нередко выдавали себя за поданных государств, которые могли рассчитывать на более скорое возвращение домой. Имелись precedents, когда немецкие военнопленные получали советское гражданство.

График актированной погоды — температурный график, определяющий погодные условия, при которых запрещалось проводить наружные работы. При экстремальной метеорологической обстановке представителями предприятия и лагерной администрации составлялся акт о прекращении работ. Распоряжение министра внутренних дел СССР № 848 от 29 декабря 1947 г. предписывало администрации каждого лагеря установить максимальные температурные границы, при которых вывод военнопленных на внешние работы не допускался. Фактически это означало, что в одних лагерях погоду актировали при минус 35° С, в других — при минус 50° С. При силе ветра, превышавшей 20 м/с, работы прекращались независимо от температуры воздуха. Экстремальные погодные условия не могли быть основанием для запрета на проведение аварийных и погрузочно-разгрузочные работы.

Гушосдор НКВД-МВД — Главное управление строительства шоссейных дорог ведомства внутренних дел. Руководило и контролировало строительство, ремонт и эксплуатацию автомобильных дорог. Г. являлся одним из основных потребителей

рабочей силы лагерей ГУПВИ. На строительных объектах Г. только в конце 1945 г. были заняты 153 тыс. военнопленных, включенных в состав дорожно-строительных батальонов, каждый из которых насчитывал от 750 до 1 000 человек. Дислокация батальонов часто менялась, поэтому условия труда и быта были очень тяжелыми. Обустройство на новом месте нередко занимало несколько месяцев. Как правило, военнопленные селились в наско-ро сколоченные бараки, где на человека приходилось по 0,5—1 м² жилой площади. Такое положение в дорожно-строительных бата-льонах Г. сохранялось вплоть до 1949 года. Всего за время пребыва-ния военнопленных в СССР их силами в разных районах страны было восстановлено, построено и введено в эксплуатацию 2 100 км асфальтобетонных дорог с мостами, гражданскими зданиями и прочими техническими сооружениями. Среди них такие, как ма-гистраль Москва — Симферополь (930 км), дорога Пенза — Куз-нецк (135 км), дорога Пятигорск — Нальчик (104 км). Общая стои-мость работ, выполненных военнопленными на дорожном строительстве, составила 1,6 млрд. руб.

Дактилооттиск, или дактилоскопический оттиск (от греч. daktylos — палец) — оттиск на бумаге кожных линий внутренней стороны пальцев рук для установления личности по отпечаткам пальцев. Прилагался к личному делу каждого военнопленного.

Дежурный офицер (от нем. Offizier — лицо командного со-става) — военнослужащий НКВД-МВД, несший дежурство в со-ставе суточного наряда в лагере. В обязанности д. о. входили контроль за точным выполнением военнопленными правил внутреннего распорядка, периодический обход лагерной зоны, наблюдение за порядком и чистотой в жилых и служебных по-мещениях, проведение утренних и вечерних проверок.

Дезинсекция (дез... и лат. insectum — насекомое) — уничто-жение вредных насекомых (клопов, нательных и платяных вшей, чесоточных клещей) специальными средствами. Для борьбы с насекомыми, явившимися переносчиками таких инфекционных заболеваний, как брюшной тиф и чесотка, в лагерях ГУПВИ создавались дезинсекционные камеры, где одежда прожаривалась горячим паром, что являлось достаточно эффективным спосо-бом избавления от паразитов. Для борьбы с мухами использо-вались мухоловки, липкая бумага, мухоморы. Клопы между

щелями досок нар уничтожались пламенем паяльной лампы. Кроме того, в нагло запертых бараках жгли серу, еловые шишки, вереск. Вместе с последующим проветриванием барака эта операция длилась около суток. На время *д.* военнопленных переводили в другое помещение.

Дезкамера, или **дезинсекционная камера** — устройство для истребления жаром насекомых-паразитов. *Д.* устраивалась при бане каждого лагеря, куда периодически сдавались вся одежда и постельное белье военнопленных, исключая кожаные и меховые изделия, приходившие в негодность от сильной жары.

Деморализация (от фран. *demoralisation*) — моральное разложение, упадок нравственности, дисциплины, духа. При *д.* войска утрачивают необходимые боевые качества. Одним из первых проявлений массовой *д.* был переход на сторону Красной Армии солдат 6-й немецкой армии под Сталинградом. Непосредственными причинами *д.* частей вермахта на завершающем этапе войны были неблагоприятный ход боевых действий, усталость войск, неудовлетворительное материальное обеспечение, потеря веры в победу. Кроме того, многие немецкие солдаты осознали, что Германия вела захватническую войну, цели которой противоречили коренным интересам нации. Именно среди этой категории германских солдат и офицеров наблюдается наибольший процент *перебежчиков*. На разложение войск противника была направлена деятельность фронтовых уполномоченных НКСГ и СНО.

Диверсия (от лат. *diversio* — отклонение, отвлечение) — нанесение ущерба противнику путем вывода из строя каких-либо производственных, жилых и иных объектов. Отдельные попытки диверсионных актов предпринимали профашистски настроенные военнопленные. Например, группа военнопленных под руководством генерал-майора СС Г. Беккера в Сталинграде при строительстве кинотеатра «Гвардеец» заложила в стену неразорвавшиеся снаряды. Наибольшее количество диверсионных актов, совершенных немецкими военнопленными, было зафиксировано в 1948—1949 гг. в связи с задержкой их *репатриации* на родину, что нашло отражение в докладной записке министра внутренних дел С.Н. Круглова от 27 мая 1949 года. По советскому законодательству *д.* являлась особо опасным преступлением,

совершение которого грозило военнопленному лишением свободы на срок от 5 до 18 лет или высшей мерой наказания.

Дистрофия (от дис... и греч. *trophe* — питание) — болезнь, развивающаяся в результате недостаточного поступления питательных веществ в организм человека. На долю *д.* приходится значительный процент летальных исходов среди немецких военнопленных. Так, в отчете спецгоспиталя № 5091 говорится: «Все военнопленные из лагеря № 158 прибывали в крайне истощенном состоянии. 14 января 1945 г. поступило 258 человек, умерло 90 человек. Прибыло 10 февраля 100 человек, умерло 62. Прибыло 17 февраля 20 человек, умерли все». Факторами, усугубляющими болезнь, являлись холод, физическое и нервно-психическое перенапряжение, хронический *авитаминоз*. *Д.* довольно часто сопровождалась такими осложнениями, как воспаление легких, дизентерия, туберкулез. Как правило, болезнь характеризовалась слабостью, быстрой утомляемостью, похуданием, доходящим до потери 50 % общей массы тела. При тяжелой форме *д.* понижалась температура тела, нарушилась сердечно-сосудистая деятельность, отмечалось выпадение волос, шелушение кожи. У дистрофиков появлялись апатия, ослабление памяти, реже — галлюцинации и острые психозы. Лечение *д.* носило комплексный характер: военнопленные освобождались от работы, получали 5—6-разовое витаминизированное питание, помещались в оздоровительные лагеря (*отделения*). Уровень заболеваемости пленных *д.* постепенно снижается, и к началу 50-х гг. этот диагноз почти не фигурирует в медицинских отчетах.

Донор (от лат. *donare* — дарить, жертвовать) — человек, дающий свою кровь для переливания больному. Военнопленным, сдававшим свою кровь, полагался дополнительный паек, установленный распоряжением СНК СССР № 3111 от 23 февраля 1942 года. *Д.*, сдавшие от 400 до 500 см³ крови, получали по полкилограмма сливочного масла, сахара, мяса и крупы. Кроме дополнительного пайка и пайка основной нормы, в день сдачи крови *д.* приготовлялся горячий обед. Встречающиеся в литературе утверждения о том, что советские медработники якобы в массовом порядке отдавали свою кровь немецким военнопленным не более чем пропагандистский миф.

Допрос — способ получения от военнопленного той или иной интересующей информации. Статья пятая Женевской конвенции

«О содержании военнопленных» от 27 июля 1929 г. запрещала применять к пленным какие-либо меры принуждения для получения сведений разведывательного характера. Аналогичные требования содержала первая статья принятого СССР *Положения о военнопленных*. Однако в годы Великой Отечественной войны советские спецслужбы чаще всего исходили не из буквы закона, а из принципа военной целесообразности. Методика д. выглядела следующим образом: захваченные частями Красной Армии пленные и *перебежчики* немедленно допрашивались командиром подразделения, затем направлялись в штаб войскового соединения, где также подвергались д. офицером разведки. По ходу д. велись записи, составлялись протоколы. Полученные сведения проверялись и сопоставлялись с данными, добтыми из других источников. В лагерях НКВД-МВД д. военнопленных производился сотрудниками оперативно-чекистских отделов.

Доска показателей — одно из средств морального поощрения военнопленных за ударный труд. На д. н. помещались имена передовиков производства. Отношение к д. н. не было однозначным. Если лагерное начальство и антифашистский актив считали д. н. непременным атрибутом социалистического соревнования и ревностно следили за ее оформлением, то остальные военнопленные чаще воспринимали д. н. либо безразлично, либо с нескрываемой иронией.

Женевские конвенции 1929 года «О содержании военнопленных» и «Об улучшении участия раненых и больных в действующих армиях» были приняты на Международной конференции в Женеве 27 июля 1929 года делегациями от 47 государств. Ж. к. исходили из принципа уважения личности, чести и достоинства каждого солдата, попавшего в плен. В статье второй конвенции «О содержании военнопленных» говорилось, что военнопленные должны находиться «во власти неприятельской державы, но отнюдь не отдельной воинской части». Подчеркивалось, что с пленными солдатами противника надо обходиться человеколюбиво, защищать их от насилия, оскорблений и любопытства толпы. В этой же статье содержался запрет на применение репрессий по отношению к военнопленным. Советский Союз не принимал участия в работе Женевской конференции. Конвенция «Об улучшении участия раненых и больных в действующих армиях» была признана руководством СССР позднее. Что ка-

сается конвенции «О содержании военнопленных», то Советское правительство ее вообще не подписало, а приняло 19 марта 1931 г. свое «Положение о военнопленных». Таким образом, межгосударственное соглашение было подменено внутренним законодательством, исходившим из классовых приоритетов.

Женевские конвенции 1949 года — международные соглашения, направленные на защиту жертв вооруженных конфликтов. В отличие от Женевских конвенций, принятых в 1929 г., конвенция «Об улучшении участия раненых и больных в действующих армиях» от 12 августа 1949 г. и конвенция «Об обращении с военнопленными» более подробно и широко трактовали права пленных, в т. ч. раненых и больных. Появились в этих документах и принципиально новые статьи, касающиеся, к примеру, порядка *repatriации* и привлечения военнопленных к уголовной ответственности. Женевские конвенции были приняты с участием СССР, который ратифицировал их с некоторыми оговорками в 1954 году. В 1977 г. в качестве приложений к вышеупомянутым соглашениям были приняты два Дополнительных протокола, направленные на защиту жертв вооруженных конфликтов международного и локального характера.

Законы и обычаи войны — совокупность норм и принципов международного права, устанавливающих права и обязанности воюющих сторон и нейтральных государств на случай вооруженного конфликта. В годы Второй мировой войны з. о. в. регулировались Гаагской (1907) и Женевскими (1929) конвенциями. Беспрецедентный и массовый характер имели нарушения з. о. в., в т. ч. по отношению к военнопленным, со стороны фашистской Германии. Советский Союз также не всегда придерживался з. о. в., но с пленными солдатами и офицерами вермахта здесь обходились гораздо более гуманно. После Второй мировой войны нарушение з. о. в. было отнесено к разряду наиболее тяжких военных преступлений. Международный трибунал в Нюрнберге осудил главных военных преступников на *смертную казнь* через повешение. В Советском Союзе немецких военных преступников также приговаривали к высшей мере наказания, а после отмены смертной казни в 1947 г. — к 25 годам лишения свободы.

Заложники — лица, насильственно удерживаемые одной из воюющих сторон для того, чтобы под угрозой лишения их жиз-

ни заставить другую воюющую сторону совершить или воздержаться от совершения каких-либо действий. Взятие и убийство з. запрещалось *Гаагскими* (1907) и *Женевскими* (1929) конвенциями. Во время войны Германия и другие страны «оси» практиковали захват и расстрел з. в самых широких масштабах. Многочисленные случаи взятия з. и их расстрелов приводились на *Нюрнбергском процессе*. На этот счет советская сторона представила многочисленные показания немецких военнопленных. По мнению ряда западных исследователей, немецкие военнопленные в СССР, отстраненные в конце 40-х гг. от *репатриации*, рассматривались И.В. Сталиным как средство политического давления на западные державы и молодое западно-германское государство.

Запретная зона — участок местности возле лагеря военнопленных или места их работы, пересечение которого запрещалось. В противном случае делался предупредительный выстрел и открывался огонь на поражение (см. *второй выстрел*). Как правило, з. з. устанавливалась по обе стороны лагерных ограждений. Для того чтобы зафиксировать факт нарушения, з. з. посыпали песком, который систематически разравнивали граблями. Границы з. з. обозначались табличками с надписью на нескольких языках следующего содержания: «Запретная зона. Подходить воспрещено. Стреляю».

Запрещенные работы — работы, выполнение которых связано с опасностью для жизни и здоровья человека. В соответствии со ст. 9 *Женевской конвенции от 27 июля 1929 г.* военнопленные не могли использоваться на работах в местности с неблагоприятными климатическими условиями. К категории з. р. конвенция также относила работы, имеющие отношение к военным действиям. Согласно ст. 31 военнопленных запрещалось использовать для изготовления и перевозки оружия, постройки всякого рода укреплений. Из материалов *Нюрнбергского процесса* известно, что нацисты привлекали советских военнопленных к транспортировке снарядов, расчистке минных полей, заставляли работать полуслепых людей на вредном производстве и т. п. Однако использование пленных на работах, угрожавших их жизни и здоровью, имело место, правда, в меньших масштабах, и в СССР. Уже с февраля 1943 г. немецких военнопленных стали привлекать к работам по восстановлению Сталинграда, в т. ч. к разминированию города и его окрестностей. В послевоен-

ное время серьезную опасность для жизни и здоровья представляли собой работы на Яхимовских урановых рудниках на территории Чехословакии, а также на спецобъектах предприятия «Висмут» в Восточной Германии. Принятое в СССР в 1941 г. *Положение о военнопленных* запрещало использовать труд военнопленных только «в районах боевых действий». Зато этот же документ включал в разряд запрещенных работы, связанные с обслуживанием личных нужд администрации и других военнопленных (денщикство). Однако лагерное начальство нередко привлекало пленных, например, к строительству собственных дач или же к работам на своих огородах. Что касается «денщества», то некоторым немецким генералам даже разрешили иметь слуг из числа военнопленных. В частности, фельдмаршал Ф. Паулюс, будучи в советском плену, пользовался услугами ординарца и личного повара.

Зарплата — предусмотренная принятым в СССР в 1941 г. *Положением о военнопленных* выплата денежного вознаграждения за труд. Согласно решению ГКО № 8921с от 4 июля 1945 г. размер з. устанавливался в пределах не более 200 руб. в месяц для занятых на тяжелых работах и не более 150 руб. в месяц для занятых на прочих работах. Если в 1947 г. военнопленным в качестве з. в совокупности было начислено 317 336 тыс. руб., то в 1948 г. — уже 378 715 тыс. руб. З. военнопленным на руки не выдавалась, а зачислялась на их лицевые счета и могла расходоваться на приобретение продовольственных и промышленных товаров. Окончательный расчет с военнопленными производился при их *репатриации*. При этом они получали деньги на руки, но должны были их израсходовать до пересечения поездом государственной границы СССР.

Землянка, или земляной барак — лагерное строение облегченной конструкции, предназначенное для временного проживания военнопленных. Строительство з. объяснялось хронической нехваткой помещений для размещения пленных, а также разбивкой многих лагерных отделений в необжитых местах. З. возводилась следующим образом: рылся ров до полутора метров глубиной, затем боковые стенки этого рва обшивались досками, вдоль стен сооружались сплошные нары. Отапливалась з. двумя железными печками.

Знаки различия и знаки отличия — знаки на форме, обозначающие воинское звание и принадлежность к роду войск, и знаки на форме, свидетельствующие о боевых заслугах их владельца. К з. р. военнослужащих германской армии относились погоны, эмблемы, нашивки. З. о. были представлены орденами, медалями и прочими наградами. Принятое в СССР в 1941 г. Положение о военнопленных разрешало пленным носить з. р. и з. о. В годы Великой Отечественной войны это правило строго соблюдалось, однако 2 ноября 1945 г. вышел приказ НКВД СССР № 0268, запрещавший ношение тех и других знаков. Их изъятие поручалось произвести оперативно-чекистским отделам лагерей. 4 сентября 1951 года вышло распоряжение Совета Министров СССР № 16253-рс об уничтожении з. о. и з. р. бывшей германской армии.

Изоляция (от фран. isolation — обособление) — ограничение связи с окружающей средой. **И.** являлась одним из основных принципов лагерной системы УПВИ-ГУПВИ НКВД-МВД СССР. **И.** использовалась, во-первых, как наказание (помещение на гауптвахту). Во-вторых, она представляла собой комплекс мер, проводимых для предупреждения утечки негативно характеризующей СССР информации. Инструкции НКВД-МВД, к примеру, требовали ставить военнопленных на такие работы, которые позволяли максимально ограничить их контакты с местным населением.

Инвалиды (от лат. invalidus — бессильный, слабый) — военнопленные, утратившие трудоспособность вследствие ранений, контузии, тяжелого заболевания или производственной травмы. **И.** признавался тот военнопленный, негодность которого к работе устанавливалась врачебно-трудовой комиссией. **И.** делились на 3 группы: к первой группе относились лица, полностью освобождаемые от работы, ко второй — используемые в рамках индивидуального инвалидного труда, к третьей — занятые на подсобных работах в лагере. Если для **и.** третьей группы вакантных рабочих мест не было, то их использовали на обычных работах, на половину снижая норму выработки. В целом лагерное начальство рассматривало **и.** как обузу и стремилось депатрировать в первую очередь.

Иностранные военные формирования (от лат. formare — образовывать, составлять) — воинские части, сформированные на

территории СССР в период Великой Отечественной войны из иностранных граждан и принимавшие участие в боевых действиях на советско-германском фронте. Их комплектование и обучение проводились на основе двухсторонних соглашений с эмигрантскими правительствами стран, боровшихся против фашизма. *И. в. ф.* организационно не входили в состав Красной Армии, сохраняли самостоятельность в вопросах внутреннего распорядка, но в оперативном отношении подчинялись советскому командованию. *И. в. ф.* соблюдали национальные традиции, имели свои боевые знамена, знаки различия и отличия. В составе *и. в. ф.* в СССР были чехословацкие, польские, югославские, румынские и французские соединения, на комплектование которых из лагерей было направлено более 57 тыс. военнопленных. Заявления о желании вступить в ряды Красной Армии исходили и от пленных солдат германской армии. Так, в марте 1943 г. под влиянием поражения войск вермахта под Сталинградом большая группа немецких военнопленных из лагеря № 98 просила Верховное Главнокомандование Красной Армии создать антифашистский корпус «для открытого боя с гитлеризмом». Аналогичную идею вынашивал президент *Союза немецких офицеров* генерал В. Зайдлиц. Однако на создание *и. в. ф.* из военнопленных немцев советское руководство так и не решилось.

Инспектирование (от лат. inspectare — смотреть, осматривать) — важнейшая форма контроля УПВИ-ГУПВИ НКВД-МВД за состоянием лагерей и работы с военнопленными. *И.* проводилось инспекционной группой или **инспектором** (от лат. inspector — наблюдатель, смотритель). *И.* чаще всего предпринималось в случае чрезвычайных обстоятельств (высокий уровень смертности среди лагерного контингента, забастовки, массовые голодовки, жалобы на произвол лагерной администрации). В случае обнаружения каких-либо нарушений со стороны руководства лагеря его отдельные представители привлекались к административной или уголовной ответственности.

Институт № 99 (от лат. institutum — учреждение) — специальная комиссия при ЦК ВКП(б), созданная для руководства работой политэмигрантов-коммунистов с военнопленными. Еще с довоенного времени в СССР существовал утверждавшийся Советом Народных Комиссаров список закрытых или специальных институтов, которым присваивался порядковый номер. Одним из первых в этом списке появился так называемый «Ин-

ститут № 99». Создание **И.** велось параллельно с образованием НКСГ (июль 1943 г.). Деятельностью **И.** руководил офицер ГлавПУ РККА А. Пик, позднее — представитель ЦК ВКП(б) М.В. Козлов. В работе **И.** принимали участие руководители германской компартии В. Ульбрихт, И. Бехер, В. Бредель, Э. Хернле, Ф. Вольф и др. Через **И.** направлялась деятельность НКСГ, здесь готовились кадры для Седьмого управления ГлавПУ РККА, выпускались газеты и бюллетени на немецком языке. Под руководством **И.** и по его программам шло обучение военнопленных в антифашистских школах. В апреле — мае 1945 г. часть сотрудников **И.** была направлена на работу в Германию, а в октябре 1946 г. **И.** был ликвидирован. Проведение антифашистской и культурно-массовой работы среди военнопленных было возложено на политотдел ГУПВИ МВД.

Интернирование (от лат. *internus* — внутренний) — особый режим ограничения свободы (принудительного задержания), устанавливаемый одной воюющей стороной в отношении гражданского населения другой стороны или нейтральным государством в отношении оказавшихся на его территории солдат и офицеров воюющих сторон. Интернированные, как правило, помещаются в определенную местность, которую им запрещается покидать. В документах НКВД-МВД немцы, вывезенные по постановлению ГКО № 7161сс от 16 декабря 1944 г. из Румынии, Югославии, Венгрии, Болгарии и Чехословакии в СССР, именуются «интернированными». Хотя правильнее было бы называть их депортированными по национальному признаку. Немцы в количестве более 208 тыс. чел. в возрасте от 17 до 50 лет, «годные к физическому труду и способные носить оружие», в течение нескольких лет работали на предприятиях и стройках Советского Союза. Таких интернированных немцев сводили в рабочие батальоны или же помещали в лагеря. Директива ГУПВИ НКВД № 28/35 от 6 июня 1945 г. требовала от руководства внутренних дел республик, краев и областей вести раздельный учет военнопленных и интернированных.

Каннибализм (от фран. *cannibalisme* — людоедство) — употребление в пищу человеческого мяса. Отдельные факты **к.** имели место в лагерях УПВИ НКВД СССР зимой 1942—1943 гг., когда ситуация с продовольственным обеспечением военнопленных была критической. Так, в лагере № 62 (Воронежская обл.)

были зарегистрированы два случая к. В этой связи УПВИ провело оперативное расследование и предприняло меры по нормализации снабжения лагеря продовольствием.

Капитуляция Германии (от лат. *capitulare* — договариваться в известных пунктах) — официальное признание германским верховным командованием военного поражения. Акт о безоговорочной капитуляции был подписан 8 мая 1945 г. генерал-фельдмаршалом В. Кейтелем, уполномоченным от ВМФ генерал-адмиралом Х. фон Фридебургом, от BBC — генерал-полковником Г. Штумпфом в присутствии маршала Советского Союза Г.К. Жукова и представителей США, Великобритании, Франции. В ходе к. перед войсками Красной Армии оружие сложили более 1,3 млн. немецких солдат и офицеров. Советская сторона, в нарушение Женевской конвенции, объявила всех капитулировавших военнослужащих вермахта военнопленными, погрузила в вагоны и направила в СССР. Поскольку союзники придерживались противоположной точки зрения, был принят компромиссный вариант. В документе под названием «Декларация о поражении Германии» от 5 июня 1945 г. говорилось, что решать вопрос о том, кого следует считать военнопленным, предоставляемся главнокомандующему того или иного союзного государства.

Карантин (от итал. *quaranta giorni* — сорок дней) — система противоэпидемических мероприятий, практикуемая в целях отделения поступивших от уже находящихся в лагере военнопленных. Лица, прибывшие в лагерь, подлежали строгой изоляции в специальных карантинных бараках в течение 20—40 дней. За это время проводились профилактические мероприятия, имеющие целью не допустить вспышку инфекционных заболеваний в лагере. В период прохождения к. учетно-регистрационный отдел заводил на военнопленных личные дела, *врачебно-трудовая комиссия* устанавливала каждому из них группу трудоспособности, а оперативно-чекистский отдел стремился выявить приверженцев фашистской идеологии.

Кладбища военнопленных — специально отведенная территория для захоронения умерших военнопленных. Несмотря на то, что в *Женевской конвенции 1929 г.*, а также в *Положении о военнопленных*, принятом СНК СССР в 1941 г., говорилось о необходимости уважительно относиться к могилам скончавших-

ся солдат неприятеля, погребение умерших в годы войны нередко производилось во рвах, болотах, блиндажах, в железнодорожных насыпях. Попытки привести в порядок захоронения военнопленных стали предприниматься только после окончания Великой Отечественной войны. Так, 24 мая 1949 г. вышло распоряжение министра внутренних дел СССР № 324, которое обязывало руководство МВД краев и областей проследить за тем, чтобы были поправлены оградки, намогильные холмики, а на каждой могиле установлен опознавательный знак. Однако исправить положение не удалось. Более того, если в 1950 г. на учете ГУПВИ МВД состояло 2 088 к. в., то в мае 1959 г. их осталось всего 50. В настоящее время работа по поиску и благоустройству к. в. производится на основании российско-германского соглашения «Об уходе за военными могилами в Российской Федерации и Федеративной Республике Германии» от 16 декабря 1992 года.

Коллаборационист (от фран. collaboration — сотрудничество) — лицо, вставшее на путь сотрудничества с противником. В выступлениях министра пропаганды нацистской Германии Й. Геббельса немецкие военнопленные, вступившие в ряды НКСГ и СНО, были названы предателями. Историки ФРГ, в отличие от своих коллег из СССР и ГДР, придерживались именно этой версии. Лишь с начала 90-х гг. в германском обществе начался процесс переосмыслиния роли и места немецких антифашистов в движении Сопротивления.

Колонна (фр. colonne) — порядок построения военнопленных, применявшийся для их конвоирования. В к. пленные выстраивались обычно в процессе следования на работу и с работы. Массовый характер построения в к. можно было наблюдать при конвоировании немцев по улицам Москвы 17 июля 1944 года. 60 тысяч военнопленных были выстроены в 26 больших к., каждая из которых делилась на три батальонные колонны. Движение в к. осуществлялось нестроевым шагом.

Команда самоохраны (от фран. commander — поручать, приказывать) — подразделение из числа военнопленных, выполнившее, наряду с конвойными войсками, функции охраны и конвоирования. К. с. вводились приказом наркома внутренних дел СССР № 0172 от 27 июня 1945 г. в целях высвобождения личного состава конвойных войск НКВД-МВД. Отбор лиц в них

производился специальной комиссией в составе начальника лагеря и его заместителей по политической и оперативной работе. Составшие в *к. с.* военнопленные содержались в лучших бытовых условиях, а также получали денежное довольствие: солдаты по 50 руб., командиры отделений — 75 руб., начальники команд — 100 руб. в месяц. Личный состав *к. с.* носил отличительный знак — белую повязку с черными буквами «КС». Оружие охранникам из числа военнопленных не выдавалось, наводить порядок им помогали флаги и свистки.

Комбатанты (сражающиеся — от фран. *combattant* — воин, боец) — лица, входящие в состав вооруженных сил воюющей стороны и принимающие непосредственное участие в боевых действиях. Согласно Женевской конвенции 1929 г., *к.* признавались военнослужащие, участники ополчений, отряды добровольцев, население, стихийно взявшееся за оружие для борьбы с вторгшимися войсками неприятеля. Фашистская Германия, подписавшая это международное соглашение, тем не менее отказывалась считать *к.* партизан.

Конвой (от фран. *convoyer* — сопровождать) — воинское подразделение, предназначенное для сопровождения и охраны заключенных и военнопленных. Согласно циркуляру НКВД № 332 от 26 июня 1943 г. *к.* назначался из расчета один конвоир на 15 военнопленных. В состав *к.* предписывалось включать *военного переводчика*, а также оперативную группу с собакой. На эшелон численностью в 1 500 военнопленных выделялся *к.* в количестве 35—45 чел. Оружие разрешалось применять в случаях нападения на конвоиров, при попытке побега, массовых беспорядках, сопровождающихся открытым сопротивлением.

Конвойные войска НКВД-МВД — специальный вид внутренних войск НКВД, выполнивший задачи по охране и сопровождению заключенных и военнопленных. Подчинялись Главному управлению *к. в.* НКВД, созданному 16 марта 1939 года. Возглавил ГУКВ НКВД Советского Союза комбриг В.М. Шарапов. *К. в.* состояли из лиц сержантского и рядового состава, комплектуемого по призыву и в порядке вольного найма. С сентября 1939 г. *к. в.* осуществляли охрану польских военнопленных, с декабря того же года — финских военнопленных. В годы Великой Отечественной войны главным объектом *к. в.*

становятся немецкие военнопленные. В 1941 г. к. в. сопроводили из прифронтовой полосы в тыловые лагеря 12 627 чел., в 1942 г.— 118 380 чел., в 1943—401 205 чел., в 1944—1 633 621 военнопленных. В 1945 г. на охрану военнопленных командование к. в. ежедневно выделяло 30 тысяч человек. На 1 января 1948 года к. в. обеспечивали охрану 1497 лаготделений и спецгоспиталей. В связи с *репатриацией* военнопленных идет сокращение к. в. в целом. Если в 1946 г. они насчитывали 150 тыс. чел., то к началу 1951 г.— только 92 тыс. человек. По постановлению Совета Министров СССР от 6 мая 1951 г. охрана осужденных военнопленных была возложена на военизированную охрану Главного управления лагерей МВД СССР.

Контрольный пленный, или «язык» — военнослужащий противника, захваченный в плен в целях получения, уточнения и перепроверки разведывательных данных. К. п., в отличие от обычного военнопленного, до отправки на АПП находился в гораздо более бесправном положении: к нему нередко применялись меры физического воздействия, угрозы и оскорблений. Сведения на этот счет можно встретить в мемуарной литературе о Великой Отечественной войне, одним из излюбленных сюжетов которой является охота советских разведчиков за «языком».

Культурно-массовая работа — деятельность политотделов лагерей по организации свободного времени и досуга военнопленных. В период 1943—1949 гг. в лагерях функционировали 575 клубов, 985 библиотек, 3 315 кружков художественной самодеятельности. Для военнопленных было проведено 65 717 киносеансов, их силами поставлено 179 973 спектакля. Нередким явлением в культурной лагерной жизни были оркестры и хоры военнопленных. Исполнялись не только произведения советского искусства, но и шедевры мировой музыкальной культуры. Видное место в репертуаре лагерных драмкружков занимали пьесы, написанные самими военнопленными и одобренные к постановке политотделом ГУПВИ МВД. Большой популярностью пользовались спортивные состязания. Программой антифашистских школ и курсов предусматривалось посещение «образцово-показательных совхозов и колхозов», музеев, театров, различных выставок.

Лагерь военнопленных стационарный (нем. Lager — поселение, стоянка) — лагерь, предназначенный для постоянного со-

держания военнопленных. Каждый л. в. с. имел в своем штатном расписании канцелярию, оперативно-чекистское, политическое, учетно-распределительное, хозяйственное, финансовое и санитарное отделения, а также охранную и пожарную команды. Общее руководство осуществлял начальник лагеря. Заместитель начальника отвечал за организацию режима и охраны военнопленных. Все стационарные лагеря подразделялись на 3 типа: рядового и унтер-офицерского состава, офицерского состава, смешанного типа. Последние имели отдельные жилые зоны для той и другой категории военнопленных. Всего за период с 1941 по 1949 гг. в СССР было организовано 267 стационарных лагерей, через которые прошли, согласно официальным данным НКВД-МВД, 2 389 560 пленных солдат и офицеров германской армии.

Лагерь-распределитель — лагерь для временного содержания военнопленных и последующей отправке их в стационарные лагеря. Приказом НКВД № 001155 от 5 июня 1942 г. было создано 6 л.-р. Обслуживание Карельского и Волховского фронтов поручалось Череповецкому лагерю (Вологодская обл.), Северо-Западного и Ленинградского — Боровичскому (Ленинградская обл.), Западного и Калининского — Красногорскому (Московская обл.), Брянского — Елецкому (Орловская обл.), Юго-Западного — Острожскому (Воронежская обл.), Южного и Северо-Кавказского — Каменск-Шахтинскому (Ростовская обл.). К началу 1943 г. число л.-р. увеличилось до 9. По своей пропускной способности они делились на следующие категории: 1-я категория — лагеря, рассчитанные на 3 500 чел. и выше; 2-я категория — от 2 000 до 3 500 чел.; 3-я категория — до 2 000 человек. Л.-р. являлись лагерями передвижного типа и меняли свою дислокацию в зависимости от обстановки на фронтах.

Лаготделение — структурное подразделение в составе стационарного лагеря. За период с 1941 по 1949 гг. в системе УПВИ-ГУПВИ НКВД-МВД было создано в общей сложности 2 112 л. Как правило, л. располагались в непосредственной близости от места работы военнопленных.

Ларьки и буфеты — торговые точки, снабжавшие военнопленных продуктовыми и промышленными товарами. Появились после отмены в СССР карточной системы. В директиве

Центросоюза СССР и МВД СССР № 2191с/170 от 3 сентября 1947 г. говорилось, что *л.* и *б.* вводятся в целях повышения производительности труда военнопленных. Ассортимент товаров в *л.* и *б.* был очень ограниченным. В *л.* обычно производилась торговля овощами, молочными продуктами, консервами, табаком. В *б.* отпускались горячие и холодные блюда. Торговля, как правило, велась по безналичному расчету. Передовики производства обслуживались вне очереди.

Листовки — печатные листки агитационно-политического содержания, распространяемые среди войск противника. В годы Великой Отечественной войны *л.* широко использовались ГлавПУ РККА для разоблачения нацистской пропаганды, разложения немецких войск и призывов к солдатам вермахта сдаваться в плен. *Л.* попадали в район расположения войск противника самым различным образом: их сбрасывали с самолетов, переправляли через линию фронта с помощью специальных артиллерийских снарядов и мин. Помимо технических средств, *л.* в войска вермахта доставляли уполномоченные НКСГ и СНО. От имени той и другой антифашистской организации ГлавПУ РККА выпустило 82 млн. экземпляров *л.* различного содержания. В отличие от большинства *л.*, подготовленных сотрудниками ГлавПУ РККА, *л.* НКСГ и СНО были более близки и понятны немецким солдатам. Наиболее известным собирателем и издателем *л.* периода Второй мировой войны является почетный доктор Мюнхенского университета Клаус Кирхнер.

Матрикулярный номер (от лат. *matricula* — список) — служебной номер, присвоенный военнослужащему германской армии и занесенный в его солдатскую книжку. В Женевской конвенции говорится, что попавший в плен военнослужащий должен сообщить только свое имя и служебной номер. В Инструкции о порядке учета военнопленных в лагерях НКВД от 7 августа 1941 года указывалось: «В п. 22 опросного листа записывается матрикулярный (личный) номер военнопленного и точное название части и рода войск, в которых он находился во время взятия в плен».

Медико-санитарная карта — документ о состоянии здоровья военнопленного, прилагавшийся к его личному делу. Форма *м.-с. к.* устанавливалась инструкцией УПВИ № 28/7309 от

17 июля 1942 г. *М.-с. к.* содержала сведения о результатах медосмотров, отметки о прививках, сведения о пребывании военнопленного на лечении. Документ заверялся подписью врача санитарного отделения лагеря.

Медицинское обеспечение военнопленных — комплекс мероприятий по сохранению жизни, здоровья и трудоспособности военнопленных. *М. о. в.* включало в себя хирургическое и терапевтическое лечение раненых и больных, профилактические, санитарно-гигиенические мероприятия, а также обеспечение лазаретов и госпиталей медицинским инструментарием и лекарственными препаратами. Согласно *Положению о военнопленных*, утвержденному СНК СССР 1 июля 1941 г., военнопленные в медико-санитарном отношении должны были обслуживаться на одинаковых основаниях с военнослужащими Красной Армии. Однако на практике *м. о. в.*, особенно во фронтовых госпиталях, осуществлялось по остаточному принципу.

Межведомственная комиссия — комиссия, создаваемая из представителей министерств внутренних дел, государственной безопасности, юстиции, иностранных дел и прокуратуры для рассмотрения уголовных дел военнопленных. На основании распоряжения МВД СССР № 634 от 14 октября 1949 г. *м. к.* создавались на областном, краевом и республиканском уровнях. Эти комиссии принимали решение либо о возможности *репатриации* военнопленного, либо о целесообразности предания его суду военного трибунала. Заключения областных, краевых и республиканских *м. к.* направлялись в Центральную *м. к.*, которая выносила окончательное решение.

Международный комитет Красного Креста, или *MKCK* — организация из числа швейцарских граждан, оказывающая помощь жертвам войн и вооруженных конфликтов. Основана в 1863 г., штаб-квартира находится в Женеве. Эмблема *MKCK* — красный крест на белом фоне. Представительство *MKCK* в России просуществовало до 1938 г., когда на волне ксенофобии было закрыто. В период Второй мировой войны помочь жертвам войны оказывали более 180 уполномоченных *MKCK* и 3 000 их добровольных помощников. *MKCK*, в силу предоставленных ему Женевской конвенцией 1929 г. полномочий, стремился облегчить участь советских и немецких солдат, попавших в плен.

Международный комитет был инициатором обмена списками военнопленных, поставок гуманитарной помощи, организации *переписки и репатриации* плененных на родину. Однако фашистская Германия, а вслед за ней и СССР отвергли большинство инициатив *MKKK*. С началом «холодной войны» советское руководство стало рассматривать *MKKK* как «орудие американской политики». Представительство *MKKK* возобновило свою работу в Москве только в 1992 году.

Национальный комитет «Свободная Германия» (нем. Nationalkomitee «Freies Deutschland») — антифашистская организация из числа немецких военнопленных и политэмигрантов. Учредительная конференция состоялась 12 июля 1943 г. в г. Красногорске. Президентом *НКСГ* был избран поэт-коммунист Эрих Вайнерт. В «Манифесте НКСГ к вермахту и немецкому народу» разоблачалась преступная политика гитлеровского руководства, содержался призыв к немедленному окончанию войны. *НКСГ* ставил задачу превратить движение «Свободная Германия» в широкий национальный фронт борьбы с гитлеризмом. Целью движения было свержение нацистского режима и создание свободной демократической Германии. Члены *НКСГ* призывали немецких солдат переходить на сторону Красной Армии, помогали военнопленным освободиться от фашистской идеологии. Печатным органом *НКСГ* была газета «*Freies Deutschland*». Наиболее подготовленные пропагандисты *НКСГ* забрасывались в фашистский тыл. К программе *НКСГ* присоединился созданный в Советском Союзе в сентябре 1943 г. Союз немецких офицеров. *НКСГ* был распущен 2 ноября 1945 года.

Норма жилой площади (от лат. *norma* — установленная мера) — размер жилой площади, полагавшейся одному военнопленному. Согласно принятым НКВД-МВД инструкциям *н. ж. п.* должна была составлять не менее 2 м². Однако во время войны и до начала массовой *репатриации* в 1947 г. помещений для размещения пленных не хватало, в результате чего *н. ж. п.* не выдерживалась и составляла в среднем 1,2 м².

Нормы питания — количество продуктов, установленное к выдаче военнопленным. Нормы хлебного и котлового довольствия неоднократно пересматривались. 30 июня 1941 г. СНК СССР своим постановлением № 1782—79сс ввел следующие

и. п.: хлеба ржаного в сутки — 400 г, картофеля и прочих овощей — 500 г, рыбы — 100 г, крупы разной — 100 г, масла растильного — 20 г, сахара — 20 г, соли — 30 граммов. С 13 марта 1943 г. были установлены дифференцированные *и. п.*, согласно которым офицеры, в отличие от рядового состава, получали: хлеба — 600 г, картофеля — 900 г, прочих овощей — 400 граммов. Кроме того, в их рационе появилось мясо и кофе. В лагерях НКВД несоблюдение *и. п.* было обычным явлением, однобразным был и ассортимент продуктов. Калорийность суточного пайка редко превышала 2 000 калорий, тогда как при тяжелой физической работе минимумом калорийности считались 3 000 калорий. Ситуацию усугубляло то, что отдельные работники лагерей занимались хищениями, указанная в меню раскладка продуктов нарушалась. Лишь в конце 1947 г. ситуация с продовольственным снабжением военнопленных нормализовалась. Согласно распоряжению МВД № 794 они стали получать дополнительно 100 г хлеба. При этом улучшились ассортимент и качество продуктов. В любом случае *и. п.* военнопленных были выше *и. п.* советских заключенных. Что касается офицеров и генералов, то они питались даже лучше, чем рядовые советские граждане.

Нота дипломатическая (от лат. nota — знак, замечание) — документ, адресованный одному или нескольким государствам по наиболее важным и принципиальным вопросам. В период вооруженного столкновения с фашистской Германией были широко распространены *и. д.*, содержащие претензии по поводу нарушения войсками *вермахта* законов и обычая войны, в т. ч. *Гаагской и Женевской конвенций* об обращении с военнопленными. С началом «холодной войны» получили широкое распространение ноты западных государств в адрес СССР по поводу затянувшейся *репатриации* немецких военнопленных.

Нота от 17 июля 1941 года — нота, направленная правительству Швеции как государству-протектору, взявшему на себя обязательства осуществлять посредничество в переговорах между Советским Союзом и фашистской Германией. В этом документе советская сторона выражала готовность урегулировать с нацистским правительством вопросы обращения с пленными на условиях взаимности. Однако Гитлер и его ближайшее окружение, не сомневавшиеся в скором завершении войны на Востоке,

проигнорировали заявление Советского Союза. В ответной ноте министерства иностранных дел Германии от 25 августа 1941 г. было сказано, что массовые расстрелы немецких военнопленных частями Красной Армии доказывают лицемерный характер дипломатических шагов сталинского руководства.

Нюрнбергский процесс — судебный процесс над главными *военными преступниками* фашистской Германии, проходивший в Нюрнберге в период с 20 ноября 1945 г. по 1 октября 1946 года. Перед Международным военным трибуналом предстал 21 нацистский руководитель, из которых к *смертной казни* через повешение были приговорены 11 чел., к пожизненному заключению — 3 чел., к 20 годам — 2, к 15 — 1, к 10 — 1. Они были осуждены за *планирование, развязывание и ведение агрессивной войны, нарушения законов и обычаев войны, преступления против мира и человечности*. В доказательство совершенных гитлеровцами преступлений советская сторона, в частности, предоставляла судьям письменные свидетельства немецких военнопленных. Некоторые из них выступали на процессе в качестве свидетелей. Наиболее яркий в этом отношении пример — выступление командующего бывшей 6-й германской армией фельдмаршала Ф. Паулюса.

Обмен военнопленными — процедура передачи пленных одним воюющим государством другому, предусмотренная *Женевской конвенцией 1929 года*. В *Положении о военнопленных*, принятом СНК СССР в 1941 г., такая возможность облегчения участия жертв войны не оговаривалась. В годы Великой Отечественной войны фашистская Германия при посредничестве Турции предприняла в Анкаре осенью 1941 г. попытку проведения переговоров по *о. в.* с советской стороной. Однако эта попытка не увенчалась успехом. После раздела Германии на оккупационные зоны между СССР, с одной стороны, Великобританией, США, Францией — с другой, проводился межнациональный обмен военнопленными. В 1947 г. из советской оккупационной зоны союзникам было передано 122 543 чел., в то время как из западных зон в восточную прибыло 131 200 человек.

Обморожения — повреждения тканей организма вследствие воздействия холода. *О.* были достаточно частым явлением в немецкой армии. Главными причинами *о.* были такие, как не-

приспособленность немецких солдат к русскому климату, отсутствие теплого обмундирования и обуви. Катастрофические масштабы приняли в период ликвидации Сталинградской группировки противника зимой 1942—1943 гг. Около 60 % немецких солдат, плененных под Сталинградом, имели о., осложненные гангреной и заражением крови. Проблема о. эпизодически напоминала о себе и после окончания войны. 27 декабря 1947 г. вышло распоряжение министра внутренних дел № 848, определившее круг мероприятий по профилактике о. военнопленных: в местах работ оборудовались обогревательные пункты, запрещался вывод лагерного контингента на производство при отсутствии теплой одежды и обуви.

«Образ врага» — негативный образ неприятеля, внедряемый в общественное сознание средствами пропаганды противоборствующих сторон. Враждебное отношение к фашистской Германии начало формироваться в советском обществе еще с середины 30-х гг. Потенциальный враг изображался как жестокий и коварный противник, стремящийся к мировому господству. Антигитлеровская пропаганда временно была свернута после того, как в августе 1939 г. нарком иностранных дел В.М. Молотов и министр иностранных дел Й. Риббентроп подписали пакт о неизменности. Начавшаяся Великая Отечественная война сняла все ограничения в применении средств и методов идеологического противоборства. Слово «немец» стало равнозначным слову «враг», а имена Фриц и Ганс стали ассоциироваться с такими понятиями, как «убийца» и «насильник». После завершения войны образ «немца-завоевателя» трансформировался в образ «военного преступника», который должен понести ответственность за свои кровавые злодеяния.

«Обращение 158» — возвзвание 158 немецких военнопленных к германскому народу, подписанное ими в октябре 1941 г. в Темниковском лагере № 58. Разработкой этого документа руководил В. Ульбрихт — председатель комиссии Коминтерна по политической работе среди военнопленных. «Обращение» носило ярко выраженный антивоенный и антифашистский характер. В нем говорилось: «Есть две Германии... Германия страдающих манией величия магнатов, готовых во имя своих эгоистических интересов пожертвовать цветом немецкой молодежи, и Германия немецкого народа, требующего

немедленного прекращения войны». Это возвзание неоднократно издавалось в сокращенном виде в форме листовки. Полный текст «Обращения 158» был опубликован в газетах «Правда» и «Известия» от 15 ноября 1941 года.

Обыск — изъятие у военнопленных запрещенных инструкциями УПВИ-ГУПВИ НКВД-МВД предметов. К таковым относились оружие, документы, карты, бинокли, компасы, спиртные напитки, любая литература, лекарства, деньги, драгоценности и т. д. Процедура *о.* проводилась в плановом порядке не реже одного раза в неделю. Кроме того, инструкции предусматривали проведение *о.* во время посещения пленными бани, при подозрении в подготовке *бегства*. В бараках обыскивались щели в стенах и на полу, постельные принадлежности. Одновременно осматривалась одежда и обувь каждого военнопленного. При этом карманы выворачивались, швы тщательно прощупывались. В сапогах и ботинках искали лезвия, другие острые предметы, а также любого рода записи. Личный *о.* длился до 20 минут, а *о.* помещения — до 2 часов. Военнопленный, у которого были обнаружены запрещенные предметы, направлялся на *гауптвахту*.

Ограждения лагерной зоны — сеть инженерных сооружений, направленных на изоляцию и предотвращение *бегства* военнопленных. *О. л. з.* строились по принципу правильного прямоугольника или квадрата, что обеспечивало часовому беспрепятственное наблюдение за отведенным сектором. Для лучшей видимости стены ограждений белились. Прилегающая к лагерю местность расчищалась от кустарника, деревьев и высокой травы. Согласно приказу наркома внутренних дел СССР № 059 от 29 марта 1945 г. территория лагерей для военнопленных ограждалась по периметру двойным забором из колючей проволоки. Иногда с внешней стороны *о. л. з.* протягивалась гладкая проволока, по которой скользили цепи сторожевых собак. В связи с нехваткой колючей проволоки разрешалось устраивать *о. л. з.* в виде деревянных заборов, частоколов, плетней.

Оздоровительный лагерь (отделение) — лечебно-профилактическое учреждение с особым распорядком дня и медицинским обслуживанием, направленным на восстановление физического состояния ослабленных военнопленных. *О. л.* вводились приказом наркома внутренних дел СССР № 0219 от 5 октября 1944 года.

Было создано 15 таких лагерей, в остальных вводились оздоровительные отделения. В *о. л.* помещались военнопленные-дистрофики, больные, нуждавшиеся в восстановлении физических сил. Кроме того, в них могли попасть передовики производства или «рекордисты», как их нередко именовали. Для этого контингента пребывание в *о. л.* носило поощрительный характер. Питание военнопленных в *о. л.* производилось по повышенной норме, превышавшей основную на 25 %. Горячие блюда выдавались в обязательном порядке три раза в день. Аналогичные с *о. л.* функции выполняли оздоровительные отделения. Под них в лагерях выделялись лучшие бараки. Емкость *о. о.* устанавливалась из расчета 10 % к лимитной численности лагеря. Конtingент *о. л.* и *о. о.* привлекался к трудотерапии — легким, непротивопоказанным для здоровья работам.

Окружение, или «*котел*» — войсковая операция по изоляции группировки противника с целью уничтожения или пленения. Отступающие части Красной Армии в начальный период Великой Отечественной войны неоднократно попадали в *о.* Особую известность получили Киевский и Вяземский «котлы» (сентябрь — октябрь 1941 г.). Всего в результате успешных наступательных действий *вермахта* к началу 1942 г. в немецком плена оказались 3,9 млн. советских военнослужащих. В свою очередь войска Красной Армии, перехватив стратегическую инициативу, провели ряд таких крупных операций по *о.* противника, как разгром немецких войск под Сталинградом зимой 1942—1943 гг., Ясско-Кишиневская операция 1944 г., Берлинская операция 1945 г., в которых было пленено соответственно 91 тыс., 208 тыс. и 480 тыс. человек.

Опросный лист — сведения о военнопленном, записанные с его слов в момент регистрации в стационарном лагере. В верхней части первой страницы *о. л.* отмечалось наименование лагеря, дата прибытия военнопленного, наклеивалась фотография. Ниже сообщались *матрикулярный номер* пленного, его фамилия, имя, отчество, год и место рождения, чин или звание, социальное происхождение, гражданство, профессия, принадлежность к политическим партиям, образование, семейное положение и прочие сведения. На оборотной стороне указывались особые приметы военнопленного, такие, как рост, телосложение, цвет волос, а также сведения о его проступках и дисциплинарных

взысканиях. Форма *о. л.* за долгие годы пребывания военнопленных в СССР претерпела существенные изменения. Если в начале войны *о. л.* содержал около 30 вопросов, то к концу — более 40.

Особое совещание при НКВД-МВД СССР — внесудебная инстанция, рассматривавшая следственные дела советских заключенных и иностранных военнопленных и выносившая им приговор с грубейшими нарушениями уголовно-процессуальных норм. В *ОСО* направлялись дела, которые по оперативным, политическим и иным соображениям считалось нежелательным рассматривать в суде. *ОСО*, как правило, выносило самые суровые приговоры — 10, 15, 25 лет лишения свободы и высшую меру наказания. Решения *ОСО* не подлежали пересмотру судебными и прокурорскими инстанциями. Приговор *ОСО* зачитывался осужденному, который должен был расписаться на бланке обвинительного заключения. После смерти И.В. Сталина *ОСО* были упразднены. В 1989 г. их деятельность была признана антiconституционной, а вынесенные приговоры подлежали пересмотру.

Отбой — сигнал отхода ко сну. Для военнопленных, согласно правилам внутреннего распорядка, давался в 23 часа несколькими ударами по рельсу, подвешенному перед лагерной комендатурой. После *о. выходить из бараков* запрещалось.

Отделения, взводы, роты и батальоны военнопленных — подразделения, создававшиеся по приказу НКВД СССР № 00311 от 16 апреля 1945 г. в целях укрепления лагерной дисциплины и повышения качества работы. Вводились вместо бригадной системы организации труда и формировались по национальному признаку. Отделение насчитывало 12—15 чел., взвод — 36—40 чел., рота — 150—160 чел., батальон — 600—700 человек. На должности командиров отделений, взводов, рот и батальонов назначались военнопленные из офицеров и унтер-офицеров, пользовавшихся доверием лагерного начальства.

Отравление — болезненное состояние человека, обусловленное воздействием яда на его организм. Причиной *о.* военнопленных нередко были недоброкачественные продукты питания, а также неудовлетворительное состояние пищеблоков лагерей. *О.* со смертельным исходом чаще наблюдалась в весенне-летний период, что объясняется употреблением военнопленными в пищу незнакомых ядовитых растений. Одни делали это по не-

ведению, другие — сознательно, для того чтобы сменить рабочее место на больничную койку. Директива министра внутренних дел СССР № 118 от 11 мая 1946 г. требовала проводить среди военнопленных разъяснительную работу по профилактике отравлений.

Пайка — суточная норма хлебного довольствия военнопленных. На величину *п.*, которая колебалась от 300 г до 1 кг, оказывали влияние такие факторы, как продовольственная ситуация в стране, выполнение производственной нормы, характер работ, чин военнопленного. Кражи чужой *п.* считались одним из самых неблаговидных поступков.

Перебежчик — военнослужащий, сознательно перешедший в расположение войск противника и сдавшийся ему в плен. После поражения немецких войск под Сталинградом переход на сторону Красной Армии военнослужащих *вермахта* стал достаточно массовым явлением. Только введение германским верховным командованием в последние месяцы войны жесткого террора по отношению к солдатам и офицерам, добровольно перешедшим в плен, позволило сохранить дисциплину и порядок в частях вермахта. На каждого *п.*, перешедшего в расположение советских войск, составлялась специальная справка, подтверждавшая его добровольную сдачу в плен. Эта справка прилагалась к его *учетному делу*. *П.*, согласно приказу НКВД № 00488 от 16 марта 1943 г., выдавалось на 100 г больше хлеба, чем остальным военнопленным.

Переписка — предусмотренная Гаагской и Женевскими конвенциями процедура обмена письмами между военнопленными и их родственниками. Правила *п.* регламентировались инструкцией «О порядке содержания военнопленных в лагерях НКВД», утвержденной 7 августа 1941 года. Масштаб *п.* немецких солдат и офицеров, оказавшихся в советском плену в годы Великой Отечественной войны, был невелик и преследовал пропагандистские цели. В Германию через МККК было переправлено около 30 тысяч писем, прошедших *политконтроль* и отобранных ГлавПУ РККА. Почтовые открытки из-за линии фронта получили 10 914 военнопленных. Приказом наркома внутренних дел от 13 июля 1945 г. вводились специальные почтовые карточки военнопленных. Им разрешалось писать максимум 25 слов и отправлять не более одной открытки в месяц. В 1946 г. неудов-

летьорительная организация *н.* пленных с их семьями становится поводом для критики СССР. Органы НКВД-МВД, не забывая о внешнеполитической стороне дела, рассматривали *п.* прежде всего как мероприятие, способствовавшее повышению производительности труда. Всего через пункты военной цензуры МВД СССР за период с 1945 г. по 1950 г. военнопленными было отправлено на родину 59 447 284 письма и получено военнопленными с родины 131 771 062 письма.

Плен — состояние, в котором находится человек, захваченный противником и лишенный свободы. *П.* — один из трагических феноменов человеческой истории. С ним связаны не только физические страдания и лишения, массовая гибель, но и тяжелый психологический и моральный кризис. В период Второй мировой войны это явление приобрело поистине колоссальные масштабы. Общее число *военнопленных*, захваченных всеми государствами, составило астрономическую цифру — около 35 млн. человек. По мнению ряда зарубежных и отечественных историков, во власти Германии находилось более 5,7 млн. солдат и офицеров Красной Армии. Достаточно спорной является цифра, характеризующая количество немецких военнопленных в Советском Союзе. Согласно официальным данным МВД, в плена СССР находились 2 389 560 немецких военнопленных. Большинство отечественных историков считают эту цифру заниженной и доводят количество плененных немцев до 2 млн. 600 тыс. человек. Что касается германских ученых, то по их подсчетам в советском плена находилось не менее 3,15 млн. немцев.

Пленобоязнь — страх перед возможностью попасть в неприятельский плен. Пропагандистская машина фашистской Германии формировала у своих солдат и офицеров страх перед русским пленом, более того — им внушалась мысль, что Красная Армия всех пленных расстреливает. Феномен *п.* как фактор повышения боеспособности войск использовался нацистской пропагандой на всем протяжении войны. Директива Ставки Верховного Главнокомандования № 11072 от 20 апреля 1945 г. требовала «более гуманного обращения» с немецкими военнопленными и гражданским населением. Это, по мнению советского военного руководства, значительно «облегчит ведение боевых действий» и «снизит упорство немцев в обороне». Борясь с *п.*, командование Красной Армии забрасывало в расположение немецких час-

тей листовки, пропагандирующие гуманное отношение советских властей к поверженному противнику, вело с помощью громкоговорящих установок соответствующие передачи. В ультиматумах к окруженным группировкам каждому пленному гарантировалась жизнь, оказание медицинской помощи и возвращение на родину сразу же после окончания войны.

Побег — самовольный уход или бегство военнопленного из лагеря. *П.* рассматривался органами НКВД-МВД как «одна из наиболее злостных форм саботажа и дезорганизации лагерной жизни и производства». Военнопленные чаще всего решались на *п.* в летне-осенний период, когда этому благоприятствовали погодные условия и наличие на полях овощей, а в лесу — грибов и ягод. 15 февраля 1946 г. вышло распоряжение начальника ГУПВИ НКВД № 8/13, предписывающее всех подозреваемых в подготовке *п.* поместить под усиленную охрану, а беглецов отправлять в *штрафные бригады*. Существовала многоуровневая система розыска беглецов. Первичный розыск проводился *конвоем*, затем к поиску подключались оперативная группа и *бригады содействия*. Если и это не приводило к положительным результатам, объявлялся всесоюзный розыск. Согласно данным ГУПВИ МВД, за 1943—1948 гг. было зафиксировано 11 403 *п.*, почти все бежавшие были пойманы или убиты при задержании.

Погребение — предание земле тела умершего военнопленного. В Женевской конвенции «О содержании военнопленных» от 27 июля 1929 г. говорилось, что все умершие в плена должны быть погребены с честью и достоинством. В СССР *п.* военнопленных проводилось в соответствии с директивами, инструкциями и распоряжениями НКВД-МВД. В инструкции «О порядке содержания военнопленных в лагерях НКВД» от 7 августа 1941 г. указывалось, что каждое место *п.* должно иметь опознавательный знак с указанием *матрикулярного номера*. 24 августа 1944 г. вышла директива УПВИ НКВД СССР № 28/2/23, которая более подробно регламентировала порядок захоронения военнопленных. *П.* умерших следовало производить в индивидуальных могилах: рядовых хоронить в нижнем белье, офицеров — в белье и верхней одежде. На каждой могиле предлагалось установить опознавательный знак — прочный кол с прибитой к нему дощечкой. На эту дощечку несмыываемой краской должен был наноситься номер могилы. Несмотря на жесткие требования инструкций и

директив, в организации *и. х.* немецких военнопленных допускались серьезные нарушения. Так, в августе 1941 г. трупы пленных направлялись не на кладбище, а в Харьковский крематорий, а трупы нескольких сотен немцев, умерших вскоре после войны в лагерях под Ленинградом, были переданы для медицинских экспериментов в клиники города. Нередко военнопленных хоронили без всякой одежды, тела завертывали в мешковину.

Подсобное хозяйство — земледельческое и животноводческое хозяйство, создававшееся для удовлетворения потребности лагерного контингента в дополнительном продовольствии. В лагерях военнопленных *и. х.* появились еще в годы Великой Отечественной войны. По постановлению Государственного Комитета Обороны № 8921сс от 4 июня 1945 г. местным органам власти предлагалось отвести лагерям пахотные земли и сенокосы в радиусе не более 25 км от места их дислокации. В *и. х.* строились свинарники, телятники, конюшни, теплицы, парники, изготавливались борона, грабли, лопаты, вилы, мотыги. В штатном расписании подсобных лагерных хозяйств значились агрономы, зоотехники, ветеринарные врачи, бухгалтера. В голодные послевоенные годы *и. х.* сыграли существенную роль в дополнительном обеспечении пленных продуктами питания.

Подучетник — военнопленный, состоявший на учете оперативных отделов лагерей УПВИ-ГУПВИ. *П.* являлись лица, совершившие военные преступления, а также взятые на учет по таким формальным признакам, как служба в СС, гестапо, членство в различных партиях и общественных организациях. Все эти лица, с точки зрения НКВД-МВД, активно помогали фашистскому режиму.

Политконтроль (от фран. *contrôle* — проверка) — цензорский просмотр входящей и исходящей корреспонденции, проводившийся сотрудниками особых отделений лагерей УПВИ-ГУПВИ. Письма военнопленных пропускались цензурой, если в них содержалась позитивная информация о состоянии здоровья, бытовых условиях, в целом о жизни в СССР. Категорически запрещалось сообщать сведения об умерших военнопленных. Конфискации подлежали письма зашифрованного и иносказательного характера. Военнопленным, в свою очередь, не передавались письма их родственников, содержащие критику в адрес СССР.

Положение о военнопленных от 1 июля 1941 г. — основной нормативно-правовой документ, регламентировавший положение иностранных военнопленных в СССР в годы Великой Отечественной войны и в послевоенный период. *П.* было утверждено под грифом «совершенно секретно» постановлением СНК СССР № 1798-800 от 1 июля 1941 года. Основные пункты *П.* соответствовали Гаагской (1907) и Женевской (1929) конвенциям. *П.* гарантировало военнопленным жизнь и неприкосновенность, питание и медицинское обслуживание на одинаковых условиях с военнослужащими Красной Армии. Запрещалось оскорблять военнопленных, жестоко обращаться с ними. Солдатам и офицерам, попавшим в плен, разрешалось ношение военной формы, знаков различия и отличия. В документе регламентировались условия содержания военнопленных, порядок их трудового использования. Вместе с тем *П.* имело и принципиальные отличия от Женевской конвенции. В советском документе не имелось статьи, предусматривавшей контроль за содержанием военнопленных со стороны МККК, отсутствовал запрет на размещение военнопленных в районах с неблагоприятным климатом, не оговаривалась возможность обжалования приговора в случае судебного преследования и т. д. Тем не менее, принятое СНК СССР *П.* не шло ни в какое сравнение с преступными приказами и директивами фашистского руководства, в которых содержалась установка на уничтожение советских военнопленных по политическим мотивам и расовому признаку.

Посылка — почтовое отправление, состоящее, как правило, из продуктов питания или предметов одежды. В статье 37 Женевской конвенции (1929) говорилось: «Военнопленным разрешается получать индивидуальные посылки со съестными продуктами и другими предметами, предназначенными для питания и одежды». О праве военнопленных на получение *п.* было сказано и в принятом СНК Положении о военнопленных. Порядок их получения регламентировался инструкцией НКВД от 13 августа 1941 года. Однако уже через три месяца советское руководство отклонило предложение МККК выступить в качестве посредника в деле передачи *п.*, с одной стороны, пленным солдатам и офицерам Красной Армии, с другой — немецким военнопленным. В 1947 г. рассматривался вопрос о возможности передачи *п.* военнопленным через иностранные посольства и

миссии, но МВД и МИД СССР сочли эту инициативу нежелательной. Лишь в январе 1948 г. последовало официальное разрешение на получение *п.* из Германии.

Преступления против мира и человечности — противоправные действия, создающие угрозу международному миру и безопасности. К таковым относятся преступления против мира (планирование, подготовка и ведение агрессивных войн, иные проявления агрессии); военные преступления (массовые расстрелы и истязания военнопленных и гражданского населения); преступления против человечности (расизм и геноцид). Юридическое толкование понятия *п. п. м. ч.* нашло отражение в Уставе Международного военного трибунала в Нюрнберге. Лица, виновные в совершении *п. п. м. ч.*, были подвергнуты уголовному наказанию не только в Нюрнберге. Среди немецких военнопленных в СССР также были выявлены солдаты и офицеры, представшие перед судом за совершение преступлений против мира и человечности.

Преступные организации (от фран. organisation — объединение, учреждение) — организации, деятельность которых запрещена и преследуется по закону. Международный военный трибунал, учрежденный для суда над главными нацистскими *военными преступниками*, признал в качестве *п. о.* руководящий состав нацистской партии (НСДАП), тайной государственной полиции (гестапо), службы безопасности (СД), охранных отрядов нацистской партии (СС). Директива МВД СССР № 285 от 3 декабря 1946 г. существенно расширила круг преступных организаций, включив в него военную разведку (Абвер), Главное управление имперской безопасности (РСХА), штурмовые отряды (СА), молодежную организацию нацистской партии (Гитлерюгенд), а также Союз германской техники, Союз германских учителей, Союз германских врачей, Объединение бывших германских студентов и прочие союзы и объединения, преступно сотрудничавшие, по мнению советской стороны, с нацистским руководством. На всех лиц, входивших в перечисленные организации, оперативным отделам лагерей предлагалось завести учетные дела.

Проверка — ежедневная процедура выявления наличного состава военнопленных. Осуществлялась *п.* в форме переклички утром перед выводом на работу и вечером перед *отбоем*. Производилась *дежурным офицером*. Военнопленные выстраивались в ли-

нейку, их пересчитывали, после чего следовал сигнал, возвещавший об окончании *п.* Иногда из-за неправильного подсчета или неявки на построение того или иного военнопленного *п.* проводилась несколько раз. *П.* проходила в любое время суток и при любой погоде.

Продолжительность рабочего дня — установленный для военнопленных режим труда и отдыха. В *Положении о военнопленных* говорилось, что на них распространяются постановления об охране труда и рабочего времени, действующие в отношении советских граждан. Приказ наркома внутренних дел № 097 от 24 марта 1942 г. утвердил инструкцию, согласно которой *п. р. д.* военнопленного, считая время, затраченное на его конвоирование к месту работы и обратно, равнялась 12 часам. Вскоре после Сталинградского сражения вышла директива начальника УПВИ НКВД от 6 апреля 1943 г., в которой указывалось, что *п. р. д.* военнопленного не должна превышать 8 часов, в месяц им должно быть предоставлено не менее четырех выходных. На практике установленные временные рамки зачастую не соблюдались. Пленные работали по 10—12 часов, еще 2—3 часа они тратили на дорогу в лагерь. Кроме того, военнопленные, не выполнявшие нормы выработки, наказывались в дисциплинарном порядке увеличением *п. р. д* на 1—2 часа.

Производственный травматизм (от греч. *trauma* — повреждение организма) — одна из причин нетрудоспособности военнопленных, важнейший показатель состояния техники безопасности на производственных объектах. Рост *п. т.* падает на период массового трудового использования военнопленных. За девять месяцев 1946 г. зафиксировано 254 717 случаев *п. т.*, в т. ч. со смертельным исходом — 787.

Пропавший без вести — военнослужащий, факт гибели или пленения которого документально не установлен. Отчетность военных ведомств фашистской Германии не имела графы, в которую бы заносилась цифра солдат и офицеров, оказавшихся в пленау. Пленные автоматически включались в разряд *п. б. в.* Семьям этих людей направлялось соответствующее извещение. Оно служило основанием для назначения пенсии нетрудоспособным членам семьи *п. б. в.*, назначения опеки над его имуществом или передачи этого имущества по наследству. Вопрос о

количестве германских военнослужащих, *п. б. в.* на Восточном фронте, является дискуссионным. В конце 50-х гг. бывшие союзники СССР по антигитлеровской коалиции обвинили советское руководство в сокрытии сведений о судьбе более чем миллиона немецких граждан.

Противоэпидемические мероприятия — профилактика заболеваний инфекционного характера. *П. м.* в лагерях для военнопленных носили систематический и обязательный характер. Они складывались из следующих элементов: предохранительные прививки, ежедневная уборка территории лагеря, снабжение лагерного контингента доброкачественной питьевой водой. Выгребные ямы, мусорные ящики и уборные заливались гашеной известью. Каждый барак обеспечивался умывальником и бачками для кипяченой воды. Одним из мероприятий по профилактике дизентерии, холеры, чумы было уничтожение вредных микроорганизмов с помощью бактериофагов — вирусов бактерий, вызывающих спад бактериальной клетки.

Психология военнопленных (от греч. psychē — душа + греч. logos — понятие) — совокупность психических процессов, характерных для человека, находящегося в ситуации военного плена. Для многих немецких солдат и офицеров, содержавшихся в плену СССР, было типичным наличие устойчивых идеологических, расовых и бытовых предрассудков, враждебное отношение к социалистическому строю. Нередкой была демонстрация интеллектуального и социального превосходства над советскими людьми, а также над своими бывшими союзниками — румынскими, итальянскими и венгерскими военнопленными. Длительное пребывание во власти чужого государства (некоторые провели в советском плену 10—15 лет) неизбежно накладывало на военнопленных свой отпечаток: у одних вырабатывался ранее не свойственный им конформизм, у других, наоборот, ярко выраженная агрессивность. Кто-то искал успокоение в работе, кто-то целиком посвящал себя служению Богу, кто-то не выдерживал длительную разлуку с родными и кончал жизнь *самоубийством*.

Раненые и больные — жертвы вооруженного конфликта, чей правовой статус на начало Второй мировой войны регулировался *Женевской конвенцией (1929)* «Об улучшении участия раненых и больных в действующих армиях». Этот документ обязывал

воюющие государства оказывать *р.* и *б.* военнопленным медицинскую помощь, независимо от их звания и национальности, на равных условиях со своими *р.* и *б.* военнослужащими. Кроме того, стороны, находившиеся в состоянии войны, должны были извещать друг друга о местах содержания *р.* и *б.* военнопленных, им предоставлялось первоочередное право на обмен и *интернирование* на территорию нейтральных государств. Гуманные нормы международного права о режиме *р.* и *б.* в годы войны грубо нарушились фашистской Германией. Уже в 1941 г. в советских газетах появились фотографии замученных и убитых раненых красноармейцев. Немецкие летчики периодически сбрасывали бомбы и вели обстрел госпиталей, военно-санитарных поездов и судов со знаками Красного Креста. 25 ноября 1941 г. факты на этот счет были изложены в ноте наркомата иностранных дел СССР. Обширный материал о нарушениях фашистской Германией Женевской конвенции о *р.* и *б.* имеется в документах *Чрезвычайной государственной комиссии*. Зверское обращение гитлеровцев с военнопленными, в т. ч. с *р.* и *б.*, было квалифицировано на *Нюрнбергском процессе* как тягчайшее преступление против человечности. Имели место нарушения Женевской конвенции 1929 г. и советской стороной. Так, в июле 1941 г. наркомат иностранных дел отклонил ходатайство германского правительства о размещении госпитальных судов в водах Балтийского моря и Северного Ледовитого океана. Бюро по расследованию преступлений против прав человека при юридическом отделе верховного главнокомандования *вермахта* зафиксировало случай расправы над ранеными немецкими военнопленными в Севастополе. Директива МВД № 90 от 11 апреля 1946 г. ставила *р.* и *б.* немецких военнопленных в более худшие условия содержания по сравнению с *р.* и *б.* военнопленными других национальностей.

Раскновоированый — военнопленный, имеющий право на свободное передвижение вне лагеря. Практика использования военнопленных на работах без охраны широко применялась после войны. *Р.* трудились в качестве шоферов, конюхов, истопников, сапожников, рабочих и служащих других специальностей. *Р.* выдавались справки с фотокарточками и указанием места их работы. Того, кто нарушал правила свободного передвижения, подвергали, в зависимости от характера нарушения, менее или более строгому наказанию.

Распорядок дня — регламентация труда и быта военнопленных в течение суток. *Р. д.* устанавливался специальными инструкциями УПВИ-ГУПВИ НКВД-МВД. За подписью начальника лагеря вывешивался у лагерного клуба, входа в комендатуру и т. д. Обычно действовал следующий *р. д.*: подъем — 7.00; утренний туалет — 7.00—7.25; построение и утренняя проверка — 7.25—8.00; завтрак — 8.00—9.00; рабочее время — 9.40—14.00; обед — 14.00—15.00; рабочее время — 15.00—19.40; ужин — 19.40—20.40; отдых и культурные развлечения — 20.40—22.30; 22.30—23.00 — вечерняя проверка; 23.00 — отбой.

Реабилитация (от позднелат. *rehabilitatio* — восстановление доброго имени, репутации) — восстановление в правах в судебном или административном порядке. Начало процессу *р.* военнопленных и интернированных немецких граждан положило совместное заявление Президента России Б.Н. Ельцина и Федерального канцлера Германии Г. Коля от 16 декабря 1992 г., в котором говорилось о необходимости вернуть добре имя безвинно пострадавшим германским гражданам. Правовой основой *р.* стал Закон Российской Федерации «О реабилитации жертв политических репрессий», принятый 18 октября 1991 г. На 1 января 2001 г. органами военной прокуратуры рассмотрено свыше 15 тыс. обращений иностранных граждан, главным образом немцев. По пересмотренным уголовным делам реабилитированы 13 035 иностранцев, отказано в *р.* 4 534. Отказ в *р.* коснулся в основном военнопленных, в делах которых имеются веские доказательства вины в совершении военных *преступлений против мира и человечности*. Работа по *р.* иностранных граждан в настоящее время продолжается. По мнению ряда отечественных юристов, реабилитационный процесс и его правовое регулирование в данной сфере нуждаются в корректировке и приведении в соответствие с действующим законодательством и Конституцией Российской Федерации.

Режимный лагерь — место для содержания осужденных военнопленных, эсэсовцев, сотрудников разведки и контрразведки, пленных, занимавшихся пропагандой фашистской идеологии, а также лиц, предпринявших попытку побега. В *р. л.* устанавливался более строгий порядок содержания. Продолжительность рабочего дня военнопленных устанавливалась 12 часов в сутки.

Обеспечивалась надежная охрана и полная изоляция контингента от окружающего мира.

Рекордист — передовик производства, победитель социалистического соревнования. Р. кормили за отдельным столом, помещали в специальные комнаты отдыха. Если предоставлялась возможность, то в бараках им отводились отдельные комнаты. Имена военнопленных, особо отличившихся в работе, помещались на Доску Почета. В целях стимулирования производительности труда руководство лагерей время от времени устраивало показательные проводы р. на родину. Каждый лагерь стремился вырастить своего р., поскольку это работало на авторитет лагерного начальства. При этом нередко использовалось такое испытанное средство, как приписки. В докладах на имя руководителей УПВИ-ГУПВИ НКВД-МВД можно встретить информацию о выполнении тем или иным военнопленным нормы выработки на 1200 %.

Рентабельность лагерей (от нем. *rentabel* — оправдывающий расходы) — показатель целесообразности существования лагерей для военнопленных с экономической точки зрения. В директивах УПВИ-ГУПВИ НКВД-МВД неоднократно подчеркивалась важность работы по повышению р. л. В современной исторической науке вопрос о р. л. УПВИ-ГУПВИ является дискуссионным. Большинство современных российских и зарубежных исследователей, таких, как И.В. Безбородова, С. Карнер, считают, что лагеря не окупали расходов государства на их содержание. Иную точку зрения высказывает С.Г. Сидоров. По его подсчетам, стоимость выполненных работ и произведенной продукции в 2,2 раза превысила затраты, направленные на содержание лагерей военнопленных.

Репатриация (от позднелат. *repatriatio* — возвращение) — возвращение в страну гражданства, постоянного проживания или происхождения лиц, оказавшихся в силу различных обстоятельств на территории других государств. Гаагская (1907) и Женевская (1929) конвенции предусматривали р. военнопленных на родину в кратчайший после заключения мира срок. Такая формулировка позволила СССР и его союзникам на законных основаниях задерживать плененных солдат противника в своих руках, ибо никакого мирного договора с Германией не зак-

лючалось, в 1945 г. она перестала существовать как государство. Более интенсивно проводилась и была ранее завершена *р.* из СССР венгров, румын, финнов и прочих лиц ненемецкой национальности. Возвращение на родину пленных немцев проходило в несколько этапов. В 1945—1946 гг. депатрировались только тяжелобольные, непригодные к труду бывшие военнослужащие *вермахта* рядового состава. На этом этапе были отправлены на родину 785 975 немецких военнопленных. На Московской сессии Совета министров иностранных дел Великобритании, СССР, США и Франции было решено завершить *р.* пленных немцев до 31 декабря 1948 года. Однако СССР не выполнил взятых на себя обязательств. Об окончании *р.* германских подданных было сказано лишь в сообщении ТАСС от 5 мая 1950 года. Согласно заявлению советской стороны, в Германию вернулись в общей сложности 1 939 063 чел. и остались отбывать наказание в СССР еще 13 546 чел. *Р.* осужденных немецких военнопленных завершилась в январе 1956 г., после того, как 28 сентября 1955 г. был принят Указ «О досрочном освобождении германских граждан, осужденных судебными органами СССР за совершенные ими преступления против народов Советского Союза в период войны». По инициативе МККК в новую Женевскую конвенцию 1949 г. было внесено изменение принципиального порядка: *р.* военнопленных должна проводиться не после заключения мирного договора, а сразу же после окончания военных действий.

Саботаж на производстве (от фран. *sabotage* — стучать башмаками) — намеренный срыв работы самыми различными методами. В документах саботажники чаще фигурируют под назвианием «отказчиков». Одни из них призывали своих товарищих не выходить на работу, другие — выводили из строя оборудование, третья — наносили себеувечья или же симулировали какое-либо заболевание. ГУПВИ МВД неоднократно издавало директивы по борьбе с *с. п.* в лагерях. Отказчикам урезали нормы питания, помещали их на *гауптвахту*, отправляли в *штрафные бригады и режимные лагеря*. Наиболее злостных нарушителей привлекали к уголовной ответственности за «контрреволюционный саботаж» по ст. 58-14 УК РСФСР.

Самоубийство — намеренное лишение себя жизни. Как правило, на с. решались лица с расстроенной психикой, не сумевшие вписаться в лагерный быт, испытывавшие на себе сильное психологическое давление лагерных властей или своих же товарищей. Одной из причин с. была боязнь за свою судьбу военнопленных, изобличенных в совершении преступлений против Советского Союза. 10 июня 1949 г. вышло распоряжение МВД № 371, в котором начальникам лагерей предлагалось взять под особый контроль лиц, находившихся под следствием, тщательно расследовать каждый случай с., а лиц, не предпринявших эффективных мер по предотвращению суицида, строго наказывать.

Сверхурочная работа — дополнительная работа, которую выполняли военнопленные, не справившиеся с производственным заданием в отведенное время. Директива МВД № 130 от 22 мая 1946 г., к примеру, разрешала оставлять военнопленных немецкой национальности, не справившихся с производственным заданием, на с. р. на один час. Кроме того, с. р. могли объявляться лагерной администрацией в случае производственной необходимости.

Седьмое управление Главного политического управления РККА — сначала отдел, а затем управление, входившее в состав ГлавПУ РККА, задачей которого была организация пропаганды и контрпропаганды среди населения и войск противника (1940—1946). В 1946 г. преобразован в 7-е управление Главного политического управления Вооруженных Сил СССР. Начальником 7-го отдела, впоследствии управления в 1940—1953 гг. являлся М.И. Бурцев. Печатные, иллюстративные, фотоматериалы, изданные по линии 7-го управления ГлавПУ РККА на иностранных языках, широко использовались для идеологического воздействия на войска противника. Кроме того, сотрудники 7-го управления готовили передачи для немецких войск и населения Германии. В работе 7-го управления активное участие принимали военнопленные-антифашисты. В первые послевоенные месяцы 7-е управление осуществляло политическую пропаганду в Восточной зоне оккупации Германии. В составе управления был сформирован специальный отдел контроля над печатной и устной агитацией, а также Прессбюро, готовившее материалы для газет, выходивших в Восточной зоне. Только за период с 17 мая по 2 июля 1945 г. этим газетам было отправлено 145 статей и очерков, посвященных военной и экономичес-

кой моши СССР, жизни советского народа и преступлениям фашизма. С октября 1945 г. этой работой стало заниматься Управление пропаганды (информации) Советской военной администрации в Германии под руководством полковника С.И. Тюльпанова.

Симулянт (от лат. *simulatio* — притворство) — военнопленный, симулирующий болезнь с целью попасть в госпиталь, уклониться от работы, попасть в число кандидатов на *репатриацию* по болезни. Бывали случаи, когда пленные искусственным путем доводили себя до состояния *дистрофии* 1-й степени, чему способствовало употребление в пищу чрезмерного количества поваренной соли. В отношении злостных *с. к.* администрация лагерей прибегала к практике уголовного преследования. Виновным грозило 5 лет лишения свободы по ст. 193-12а УК РСФСР, предусматривающей ответственность за «уклонение военнослужащего от несения обязанностей воинской службы путем причинения себе какого-либо повреждения или путем симуляции болезни».

Смертная казнь — высшая мера судебного наказания. По отношению к военнопленным *с. к.* стала применяться в форме публичного повешения, после того как 19 апреля 1943 г. вышел Указ Президиума Верховного Совета СССР «О мерах наказания для немецко-фашистских злодеев, виновных в убийствах и истязаниях советского гражданского населения и пленных красноармейцев, для шпионов, изменников Родины из числа советских граждан и их пособников». Публичные казни осужденных по этому указу фашистских *военных преступников* продолжались до весны 1947 года. Указ от 26 мая 1947 г. заменил *с. к.* 25 годами исправительно-трудовых работ. Однако 12 января 1950 г. Президиум Верховного Совета СССР, принимая во внимание заявления республик, профсоюзов, крестьянских организаций, а также деятелей культуры, издал Указ о введении *с. к.* для изменников Родины, шпионов и диверсантов. Указу была придана обратная сила, в результате чего несколько осужденных немецких военнопленных были приговорены к высшей мере наказания.

Смертность — в статистике УПВИ-ГУПВИ количество случаев смерти среди военнопленных за определенный период времени (месяц, квартал, год). Данные о *с. в.* военнопленных проходили под грифом «совершенно секретно» и были доступны лишь

ограниченному кругу лиц. В каждом случае смерти военнопленного составлялся акт. Процент летальных исходов зависел от уровня питания, условий труда, своевременного оказания медицинской помощи и иных факторов. Если количество умерших военнопленных в каком-либо лагере становилось слишком большим, из Москвы поступала директива с требованием «принять все необходимые меры по предотвращению смертности». 28 января 1947 г. МВД издало директиву № 22, согласно которой в 109 лагерей были направлены комиссии по расследованию причин неблагополучного положения и выявления виновных. Общее число погибших в советском плену немецких солдат и офицеров статистика МВД СССР определяет цифрой 356 687 человек.

«*Смерши*» («Смерть шпионам») — Главное управление контрразведки Народного комиссариата обороны СССР, в задачу которого входила борьба с «подрывной деятельностью разведок империалистических государств». «*Смерши*» был создан по постановлению ГКО от 14 апреля 1943 года. Работал в тесном контакте с наркоматами внутренних дел и государственной безопасности. Известны случаи, когда органы «*Смерши*» отправляли во внутренние тюрьмы территориальных управлений НКВД военнопленных, которых расстреливали по обвинению в шпионаже без суда и следствия. В мае 1946 г. органы «*Смерши*» были преобразованы в особые отделы и подчинены Министерству государственной безопасности.

«*Социалистическое соревнование*» — массовое движение трудящихся Советского Союза за наивысшие достижения на производстве. В лагерях УПВИ-ГУПВИ НКВД-МВД внедрялись такие формы с. с., как соревнования лаготделений и бригад, трудовое ударничество (основной признак ударничества — перевыполнение производственных норм на 120—150 %). За лучшие результаты в той или иной отрасли производства устанавливались такие почетные звания, как «Лучший забойщик», «Лучший каменщик». Имена добившихся высоких трудовых показателей заносились на Доски Почета, передовики отмечались почетными грамотами. В некоторых лагерях системы УПВИ-ГУПВИ НКВД-МВД социалистическое соревнование чаще называли трудовым соревнованием, учитывая скептическое отношение многих военнопленных к коммунистической терминологии.

Союз немецких офицеров (нем. *Bund Deutscher Offiziere*) — организация пленных немецких офицеров-антифашистов в СССР (1943—1945 гг.). 11—12 сентября 1943 г. в Лунево под Москвой при участии 94 немецких офицеров из Красногорского, Сузdalского и Оранского лагерей состоялась учредительная конференция **СНО**, на которой было принято «Воззвание к немецким генералам и офицерам! К народу и вермахту!» Президентом **СНО** был избран генерал артиллерии Вальтер фон Зайдлиц. Целью **СНО** провозглашалось свержение фашистской диктатуры в Германии. Одним из основных методов деятельности **СНО**, так же, как и **НКСГ**, была пропаганда по разложению войск противника, агитация за прекращение сопротивления Красной Армии. До весны 1945 г. к **СНО** присоединились около 4 тыс. бывших генералов и офицеров германской армии. Президент **СНО** и его единомышленники рассматривали свою организацию как прообраз будущего правительства демократической Германии. Однако это не входило в планы советской стороны. 2 ноября 1945 г. **СНО**, равно, как и **НКСГ**, был распущен. В 1950 г. был осужден как военный преступник президент **СНО** Вальтер фон Зайдлиц. Реабилитирован Главной военной прокуратурой в 1994 году.

СПВ, или *сборный пункт военнопленных* — место приема военнопленных, их учета и дальнейшей эвакуации. **СПВ** были созданы по приказу наркома внутренних дел от 26 сентября 1943 года. Выполняли функцию промежуточного звена между **АПП** и **ФППЛ**. **СПВ** располагались в 50—70 км от линии фронта и были рассчитаны на одновременный прием 1 500—2 000 военнопленных. Руководство наркомата внутренних дел рекомендовало использовать под **СПВ** помещения бывших лагерей противника. Организация **СПВ** позволила улучшить качество обслуживания и сократить потери военнопленных в ходе последующей эвакуации.

Спецгоспиталь (от лат. *hospitalis* — гостеприимный) — медицинское учреждение, предназначенное для стационарного лечения военнопленных вражеских армий. Одна часть спецгоспиталей входила в состав наркомата обороны, другая — в состав наркомата здравоохранения. Питание и бытовое обслуживание в **с.** было организовано значительно лучше, чем в лагерях. Кроме того, при многих **с.** имелись *подсобные хозяйства*, продукция кото-

рых являлась существенной прибавкой к рациону больных. При лечении военнопленных широко использовались физиопроцедуры: кварц, солюкс, диаремия, торфолечение. Однако лечебный процесс нередко страдал из-за отсутствия нужных медикаментов, случались перебои с поставкой продовольствия. Предпочтение в снабжении лекарствами и продуктами питания, по вполне понятным причинам, отдавалось госпиталям, обслуживающим воинов Красной Армии. Директива НКВД СССР № 52 от 2 марта 1946 г. в связи с нехваткой в с. медперсонала требовала максимально использовать при лечении раненых и больных труд пленных немецких медиков.

Спецпропаганда (от лат. *propagare* — распространять) — пропаганда среди войск и населения противника. Руководство с. в Великую Отечественную войну осуществляло Советское бюро военно-политической пропаганды, созданное решением ЦК ВКП (б) от 25 июня 1941 года. Рабочим органом бюро был *Седьмой отдел* (с августа 1944 г. — управление) ГлавПУ РККА по работе среди войск и населения противника. Непосредственно вели с. отделы в политуправлениях фронтов, отделения в политотделах армий, старшие инструкторы по работе среди войск противника в политотделах дивизий. Основное содержание с. сводилось к разъяснению справедливых целей войны со стороны Советского Союза, демонстрации мощи Красной Армии и разоблачению преступной сущности фашистского режима. Важным участком с. являлась работа среди военнопленных. С июля 1943 г. этой работой стали заниматься *Национальный комитет «Свободная Германия»* и *Союз немецких офицеров*. За годы войны среди вражеских частей было распространено свыше 20 тыс. листовок, газет и брошюр на 20 иностранных языках общим тиражом около 3 млрд. экземпляров. На передовой с помощью громкоговорящих установок и ручных мегафонов проведено свыше 2 млн. агитационных передач. Кроме того, с. велась путем засылки во вражеские войска военнопленных антифашистов. Так, в июле 1944 г. в район Бобруйского котла было направлено около 200 агитаторов, благодаря чему перешли линию фронта и добровольно сложили оружие 7 500 солдат и офицеров *вермахта*.

Стресс (от англ. *stress* — напряжение) — совокупность защитных физиологических и психологических реакций, наступающих в организме человека в ответ на воздействие различных неблагоприятных факторов, таких, как холод, голод, потеря

крови, психическая и физическая травмы. С. является характерным эмоционально-психологическим состоянием для участника боевых действий. Психологический дискомфорт усугубляется в плену. Это обусловлено мыслью военнопленного о том, что для лиц, захвативших его в плен, он продолжает оставаться врагом, который еще недавно держал в руках оружие. Порожденные режимом военного плена стрессовые ситуации, в свою очередь, приводили к межличностным конфликтам, о которых свидетельствуют рапорты лагерного руководства о чрезвычайных происшествиях. Одним из последствий длительной стрессовой ситуации были апатия, 'безразличное отношение к своей жизни и судьбе. Такое поведение отличало военнопленных с подавленной психикой, длительное время находившихся в состоянии нервного и физического истощения.

Судебные процессы над военными преступниками — практика судебного преследования военнопленных, обвиняемых в совершении военных преступлений. Первый показательный судебный процесс над немецкими военнопленными, виновными в массовом уничтожении советских людей, прошел вскоре после освобождения Харькова. 18 декабря 1943 г. военный трибунал 4-го Украинского фронта приговорил к высшей мере наказания 3 военнослужащих вермахта и их пособника — гражданина СССР. В декабре 1945 — январе 1946 гг. прошли процессы над *военными преступниками* в городах Брянске, Смоленске, Ленинграде, Великих Луках, Минске, Риге, Киеве и Николаеве. Перед судом предстали 84 бывших военнослужащих вермахта и сотрудников немецко-фашистских карательных органов, в т. ч. 18 генералов. На процессах были допрошены более 300 свидетелей, в т. ч. военнопленные. К смертной казни через повешение приговорили 67 военных преступников, из них 18 генералов, остальных приговорили к каторжным работам на срок от 12 до 20 лет. На открытых судебных процессах, организованных по постановлению Совета Министров СССР № 3209—1046сс от 10 сентября 1947 г., в городах Витебске, Новгороде, Бобруйске, Гомеле, Чернигове, Полтаве, Сталино, Севастополе и Кишиневе были приговорены на срок от 10 до 25 лет каторжных работ 137 военных преступников, из них 23 генерала. На рубеже 40-х—50-х гг. в массовом порядке начали проводиться закрытые заседания военных трибуналов.

Эти с. п. шли параллельно с завершением *репатриации* немецких военнопленных. Вопрос о предании суду зачастую решался без предварительного расследования, по представленным ГУПВИ МВД спискам. Это, в свою очередь, обусловило большое количество судебных ошибок и нарушений процессуальных норм. Всего в ходе судебных процессов конца 40-х—начала 50-х гг. к уголовной ответственности было привлечено около 30 тыс. немцев. В настоящее время значительное количество заведенных на них дел Главной военной прокуратурой РФ пересмотрено, многие германские граждане реабилитированы.

Татуировка (от фран. *tatouer* — татуировать) — нанесение на кожу с помощью иглы и краски какого-либо рисунка. Военнопленные, служившие в частях СС, имели на предплечье левой руки с внутренней стороны татуированные буквы: «А», «О», «В», «AB», обозначающие соответственно 1, 2, 3, 4 группы крови. Т. выявлялись путем проведения медицинских осмотров. Все военнопленные, у которых была выявлена подобная т., брались на оперативный учет как *эсэсовцы*. Поэтому многие из них пытались избавиться от т. всеми возможными способами.

Типовой штат лагеря для военнопленных — предусмотренные штатным расписанием структура и количество лагерного персонала. На лагерь вместимостью до 10 тыс. чел. выделялось 134 штатные единицы. Помимо руководства лагеря (начальник, его заместитель и помощник, комиссар, 3 дежурных коменданта), в штате имелись канцелярия (12 чел.), 6 отделений: особое (9 чел.), политическое (7 чел.), учетно-распределительное (13 чел.), снабжения (19 чел.), финансовое (5 чел.) и санитарное (7 чел.), а также команда внутренней охраны (46 чел.) и пожарная команда (9 чел.).

Трибуналы военные (от лат. *tribunal* — судилище) — судебные органы, осуществлявшие правосудие в действующей армии и на флоте, пограничных и внутренних войсках. В соответствии с «Положением о военных трибуналах в местностях, объявленных на военном положении, и в районах боевых действий» от 22 июня 1941 г. появились трибуналы на железнодорожном и водном транспортах. Компетенция т. в. была расширена, они стали рассматривать дела о воинских преступлениях не только на фронте, но и в тылу. Судебные дела военнопленных в годы Великой Отечественной войны рассматривали т. в. фронтов, а

после ее завершения и вплоть до сентября 1953 г.— *т. в.* войск МВД и МГБ. *Т. в.* чаще всего рассматривали дела военнопленных по «упрощенной процедуре»: в присутствии обвиняемого, но без участия обвинителя, адвокатов и без вызова свидетелей в зал суда.

Указ от 19 апреля 1943 г.— Указ «О мерах наказания для немецко-фашистских злодеев, виновных в убийствах и истязаниях советского гражданского населения и пленных красноармейцев, для шпионов, изменников Родины из числа советских граждан и их пособников». У. создал правовую базу для привлечения к суду и вынесения наказания для немецких, итальянских, румынских, венгерских и финских *военных преступников*. Рассмотрение дел военнопленных объявлялось полномочием *военных трибуналов*. Ответственность за совершение зверств и злодеяний возлагалась не только на лиц, подписавших преступные приказы, но и на рядовых исполнителей этих приказов. У. вводилась *смертная казнь*, которая должна была осуществляться публично. В судебной практике нарушением было то, что по У., наряду с оговоренными лицами, привлекались к уголовной ответственности и граждане иной национальности, к примеру, японцы. Кроме того, по такому формальному признаку, как принадлежность к воинской части, принимавшей участие в карательных акциях, к ответственности привлекались солдаты, непосредственно в преступлениях не участвовавшие.

Ультиматум (от лат. *ultimus* — самый последний, крайний).— требование к группировке противника прекратить сопротивление и сдаться в плен, чтобы избежать ненужного кровопролития. При предъявлении у. в роли парламентеров, наряду с советскими офицерами, нередко выступали пленные антифашисты.

УПВИ-ГУПВИ НКВД-МВД СССР — Главное управление по делам военнопленных и интернированных НКВД-МВД СССР. 19 сентября 1939 г. приказом наркома внутренних дел Л.П. Берии в составе НКВД было создано УПВ (Управление по военнопленным). Первый начальник — капитан, позднее — майор госбезопасности П.К. Сопруненко. В 1940 г. УПВ было переименовано в Управление по делам военнопленных и интернированных (УПВИ). В связи с увеличением численности военнопленных, а также в целях улучшения руководства работой лагерей 11 января 1945 г. УПВИ было реорганизовано в Главное

управление по делам военнопленных и интернированных (ГУПВИ). Начальником ГУПВИ стал генерал-лейтенант И.А. Петров. Штат ГУПВИ состоял из 259 единиц. В его структуру входили отделы: учетно-распределительный, режима и охраны, хозяйственный, санитарный, организационно-производственный, а также группа политинструкторов. После *репатриации* основной массы военнопленных на родину 20 июня 1951 г. ГУПВИ вновь было преобразовано в УПВИ МВД СССР. Последним начальником УПВИ был генерал-лейтенант А.З. Кобулов, одновременно занимавший пост первого заместителя начальника Главного управления исправительно-трудовых лагерей и колоний МВД СССР. 14 марта 1953 г. Управление по делам военнопленных и интернированных в связи с реорганизацией МВД СССР было расформировано, а его функции переданы Тюремному управлению МВД СССР.

Учетная карточка — документ учета военнопленного. На лицевую сторону у. к. заносились такие сведения, как фамилия, имя, отчество, национальность, год и место рождения, профессия, на оборотную — место взятия в плен, название воинской части, к которой принадлежал военнопленный, сведения о перемещениях из лагеря в лагерь, нахождении на лечении, дата репатриации, смерти и т. д. 1 марта 1943 г. был издан приказ НКВД СССР № 00404, согласно которому все у. к. подбирались строго по алфавиту, на каждой карточке ставился *дактилооттиск*. У. к. составлялась в одном экземпляре и в обязательном порядке высылалась в УПВИ-ГУПВИ НКВД-МВД СССР.

Учетное дело — личное дело военнопленного, заводившееся на него после поступления в лагерь. У. д. объединяло все документы о военнопленном: *опросный лист*, дактилоскопическую карту, различные заявления и ходатайства военнопленного, характеристики, запросы о судьбе военнопленного, акт о смерти и погребении, прочие материалы. При переводе военнопленного из одного лагеря в другой у. д. пересыпалось вместе с ним. В случае освобождения или смерти военнопленного у. д. сдавалось в архив 1-го спецотдела НКВД-МВД.

Феме (от нем. *Fehmgerichte* — правосудие, тайное судилище) — подпольные тайные суды, состоявшие из профашистски настроенных военнопленных, боровшиеся с политическими

противниками методами угроз и физического устраниния. Так, в начале 1946 г. в Красногорском лагере МВД № 27 оперативными работниками была выявлена подпольная нацистская организация под руководством генерала Окснера, состоявшая из 60 военнопленных офицеров. Члены этой организации составляли списки «предателей – антифашистов», которых по приговору *ф.* следовало казнить. В планы этой организации также входили подготовка и проведение вооруженного восстания. Подпольные террористические группы были выявлены и в некоторых других лагерях. Количество *ф.* значительно сократилось после выхода в июне 1946 г. директивы МВД № 163 о ликвидации фашистских организаций и групп среди военнопленных.

ФППЛ, или *фронтовой приемно-пересыльный лагерь* – лагерь, выполнявший функции приема, содержания и эвакуации военнопленных во фронтовом тылу. Сеть **ФППЛ** из 11 лагерей была создана по приказу наркома внутренних дел в 1943 г. на базе *лагерей-распределителей*. **ФППЛ** располагались в радиусе 100—120 км от линии фронта.

ЦСБ при исполнкоме СООК и КП СССР — Центральное спра-вочное бюро по делам военнопленных при исполнкоме Союза обществ Красного Креста и Красного Полумесяца СССР. Со-гласно утвержденному 24 июля 1941 г. Положению, **ЦСБ** должно было выдавать, используя посредничество *MKKK*, справки о военнопленных Красной Армии и иностранных военнопленных. Кроме того, перед **ЦСБ** ставилась задача по получению и пере-сылке писем и посылок, сбору, хранению и пересылке ценнос-тей, документов и вещей, оставшихся от освобожденных или умерших военнопленных. **ЦСБ** имело в своем составе отдел военнопленных Красной Армии и Флота, отдел военнопленных неприятельской армии, отдел пересылки и хранения материаль-ных ценностей, а также секретариат. Однако как в годы Вели-кой Отечественной войны, так и в послевоенный период **ЦСБ**, контролируемое НКВД-МВД и НКИД-МИД СССР, исполняло возложенные на него функции в урезанном объеме.

Часовой — в лагерях УПВИ-ГУПВИ НКВД-МВД СССР во-еннослужащий, несший охрану военнопленных. Ч. охраняли пленных в лагерях, на *гауптвахте*, в *спецгоспиталях*, на местах работ. Кроме того, они охраняли различные склады и сооруже-

ния своего ведомства. Ч., в зависимости от возложенной на него задачи, подразделялся на ч. подвижного и ч. неподвижного поста. Смена ч. производилась через 3—6 часов. Во избежание нападения на ч. он должен был находиться от охраняемых в радиусе не менее 20 метров; заходить к военнопленным с оружием запрещалось. Время пребывания на посту из-за плохих метеорологических условий могло быть сокращено. Как правило, ч. вооружался 7, 62 мм винтовкой образца 1891/1930 гг.

Членовредительство — нанесение военнопленным увечья самому себе с целью попасть в категорию нетрудоспособных, которые могли в первую очередь рассчитывать на *репатриацию*. Директива ГУПВИ НКВД № 28/4/4583 от 28 февраля 1944 г. перечисляла разнообразные формы ч. среди военнопленных, такие, как нанесение механических повреждений верхним или нижним конечностям, питье концентрированных растворов поваренной соли с целью вызвать отеки или поносы, прижигание слизистой оболочки глаз известью, курение древесной коры с целью вызвать сердцебиение и пульс с перебоями, вприскивание под кожу скипидара и керосина с последующим образованием флегмоны. Военнопленные, прибегавшие к ч., направлялись в *режимные лагеря* и *штрафные бригады*, привлекались к уголовной ответственности за «контрреволюционный саботаж» по ст. 58-14 УК РСФСР. В целях недопущения фактов ч. проводились соответствующие оперативно-следственные мероприятия с привлечением лагерных агентов и осведомителей, велась разъяснительная работа.

Чрезвычайная государственная комиссия — комиссия по расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их пособников и установлению причиненного ими ущерба государственным предприятиям, колхозам, общественным организациям, гражданам СССР. ЧГК была образована Указом Президиума Верховного Совета СССР от 2 ноября 1942 г. с целью сбора документальных данных, проверки и систематизации всех материалов о злодеяниях нацистских преступников для предания их суду. ЧГК составила свыше 250 тыс. протоколов опроса свидетелей и заявлений о злодеяниях нацистов; рассмотрела 54 тыс. актов о злодеяниях и около 4 млн. актов — о причиненном материальном ущербе. ЧГК опубликовала 27 сообщений

о преступлениях, совершенных на советской и польской территориих. Материалы ЧГК сыграли большую роль в разоблачении главных нацистских преступников на Нюрнбергском процессе. В состав ЧГК входили: секретарь ВЦСПС Н.М. Шверник (председатель), академики Н.Н. Бурденко, Б.Е. Веденеев, Т.Д. Лысенко, Е.В. Тарле, И.П. Трайнин, летчица Герой Советского Союза В.С. Гризодубова, секретарь ЦК ВКП (б) А.А. Жданов, митрополит Киевский и Галицкий Николай, писатель А.Н. Толстой. В республиках, краях, областях, городах, освобождаемых от немецко-фашистских оккупантов, создавались комиссии содействия ЧГК из представителей партийных, советских, военных органов и общественных организаций.

Шпионаж (от нем. Spionage — хищение) — преступная деятельность по сбору секретных сведений, составляющих государственную тайну, с целью передачи их другому государству. Военнопленные, как и граждане СССР, подлежали уголовной ответственности за *ш.* по ст. 58-6 УК РСФСР, которая предусматривала наказание в виде лишения свободы на срок от 3 до 25 лет. В годы войны лица, обвиняемые в *ш.*, как правило, приговаривались к высшей мере наказания — расстрелу. Основная роль в борьбе со *ш.* принадлежала советской военной контрразведке «Смерш». Согласно данным МВД СССР на 20 февраля 1955 г. за *ш.* отбывали наказание 2 710 немецких граждан.

Штрафная бригада (рота) — особое подразделение, предназначенное для отбывания наказания провинившимся военнопленными. Бригады и роты с «особым режимом» создавались в лагерях по приказу НКВД СССР № 00311 от 16 апреля 1945 г. для борьбы с «отказчиками», симулянтами, нарушителями трудовой дисциплины и лагерного распорядка, лицами, склонными к побегам. Срок содержания в штрафных подразделениях устанавливался от одного до трех месяцев. Для штрафников вводился двенадцатичасовой рабочий день, они направлялись на наиболее тяжелые участки производства (лесозаготовки, погрузка и разгрузка вагонов, земляные работы) и должны были обязательно выполнить норму выработки.

Эвакуация (от лат. evacuare — опоражнивать) — отправка военнопленных из района боевых действий в тыл. Для обеспечения скорейшей э. рекомендовалось использовать все виды

транспорта, идущие порожняком с фронта. Норма погрузки в двухосные вагоны — 40—50 чел., в четырехосные — 80—90 чел. Общая численность военнопленных в одном эшелоне не должна была превышать 1 500 чел. Во время перевозки железнодорожным транспортом военнопленных следовало обеспечить горячей пищей и кипятком. Предусматривался ежедневный обход вагонов медработниками. Однако в годы Великой Отечественной войны правила перевозки зачастую нарушались. Пленные помещались в вагоны, лишенные отопления, не обеспеченные элементарным санитарно-гигиеническим оборудованием (санузлом, баками для воды). Горячее питание и медицинская помощь либо отсутствовали, либо имели эпизодический характер. За смертность военнопленных в пути следования отвечали начальник эшелона и его помощник. Особенно высоким был процент летального исхода в зимний период. К значительным потерям среди военнопленных приводили также бомбежки и артобстрелы противника. Так, 13 октября 1941 г. на станции Пухово эшелон 233-го конвойного полка был атакован с воздуха, в результате чего было разбито 10 вагонов, погибли 157 немецких военнопленных и 200 были ранены.

Экстрадиция — передача преступника одним государством другому государству по его требованию в целях привлечения виновного к уголовной ответственности. По инициативе СССР 30 октября 1943 г. была принята Московская декларация об ответственности гитлеровцев за массовые преступления, подписанная СССР, США и Великобританией. В декларации говорилось, что германские солдаты, офицеры и члены нацистской партии, ответственные за зверства, убийства и казни, совершенные на территории временно оккупированных ими стран, будут отосланы в эти страны для суда. В период холодной войны ситуация изменилась. СССР неоднократно обращался к странам Запада по поводу выдачи того или иного *военного преступника*, однако его требования, как правило, оставались без внимания.

Эпидемия (греч. *epidemia*) — массовое распространение инфекционного заболевания среди военнопленных. В связи с систематическими нарушениями в организации питания и санитарно-бытового обслуживания обострение эпидемиологической обстановки в лагерях не было редкостью. Так, директива на-

родного комиссара внутренних дел СССР и народного комиссара здравоохранения СССР № 129/04-8/435 от 6 августа 1945 г. требовала от начальников управлений НКВД краев и областей срочно провести мероприятия по профилактике малярии среди военнопленных. Наибольшую опасность для здоровья пленных представляли такие инфекционные заболевания, как сыпной тиф, туберкулез, дизентерия. Как правило, эти заболевания носили сезонный и очаговый характер. Для профилактики э. в лагерях систематически проводились *противоэпидемические мероприятия*.

Эсэсовец — член привилегированной фашистской организации «СС» (сокр. от *Schutzstaffeln* — охранные отряды) или военнослужащий, служивший в войсках СС — элитных частях германской армии. Численность войск СС за время Второй мировой войны возросла с 4 полков (18 тыс. человек) до 38 дивизий (около 950 тыс. человек). Войска СС участвовали в боевых действиях на советско-германском фронте и отличались при этом крайним фанатизмом и жестокостью. В лагерях УПВИ-ГУПВИ э. выявлялись как по агентурным данным, так и по характерным *татуировкам*. Оперативно-чекистские отделы лагерей небезосновательно рассматривали э. как вероятных участников зверств и злодеяний на оккупированной территории СССР. Многие из них были осуждены как *военные преступники*.

Этапирование (от фран. *etape* — момент, стадия) — перевод военнопленных под конвоем из одного пункта в другой. Э. использовалось для перевода военнопленных на сравнительно небольшие расстояния. Однако при хроническом отсутствии железнодорожного и автомобильного транспорта были случаи э. военнопленных на расстояние до 200—300 км. При прохождении военнопленных через населенный пункт конвой усиливался, любопытствующее население прогонялось. Военнопленным никогда не сообщалось, куда именно их направляют.

Этика воинская (от греч. *ethikos* — касающийся нравственности) — составная часть общей этики, теоретически обосновывающая нормы и принципы воинской морали. Одной из задач военно-этических знаний является формирование четкой идейной позиции по отношению к противнику. Если в 20—30-е годы потенциальный противник Советского Союза трактовался с сугу-

бо классовых позиций, то в годы Великой Отечественной войны на лидирующее место вышел этнический фактор. Немец рисовался жестоким, беспощадным, фанатичным врагом, творящим кровавые вакханалии на советской земле. Именно этим объясняются факты возникновения в частях Красной Армии несанкционированных «комитетов мести», практика стихийных расстрелов солдат *вермахта*, попавших в плен. Тем не менее, факты гуманного обращения с пленным противником, безусловно, превалировали над стихийной несанкционированной жестокостью.

СОДЕРЖАНИЕ

Историография проблемы немецких военнопленных в СССР.....	3
Библиография.....	99
Справочно-понятийный аппарат.....	168

**Виктор Борисович Конасов,
Александр Леонидович Кузьминых
НЕМЕЦКИЕ ВОЕННОПЛЕННЫЕ В СССР:
историография, библиография,
справочно-понятийный аппарат**

Технический редактор *Н.И. Тимонова*
Корректоры *Е.Н. Вадурина, Т.И. Брусенская*
Компьютерная верстка *Н.Н. Быковой*

Издательская лицензия № 040953 от 18 марта 1999.

Подписано в печать 4.06.2002. Формат 60x84₁₆. Гарнитура Таймс.
Печать офсетная. Бумага газетная.
Объем 13,48 усл. п. л. + вкладка 0,46 усл. п. л. Тираж 200 экз. Зак. 445.

Издательский центр Вологодского института развития образования,
160012, Вологда, ул. Козленская, 114.

